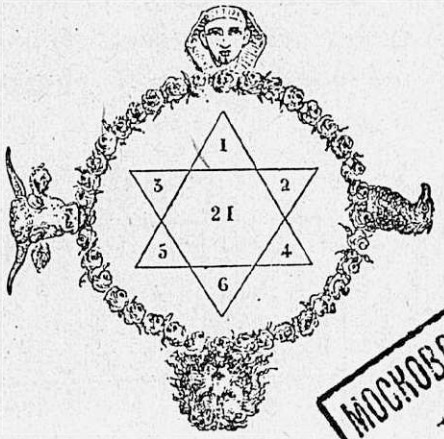
Ф 103
Т 557
58 110
Даніилъ Святскій
801-17
3090
Ф 103
Т 557
801-90
5377-3

ПОДЪ СВОДОМЪ ХРУСТАЛЬНАГО НЕБА

ОЧЕРКИ ПО АСТРАЛЬНОЙ МИѲОЛОГІИ
ВЪ ОБЛАСТИ РЕЛИГІОЗНАГО И НАРОДНАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ

Съ 15 рис. въ текстѣ.



СПБ.—1913.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ
XII-31867

2011120543

Даніилъ Святскій

Предисловіе.

Предлагаемый рядъ очерковъ составился постепенно, частью изъ моихъ журнальныхъ статей, частью же изъ неопубликованнаго еще матеріала. Каждый очеркъ представляетъ собою самостоятельное цѣлое, но располагая ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ, я держался нѣкоторой системы, стараясь показать постепенный ходъ своихъ работъ въ области изслѣдованія астральной миѳологіи отъ еврейскихъ религіозныхъ представленій черезъ посредство христіанской Византіи къ преданіямъ и повѣрьямъ народовъ Россіи. Общее заглавіе книги, какъ мнѣ кажется, ясно выражаетъ характеръ моихъ работъ — желаніе выяснить ходъ астральныхъ мыслей древняго человѣка, зарождавшихся подъ сводомъ *хрустальнаго* неба, какимъ оно представлялось въ прежнее время.

Тѣ изъ моихъ очерковъ, которые появились уже раньше въ журналахъ, подверглись пересмотру и существенной переработкѣ. Очеркъ «Грѣхъ Каина» представляетъ собою передѣлку одного изъ при-

ложеній къ моей работѣ о «Страшномъ Судѣ», дополненную двумя существенными положеніями. Очеркъ «Звѣздная миѳологія народовъ Россіи» является детальнымъ развитіемъ моего доклада въ Русскомъ Обществѣ Любителей Міровѣдѣнія о русской звѣздной миѳологіи, напечатаннаго потомъ въ схематическомъ видѣ въ журналѣ «Природа и Люди». Счастливую мысль разработать вопросъ о звѣздной миѳологіи народовъ Россіи подалъ мнѣ нашъ этнографъ Д. К. Зеленинъ и ему я обязанъ также тѣмъ, что онъ помогъ мнѣ оріентироваться въ обширной этнографической литературѣ, для извлеченія изъ нея нужнаго мнѣ матеріала. Затѣмъ, сдѣланная мною по этому вопросу анкета среди читателей журнала «Природа и Люди» и членовъ Общества Любителей Міровѣдѣнія принесла мнѣ также не мало любопытнаго матеріала, использованнаго въ этомъ очеркѣ.

Всѣмъ лицамъ, принявшимъ участіе въ анкетѣ [1]), а также членамъ Общества Любителей Міровѣдѣнія И. О. Селецкому и Е. Я. Депманъ, любезно доставившимъ мнѣ свѣдѣнія изъ малорусской и эстонской литературы, выражаю свою искреннюю признательность.

Даніилъ Святскій.

Спб.
14 сентября 1912 г.

[1]) Фамиліи участниковъ анкеты приводятся въ текстѣ статьи.

Видѣніе пророка Іезекіиля.

Однимъ изъ самыхъ загадочныхъ, не поддававшихся никакимъ объясненіямъ мѣстъ ветхозавѣтной Библіи является первая глава книги пророка Іезекіиля. Еще въ глубокой древности она привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ толковниковъ. Но тщетны были ихъ усилія. Цѣлый рядъ высказанныхъ предположеній оставался мало убѣдительнымъ. Блаженный Іеронимъ замѣчаетъ, что у евреевъ явилось даже запрещеніе читать и объяснять эту главу книги Іезекіиля лицамъ, не достигшимъ 30 лѣтъ отъ роду, на томъ основаніи, что самъ Іезекіиль созерцалъ видѣніе въ тридцатый годъ своей жизни (Іезек. I, 1). До какой степени это мѣсто считалось труднымъ для пониманія, свидѣтельствуетъ разсказъ о какомъ-то толкователѣ Ананіи, у котораго во время занятій надъ книгой Іезекіиля выгорѣло въ свѣтильникѣ 300 бочекъ масла, которое предупредительно доставлялось ему его сосѣдями!

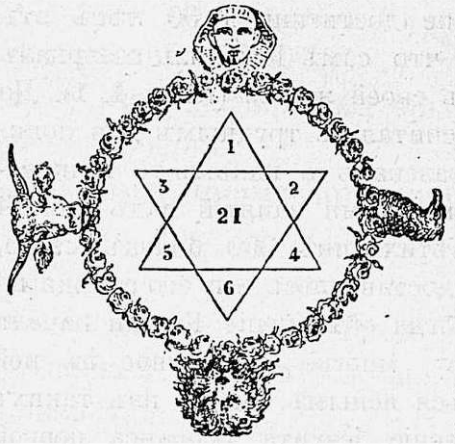
Въ настоящее время, когда объясненіе Библіи начали ставить на научную почву, многое непонятное въ ней стало мало-по-малу дѣлаться яснымъ. Одной изъ такихъ попытокъ является объясненіе іезуита Гебранса первой главы Іезекіиля съ астрономической точки зрѣнія [1]). И это объясненіе, срывая завѣсу таинственности и загадочности, которая столько вѣковъ скрывала это мѣсто Библіи, вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ всѣ тѣ противорѣчія и

[1]) *Hebrans*, De visionibus Ezechielis prophetae. «Revue Biblique» 1894 oct., p. 586.

несообразности, которыя раньше сбивали съ толку всѣхъ, бравшихся за объясненіе этого темнаго мѣста. Замѣчательно, что даже наши богословы — А. Рождественскій [1]) и М. Скабаллановичъ [2]) отнеслись сочувственно къ объясненію Гебранса и излагаютъ его въ своихъ трудахъ.

Главная часть видѣнія Іезекіиля, приводившая всегда въ смущеніе толкователей — это подробное описаніе какихъ-то четырехъ животныхъ, у которыхъ «обликъ былъ, какъ у человѣка. И у каждаго—четыре лица, и у каждаго изъ нихъ четыре крыла. А ноги ихъ — ноги прямыя, и ступни ногъ ихъ, какъ ступни ногъ у тельца... Подобіе лицъ ихъ—лицe человѣка и лицe льва съ правой стороны у всѣхъ ихъ четырехъ, а съ лѣвой стороны—лицe тельца у всѣхъ четырехъ и лицe орла у всѣхъ четырехъ» (Іезек. I, 5—7, 10).

Всѣхъ толкователей вводило въ заблужденіе слово «лицe», употребленное, однако, не въ обычномъ смыслѣ, а со значеніемъ «обликъ» или «видъ» — лицевая сторона предмета, т.-е. внѣшняя его сторона. Такимъ образомъ не надо думать, что каждое животное Іезекіиля на одной головѣ имѣло четыре лица, обращенныя во всѣ четыре стороны. Выраженіе Библіи просто означаетъ, что каждое животное соединяло въ себѣ четыре облика—голова была человѣческая, а обликъ



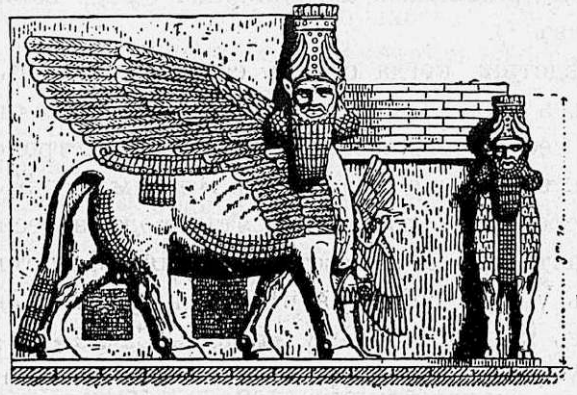
Животныя пр. Іезекіиля по представленіямъ средневѣковья.

[1]) «Христіанское Чтеніе» 1895 г. сентябрь—октябрь, стр. 261.

[2]) *М. Скабалланович.* Первая глава книги пр. Іезекіиля. Маріуполь. 1904 г., стр. 19.

туловища львиный, видъ ногъ—какъ ступни у тельца и орлиныя крылья. Одна каменная вавилонская доска, относимая къ XII в. до Р. Х., съ высѣченными на ней знаками задіака, отчасти напоминающими животныхъ Іезекіиля, дала поводъ Гебрансу видѣть въ послѣднихъ символическое изображеніе четырехъ главныхъ зодіакальныхъ созвѣздія, которыя непрестанно обращаются вмѣстѣ съ небеснымъ сводомъ отъ востока къ западу.

Къ сожалѣнію, Гебрансу вѣроятно не были знакомы въ то время, когда онъ писалъ свое изслѣдованіе (1894 г.),


Вавилонскіе херубы.

каменныя изваянія вавилонскихъ крылатыхъ геніевъ, найденныя въ раскопкахъ въ Ассиріи. Здѣсь мы приводимъ изображенія ихъ изъ книги Делича «Библія и Вавилонъ». Они замѣчательно соотвѣтствуютъ описанію въ книгѣ Іезекіиля четырехъ животныхъ, при чемъ соотвѣтствіе это простирается даже до того, что и въ вавилонскомъ названіи этихъ крылатыхъ геніевъ херубами ясно слышно названіе животныхъ Іезекіиля, какъ оно дается въ дальнѣйшихъ главахъ его книги — херувимами (Іезек. X, 20). Надо думать, что смѣшанный образъ крылатаго генія возникъ изъ соединенія особенностей, присущихъ

четыремъ главнымъ животнымъ небесной сферы, симметрично расположеннымъ на ней одно противъ другого, какъ это показалъ Н. Морозовъ [1]), — это созв. Тельца, созв. Льва, созв. крылатаго коня Пегаса и созв. животнаго съ человѣческимъ лицомъ—Стрѣльца. Эти созвѣздія, обходятъ небо ежедневно съ востока на западъ, одно за другимъ, появляясь надъ горизонтомъ, поднимаясь на югъ надъ землею и опускаясь на западъ. Смѣшанный же образъ крылатаго быка—херуба, возникшій отсюда, сталъ астрономическимъ символомъ и на четырехъ такихъ херубахъ поддерживалась армиллярная сфера вавилонскихъ астрономовъ [2]).

Впослѣдствіи, когда образъ самихъ херубовъ вавилонскихъ былъ утраченъ, магометане и христіане стали представлять себѣ херувимовъ ангелами, но астрономическій смыслъ ихъ все еще сохранялся. Наприм., въ Коранѣ есть такое мѣсто: «Тѣ, которые носятъ сводъ небесный и которые стоятъ окрестъ престола Божія, вѣруютъ въ него и просятъ у него прощенія вѣрующимъ» (XL, 7). Въ комментаріяхъ къ этому мѣсту «Кыркъ Сюаль» — сочиненіи конца XVI стол., принадлежащаго Фурати [3]), говорится: «небесный сводъ поставленъ на шеяхъ четырехъ исполинскихъ ангеловъ четвероликихъ». Здѣсь уже ясно видно вліяніе книги Іезекіиля, такъ какъ говорится о четверолицности ангеловъ и о томъ, что сводъ неба утверждается на нихъ (Срав. Іезек. I, 5 и 22).

Въ библейскомъ описаніи вида четырехъ животныхъ говорится, что «крылья ихъ простирались прямо и соприкасались одно къ другому». (Іезек. I, 9, 23). Повидимому

[1]) *Н. Морозовъ.* Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. М. 1910 г. Стр. 44.

[2]) *К. Фламмаріонъ.* Звѣздное небо и его чудеса. Спб. 1899 г. Стр. 698.

[3]) *А. Архангельскій.* Мухаммеданская космогонія. Казань. 1889 г. Вопросъ 5.

здѣсь не столько разумѣлись «крылья» самихъ херубовъ, сколько символизируемыя ими крыловидныя полосы прямого восхожденія неба, всѣ соприкасающіяся между собою въ небесномъ полюсѣ неба [1]). «Крылья» же прямого восхожденія неба выражаются астрономически въ часахъ и градусахъ. Выраженіе ихъ въ часахъ видимъ въ Апокалипсисѣ Іоанна. Выраженіе же въ градусахъ находимъ въ одной любопытной магометанской астральной легендѣ, имѣющейся въ упомянутой уже нами книгѣ «Кыркъ Сюаль»: Всевышній создалъ одного ангела, по имени Харкаила, у котораго было 18.000 крыльевъ; время отъ времени ангелъ этотъ покушался осмотрѣть небесный сводъ и питалъ даже надежду постичь тайну всѣхъ дѣлъ Божіихъ, если только Богъ дастъ ему еще 18.000 крыльевъ. И вотъ, явилось отъ Бога приказаніе: «Харкаилъ, владѣй 36.000 крыльевъ и облети весь сводъ небесный!» Девять тысячъ лѣтъ леталъ ангелъ по небесному своду, но не успѣлъ еще его осмотрѣть да и не успѣетъ, если даже будетъ летать до дня воскресенія [2]). — Здѣсь интересны цифры 18 и 36 тысячъ, такъ какъ онѣ несомнѣнно означаютъ 180° и 360°, т.-е. половину и полную окружность небесной сферы.

Въ книгѣ Іезекіиля сказано, что всѣ четыре животныхъ были оживлены духомъ жизни, двигались, и во время шествія своего не оборачивались, а шли, каждое по направленію лица своего (Іезек. I, 9, 12). Это дало право Гебрансу видѣть въ животныхъ именно созвѣздія, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранились нѣкоторыя противорѣчія смущавшія нѣкогда богослововъ. Въ славянской Библіи стихъ 12 читается: «животныя идяху и не обращахуся» а стихъ 14: «животныя течаху и обращахуся». Этотъ послѣдній стихъ, какъ оказывается, въ греческомъ пере-

[1]) Срав. *Н. Морозовъ.* Откровеніе, стр. 35 и 44.

[2]) *А. Архангельскій.* Мухаммеданская космогонія, вопросъ 4.

водѣ такъ называемыхъ «70 толковниковъ» былъ вовсе опущенъ, т. к. переводчики, не понимавшіе астрономическаго характера видѣнія, видѣли въ этомъ стихѣ явное противорѣчіе. Объ этомъ говоритъ и блаженный Іеронимъ: 70 толковниковъ «сочли нужнымъ умолчать о томъ, что считали противорѣчащимъ, чтобы не возбуждать соблазна въ читателѣ». Однако, въ еврейскомъ текстѣ противорѣчія здѣсь вовсе нѣтъ: въ 12 ст. употребленъ глаголъ sabab—оборачиваться, повертываться, т.-е. становиться лицомъ въ другую сторону; въ стихѣ же 14 поставленъ глаголъ schub — возвращаться, т.-е. приходить опять на прежнее мѣсто. Такимъ образомъ, животныя не оборачивались, когда шли съ востока на западъ—у каждаго изъ созвѣздій лицо было направлено впередъ, на западъ. Но они скрывались на западѣ, подъ горизонтомъ и потомъ пройдя свой путь въ другомъ невидимомъ полушаріи, вновь появлялись на томъ же самомъ мѣстѣ на востокѣ, т.-е. возвращались назадъ круговой дорогой. Такое пониманіе 14 ст. подтверждается полнымъ чтеніемъ его, остававшимся настолько темнымъ для переводчика, что еврейское слово было сохранено въ славянской Библіи безъ перевода: «течаху и обращахуся яко видѣніе везеково». Послѣднее слово совершенно утратило свое значеніе въ еврейскомъ языкѣ и оставалось непонятнымъ, а въ русской Библіи переведено «блескомъ молніи». Но это невѣрно. Оказывается, слово «везеково» происходитъ отъ арабскаго bazaka—выступать, восходить (о солнцѣ). Такимъ образомъ теперь все ясно: «животныя (созвѣздія) двигались и возвращались на свое мѣсто, подобно восходящему солнцу».

Далѣе въ книгѣ Іезекіиля говорится о четырехъ колесахъ, видѣнныхъ подлѣ животныхъ. «Видъ колесъ и устроеніе ихъ было таково, что какъ будто колесо находилось въ колесѣ. И когда шли животныя, то шли и колеса подлѣ, а когда животныя поднимались отъ земли,

тогда поднимались и колеса. А ободья колесъ вокругъ были полны очей» (Іезек. I, 16, 18). Гебрансъ объясняетъ колеса также астрономически. Еврейское слово ofan—колесо, въ Талмудѣ употребляется для обозначенія главныхъ астрономическихъ круговъ въ армиллярной сферѣ, которыхъ всего насчитывается четыре — экваторъ, эклиптика, главный меридіанъ и горизонтъ. Эти круги-колеса пересѣкались между собою подъ разными углами и были заключены одно въ другомъ. Перенеся ихъ мысленно на звѣздное небо, мы будемъ имѣть эти колеса окруженными звѣздами—этими мерцающими очами. Огонь, который ходилъ между животными (Іезек. I, 13), соотвѣтствуетъ солнцу въ его движеніи по небесному своду среди зодіакальныхъ созвѣздій.

Общее названіе видѣнныхъ колесъ—galgal (Іезек. X, 13) Гебрансъ объясняетъ сферой или шаромъ. Онъ доказываетъ это ссылками на другія мѣста Библіи, напр., Ис. XVII, 13: «онъ гонимъ какъ горная пыль отъ лица вѣтра и какъ галгалъ передъ лицомъ бури» (сравн. Пс. LXXXII, 13) — здѣсь «галгалъ» означаетъ нѣчто легко носимое вѣтромъ, нѣчто въ родѣ «перекати-поле», растеній принявшихъ видъ шара, послѣ созрѣванія легко переносимаго по полю вѣтромъ. Это же слово—«галгалъ» означаетъ и небесный сводъ въ Пс. LXXVI, 19: «гласъ грома твоего въ колеси (baggalgal), освѣтиша молнія твоя всю вселенную». Замѣчательно также, что библейская географія Палестины нѣкоторымъ городамъ усвояетъ это астральное названіе какъ собственное имя (наприм., I Цар. X, 8; XIII, 4; XV, 33; IV Цар. IV, 38; Левитъ XXVII, 28; Іис. Нав. V, 3; Судей III, 19, 26; Амоса IV, 4; Осіи XII, 11; Нееміи XII, 29; I Маккав. IX, 2). Это любопытно въ томъ отношеніи, что лишній разъ указываетъ на астральное происхожденіе большинства названій городовъ и селеній Палестины.

Въ концѣ первой главы Іезекіиля небесная сфера описывается уже болѣе подробно, какъ подобіе свода изумительнаго кристалла, простертаго сверху надъ головами животныхъ, а надъ сводомъ какъ бы подобіе престола, по виду какъ бы изъ камня сапфира, а надъ подобіемъ престола какъ бы подобіе человѣка вверху на немъ (Іезек. I, 22, 26). Сапфиръ, какъ извѣстно, отличается синимъ цвѣтомъ, названіе же небеснаго свода кристаллическимъ было обычно въ древнее время и встрѣчается также въ книгѣ Еноха (XIV, 10). Въ книгѣ Іова небо называется твердымъ, какъ литое зеркало (Іов. XXXVII, 18). Эмпедоклъ полагалъ, что сфера неподвижныхъ звѣздъ — это твердая масса, образовавшаяся изъ части эфира, превращеннаго огненнымъ элементомъ въ хрусталь. Лактанцій называлъ небо оледенѣлымъ воздухомъ (coelum aerum glaciatum esse) и также стекляннымъ (vitreum coelum) [1]). Въ средніе вѣка Северіанъ, епископъ Гаваньскій называлъ твердь «составленіемъ леденовиднымъ отъ воды, яко хрусталь».

Объясненія Гебранса кончаются на этомъ. Привязанность его къ тысячелѣтней догмѣ не позволила ему пойти дальше и сдѣлать свое изслѣдованіе независимымъ и свободнымъ. Будучи іезуитомъ и не желая казаться въ глазахъ братьевъ своего ордена еретикомъ, онъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи о цѣли видѣнія, полагая, что Богъ показываетъ въ немъ себя, какъ истиннаго владыку того неба, звѣздъ и свѣтилъ, которые обоготворялись халдеями, т.-е. ассиріянами и вавилонянами, въ плѣну которыхъ находился пророкъ. Четыре животныхъ, которыя поддерживали сводъ, являлись только служебными силами, вверху же надъ ними и надъ твердью утверждается и правитъ единый Богъ Израиля.

Времена Коперника и Галилея, когда въ научныхъ со-

[1]) *К. Фламмаріонъ.* Исторія неба. Спб. 1879. Стр. 195.

чиненіяхъ были необходимы такія оговорки, чтобы избѣжать костра, давно миновали, но духъ инквизиціи еще живъ и въ наше время и писателямъ изъ духовнаго лагеря, пытающимся опереться на научную почву, все еще приходится считаться съ нимъ, чтобы не попасть въ опалу. Зато независимая и свободная мысль, которую не могутъ сдержать никакія условности и догматическія традиціи, неудержимо стремится впередъ — и тамъ, гдѣ іезуитъ Гебрансъ вынужденъ былъ поставить точку, шлиссельбургскій узникъ Николай Морозовъ пошелъ дальше; тутъ уже несмотря на желѣзныя засовы, догма не могла наложить печать на его уста; ничего не знавшій въ то время о Гебрансѣ, онъ углубляется въ своемъ одиночествѣ въ Библію и раскрываетъ картины Апокалипсиса Іоанна, вслѣдъ за которыми постигаетъ и видѣніе Іезекіиля и другихъ пророковъ. Сущность видѣнія Іезекіиля понимается и Гебрансомъ и Морозовымъ одинаково, во многихъ частностяхъ они идутъ также рука объ руку, но тамъ, гдѣ Гебрансъ, связанный традиціями, безсильно останавливается, Николай Морозовъ раскрываетъ удивительныя историческія перспективы. Въ настоящее время имъ обрабатывается по шлиссельбургскимъ запискамъ и готовится къ печати новый трудъ, являющійся продолженіемъ «Откровенія въ грозѣ и бурѣ». Онъ будетъ носить названіе «Пророковъ» и въ него войдетъ и полное изслѣдованіе всей книги Іезекіиля. По волѣ судебъ авторъ «Пророковъ» вынужденъ закончить свой трудъ въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ былъ начатъ...

Одно мѣсто изъ первой главы Іезекіиля (I, 4—5), на которомъ не останавливается Гебрансъ, было удачно объяснено умершимъ недавно престарѣлымъ миланскимъ астрономомъ Джіовани Скіапарелли. Острое зрѣніе его ослабѣло подъ старость настолько, что онъ вынужденъ былъ прекратить свои замѣчательныя астрономическія

наблюденія и остатокъ дней своихъ посвятить изученію еврейскаго, арамейскаго, арабскаго и еѳіопскаго языковъ съ цѣлью использовать ихъ въ своихъ историко-астрономическихъ изслѣдованіяхъ, изъ которыхъ однако онъ успѣлъ издать только одно—«Астрономія въ Ветхомъ Завѣтѣ». Вотъ въ этомъ-то сочиненіи Скіапарелли и даетъ объясненіе указанному мѣсту изъ книги Іезекіиля: «И я

Галлеева комета въ 1835 г.

видѣлъ, и вотъ бурный вѣтеръ шелъ отъ сѣвера, великое облако и клубящійся огонь, и сіяніе вокругъ него, а изъ средины его какъ бы свѣтъ пламени изъ средины огня». По мнѣнію Скіапарелли, клубящееся огненное облако съ сіяніемъ вокругъ него — это голова кометы,

дѣйствительно, часто напоминающая собою какъ бы клубокъ, освѣщенный огненнымъ сіяніемъ [1]). «А изъ средины его какъ бы свѣтъ пламени изъ средины огня». Этотъ стихъ лучше читается въ Славянской Библіи по переводу съ греческаго: «изъ средины его какъ бы свѣтъ ѩлектрона». Илектрономъ въ древности назывался сплавъ золота и серебра, при чемъ золота бралось $^3/_4$, а серебра $^1/_4$, отчего сплавъ пріобрѣталъ въ раскаленномъ состояніи («изъ средины огня») особый мягкій оттѣнокъ. Хвосты кометъ какъ разъ и напоминаютъ этотъ оттѣнокъ. На прилагаемомъ рисункѣ изображена Галлеева комета въ 1835 г. Здѣсь мы, дѣйствительно, видимъ клубъ сіянія съ выходящимъ изъ него пламенемъ илектрона. Это объясненіе особенно становится убѣдительнымъ при сравненіи указаннаго мѣста изъ видѣнія Іезекіиля съ подобнымъ же мѣстомъ изъ видѣнія Іереміи, гдѣ описывается воспламененный котелъ, съ выходящей изъ него бодрствующей вѣтвью или жезломъ, при чемъ явленіе это, повидимому, является описаніемъ кометы Галлея, при ея появленіи около 630 г. до Р. Х. [2]). У Іезекіиля, очевидно, также описывается какая-то яркая комета, клубовидная голова которой, какъ и котелъ Іереміи, также поддувалась вѣтромъ отъ сѣвера, потому что у всѣхъ кометъ ихъ сіяніе и хвосты направлены бываютъ отъ солнца, а солнце скрывается ночью подъ сѣвернымъ горизонтомъ.

---

[1]) *Giovanni Schiaparelli*, Die Astronomie im Alten Testament übersetzt von Dr. Willy Lüdtke, Giessen. 1904. S. 45.

[2]) *Д. Святскій*. Галлеева комета въ Библіи и Талмудѣ. Спб. 1910. См. также въ «Страшномъ Судѣ»: еще о Галлеевой кометѣ въ Библіи и Талмудѣ. Стр. 47.

Луна, какъ національное свѣтило евреевъ.

На ранней зарѣ человѣческой исторіи солнце и луна имѣли громадное вліяніе на развитіе культовъ и связанныхъ съ ними календарныхъ исчисленій разныхъ народовъ. Но солнце, несмотря на свое первенствующее значеніе въ человѣческой жизни, для первоначальнаго простого наблюдателя могло дать какую-нибудь руководящую нить для календарныхъ исчисленій только на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ положеніе его во всѣ четыре времени года надъ горизонтомъ, его точки восхода и заката и связанная съ ними долгота дня и ночи рѣзко разнятся другъ отъ друга, гдѣ, наконецъ, извѣстно даже такое явленіе, какъ исчезновеніе солнца на цѣлые дни и мѣсяцы подъ горизонтомъ. Поэтому-то культы древнихъ арійцевъ имѣли преимущественно солнечное происхожденіе, какъ полагаетъ нѣмецкій изслѣдователь Э. Краусъ. Наоборотъ, на крайнемъ югѣ—подъ тропиками до самаго экватора солнце во всѣ дни года не отличается существенно своимъ положеніемъ на небѣ, и воображеніе первобытнаго человѣка юга прежде всего должно было поразить не оно, а другое свѣтило—луна, являющаяся украшеніемъ темныхъ ночей юга и давшая первый календарь древнимъ пастухамъ-семитамъ правильной смѣною своихъ фазъ.

Потому-то мы и находимъ у евреевъ праздникъ Новомѣсячія, праздновавшійся каждый разъ, какъ нарождалась новая луна. Она привѣтствовалась первосвященникомъ и возвѣщалась трубнымъ звукомъ, о чемъ говорится и въ самой Библіи: «Трубите въ новомѣсячіе трубою, въ опредѣленное время, въ день праздника нашего; ибо это законъ для Израиля, уставъ отъ Бога Іаковлева» (Псал. LXXX, 4—5).

Перенесемся въ тѣ сѣдыя времена, на равнину Палестины, въ древній Іерусалимъ и посмотримъ, какъ тогда встрѣчался этотъ праздникъ Новомѣсячій, имѣвшій также и громадное экономическое значеніе для народа, такъ какъ только правильно наблюдая за ходомъ лунныхъ фазъ можно было болѣе или менѣе точно вести лѣтосчисленіе, опредѣлять наступленіе временъ года и связанныхъ съ ними сельскохозяйственныхъ работъ. Вотъ почему празднику Новомѣсячій придавалось особенное значеніе, и онъ сопровождался цѣлымъ рядомъ особенныхъ обрядовъ.

Когда подходила пора новолунія, каждый вѣрующій іудей начиналъ ежедневно внимательно посматривать послѣ заката солнца на западъ. Южныя сумерки быстро догорали и гасли: на небѣ, одна за другой, вспыхивали звѣзды; ночная тьма сгущалась. Зоркіе глаза простолюдиновъ внимательно вперялись въ далекій небосклонъ, и каждый изъ нихъ думалъ: не онъ ли тотъ счастливецъ, котораго Ягве удостоитъ впервые замѣтить узенькій серпикъ молодой, новорожденной луны?

Какъ только удавалось кому-нибудь это замѣтить, онъ сейчасъ же стремительно бѣжалъ къ первосвященнику и торжественно заявлялъ, что Богъ привелъ его видѣть мѣсяцъ и потому надо праздновать Новомѣсячіе, трубить въ трубы, давать сигналы.

Случалось при этомъ, что многіе ошибались или, желая быть первыми среди счастливцевъ, обманывали и говорили, что видѣли луну, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она еще не рождалась. Поэтому-то у первосвященника въ

горницѣ висѣла таблица, съ изображеніемъ различнаго положенія молодой луны, и онъ испытывалъ по ней каждаго вѣстника. Простолюдины, не знавшіе тѣхъ астрономическихъ основаній, на которыхъ была составлена эта таблица умными талмудистами, иногда указывали не на то изображеніе, какое слѣдовало, и тѣмъ обнаруживали неправильность своихъ показаній.

Ключъ къ испытанію вѣстниковъ мы находимъ въ Талмудѣ (Мишна и Тосефта). Вопросы первосвященника были слѣдующіе:

— Въ какомъ положеніи ты видѣлъ луну? Впереди солнца или позади его, къ сѣверу отъ него или къ югу? На какой высотѣ была она, какой ширины и куда склонялась?

Если свидѣтель говорилъ, что видѣлъ луну спереди солнца, то показаніе его «было ничтожно», очевидно потому, что при новолуніи серпъ наблюдается только послѣ захода солнца и, слѣдовательно, позади него. Если свидѣтель увѣрялъ, что видѣлъ луну къ сѣверу отъ солнца, то и это показаніе не имѣло никакой цѣны, такъ какъ эклиптика всегда наклонена на западномъ небосклонѣ къ югу и луна, находящаяся постоянно на эклиптикѣ, не можетъ оказаться сѣвернѣе точки захода солнца.

Если, наконецъ, свидѣтель указывалъ слишкомъ большое разстояніе луннаго серпа отъ западнаго горизонта, «до пяти рожковъ» (рожокъ,—очевидно, видимый діаметръ луннаго диска, «отъ рога до рога», — соотвѣтствуетъ совершенно правильному способу приблизительнаго измѣренія угловыхъ небесныхъ разстояній, практикующемуся и теперь въ любительской астрономіи), — то такое показаніе, какъ явно преувеличенное, отвергалось. Наоборотъ, разстояніе до двухъ-трехъ рожковъ считалось соотвѣтствовавшимъ дѣйствительности.

Нельзя не подивиться тонкости и наблюдательности

талмудистовъ, подмѣтившихъ всѣ особенности въ положеніи новорожденной луны.

Если, напримѣръ, свидѣтель увѣрялъ, что онъ видѣлъ луну въ видѣ прямостоячаго серпа или въ видѣ ладьи, какъ бы лежащей на горизонтѣ, то прежде, чѣмъ придать вѣру тому или другому показанію, надо было справиться, когда молодая луна занимаетъ то или другое положеніе. Изъ астрономіи же извѣстно, что молодой серпъ мѣсяца, въ видѣ лежащей ладьи, можетъ наблюдаться только тогда, когда во время новолунія луна находится на небесномъ экваторѣ, который подъ тропиками спускается почти отвѣсно надъ западнымъ горизонтомъ.

Былъ даже такой случай. Однажды пришли двое и сказали, что они вчера видѣли молодой серпъ, а сегодня его уже нѣтъ. Это, конечно, было астрономически невозможнымъ явленіемъ, и разгнѣванный раббонъ Доса сказалъ:

— Они лжесвидѣтели.

Другой разъ тоже пришли вѣстники съ необычайнымъ свидѣтельствомъ:

— Утромъ мы видѣли луну на востокѣ, а вечеромъ на западѣ.

Раббонъ Іоаннъ, сынъ Нури, вскричалъ:

— Они лжесвидѣтельствуютъ!

Но тутъ произошло разногласіе среди талмудистовъ, и раббонъ Гамаліилъ, очевидно, болѣе тонкій наблюдатель, призналъ свидѣтельство говорившихъ истиннымъ.

Дѣйствительно, при тѣхъ благодатныхъ климатическихъ условіяхъ, которыя царятъ въ Палестинѣ, на вѣчно ясномъ и прозрачномъ небѣ Востока иногда возможно въ одинъ и тотъ же день наблюдать серпъ луны на востокѣ, передъ восходомъ солнца, и затѣмъ вечеромъ, на западѣ, послѣ его захода, такъ что въ теченіе дня луна будетъ находиться въ соединеніи съ солнцемъ.

Когда первосвященникъ, послѣ совѣта съ книжниками и талмудистами, признавалъ свидѣтельство очевидца, то немедленно объявлялось открытіе праздника Новомѣсячія.

Іерусалимъ оглашался трубнымъ звукомъ, возвѣщавшимъ начало празднованія, въ храмѣ начинались новомѣсячныя богослуженія, а особые вѣстники зажигали факелы состоявшіе изъ длинныхъ кедровыхъ палокъ, на концѣ которыхъ привязывался тростникъ, масличное дерево и пакля и, всходя съ ними на холмы, удаляли и приближали ихъ отъ себя, подавая сигналъ сосѣднимъ палестинскимъ деревушкамъ. Здѣсь, завидѣвши новомѣсячные огни, дѣлали то же, и скоро вѣсть о наступившемъ праздникѣ пролетала по всей Іудеѣ.

Обычай трубить въ дни новомѣсячій возникъ, повидимому, вслѣдствіе мистическаго сближенія луннаго рога съ рогомъ животнаго, который былъ первой трубой, подавшей древнему человѣку мысль объ устройствѣ искусственной металлической трубы. Синайское законодательство также пріурочивается въ Библіи къ первымъ днямъ новолунія, а подземные звуки землетрясенія отожествляются съ трубнымъ звукомъ самого Ягве, который, вѣроятно думали,—производилъ его какъ бы своимъ божественнымъ рогомъ народившейся въ это время луны. (Срав. Исх. XIX, 1, 16, 18—19). Самое названіе горы Синая, по мнѣнію ассиріологовъ ведетъ свое начало отъ имени ассирійскаго бога луны—Сина, высокочтимаго въ Урѣ. Извѣстно также, что Авраамъ по словамъ самой Библіи, происходилъ изъ Ура Халдейскаго [1]).

Четыре новолунія, соотвѣтствовавшія четыремъ временамъ года были, повидимому, наиболѣе выдающимися—рогъ весенняго равноденствія, рогъ лѣтняго солнцестоянія, рогъ осенняго равноденствія и рогъ зимняго солнцестоянія. Жертвенникъ куренія и жертвенникъ всесожженія въ храмѣ имѣли по угламъ четыре выдающихся рога вѣроятно въ честь этихъ четырехъ главныхъ новолуній (Исх. XXXVII, 25; XXXVIII, 2) [1]). Эти четыре рога могли также породить четыре трубы, а потомъ и держащихъ ихъ четырехъ ангеловъ, это же соотвѣтствовало четыремъ странамъ и четыремъ вѣтрамъ. Астральное воображеніе всегда искало мистическихъ сближеній небеснаго съ земнымъ.

[1]) Энциклопедич. Словарь Гранатъ. Т. IV: *А. Крымскій.* Ассиро-Вавилонская религія. Стр. 142—143.

Но было однако время, когда повидимому, луна почиталась у древнѣйшихъ племенъ израильскихъ и за настоящее божество, подобно тому, какъ въ Ассиріи почитался богъ луны—Синъ. Въ этомъ отношеніи очень любопытно мнѣніе А. Немоевскаго, который производитъ еврейское названіе божества—Ягве отъ египетскаго слова; ссылаясь на изслѣдованія проф. Вильгельма Шпигельберга онъ говоритъ, что мѣсяцъ по-египетски значитъ «Jooh», а іероглифомъ этого слова являлся серпъ мѣсяца ☽. Ditlef Nielsen также полагаетъ, что слово Ягве въ еврейскомъ языкѣ является постороннимъ налетомъ [2]).

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ религіозной мысли въ Израилѣ первоначальное представленіе божества въ видѣ луны постепенно исчезло и потомъ уже мы видимъ не разъ подтверждаемое запрещеніе поклоняться солнцу,

[1]) Вообще, большинство предметовъ скиніи имѣло астральный смыслъ. На это обратилъ вниманіе еще въ средніе вѣка Косма Индикопловъ. Онъ говорилъ, что семисвѣчникъ означалъ семь планетъ, 12 хлѣбовъ предложенія—12 мѣсяцевъ и т. д., и что вообще еврейскій храмъ—„яко образъ и написаніе бяше всему міру". (См. книгу Космы въ древне-славянск. переводѣ. Изд. Общ. люб. древн. письмен. Спб. 1886).

[2]) „Myśl Niepodległa" 1911. № 166: *A.* Men; *Niemojewski* „Gott Iesus" s. 220, 196. *Б. Тураевъ.* Исторія древняго востока, ч. I, с. 171.

лунѣ и звѣздамъ. Но старинныя вѣрованія очень живучи и временами вновь всплываютъ какъ архаическій пережитокъ минувшаго. Мессія, котораго ожидали вѣрующіе іудеи, долженъ былъ родиться въ домѣ Давида, какъ «рогъ избавленія» (keran jeszuah) — см. I Цар. II, 10; Псал. CXXXI, 17; Іезек. XXIX 21; Лук. I, 69.

Особенно же ясно сохранились, по моему мнѣнію, слѣды древняго почитанія Ягве, какъ луны, въ замѣчательной по своей красотѣ пѣсни изъ пророка Исаіи (LXIII, 1—6), которую Ф. Деличъ называетъ «по стилю, языку и настроенію настоящею боевою и побѣдною пѣсней бедуиновъ»:

«Кто это идетъ отъ Едома, въ червленыхъ ризахъ отъ Восора, столько величественный въ своей одеждѣ, выступающій въ полнотѣ силы своей?

— Я—изрекающій правду, сильный, чтобы спасать.

— Отчего же одѣяніе твое красно, и ризы у тебя, какъ у топтавшаго въ точилѣ?

— Я топталъ точило одинъ, изъ народовъ никого не было со мною; и я топталъ ихъ во гнѣвѣ моемъ и попиралъ ихъ въ ярости моей; кровь ихъ брызгала на ризы мои, и я запятналъ все одѣяніе свое... и т. д.

Эта «пѣсня бедуиновъ» могла быть навѣяна только величественнымъ восходомъ на палестинскомъ небосклонѣ луны въ полнолуніе—«выступающей въ полнотѣ силы своей отъ Едома», т. е. съ юго-востока, по направленію къ Іерусалиму [1]), въ одеждѣ запятнанной кровью—обычная окраска луны при ея восходѣ.

Замѣчательно, что даже у современныхъ евреевъ остатки культа луны сохранились въ такъ назыв. «новолунной молитвѣ».

[1]) Ср. Псал. LXVII, 34: «воспойте Господеви восшедшему на небо небеси на востоки».

Старозавѣтные евреи, проживающіе въ чертѣ русской осѣдлости выходятъ и теперь еще въ новолуніе вечеромъ на улицу и шепчутъ молитвы, обращаясь къ рогу народившагося мѣсяца. Мѣстами это дѣлаютъ и въ полнолуніе [1]). Приводимъ здѣсь частью текстъ самой молитвы:

«Благословенъ Твой Зиждитель! Благословенъ Твой Создатель! Благословенъ Твой Властитель! Благословенъ Твой Творецъ! Точно такъ же, какъ я прыгаю противъ тебя (луны) и не могу до тебя дотронуться, такъ да не

Греческій лунный богъ Менъ рядомъ съ солнечнымъ божествомъ — Зевсомъ.

сумѣютъ меня злостно тронуть мои враги. Да падетъ на нихъ страхъ и ужасъ, величіемъ Твоей мышцы, да погибнутъ они, какъ камень...» [2])

Культъ луннаго рога отчасти ассимилировался и у другихъ народовъ. Не говоря уже о магометанахъ, у которыхъ рогъ луны почти то же, что крестъ у христіанъ,—даже

[1]) „Myśl Niepodległa“ *№* 166: Men.

[2]) *М. Крайновичъ.* Новолунная молитва. Эскизъ въ *№* 170 за 1911 г. „Недѣли Современнаго Слова“.

французскіе и нѣмецкіе крестьяне, завидя на небѣ молодой мѣсяцъ, преклоняютъ колѣна и обнажаютъ головы. А одна галицкая поговорка прямо говоритъ: «мѣсяцъ нашъ божокъ, а кто же намъ буде боговати, якъ его не стане» [1]).

Любопытно еще, въ заключеніе, привести взглядъ Талмуда на затменіе національнаго свѣтила евреевъ. Въ то время, какъ затменіе солнца, служившее грозою для всѣхъ народовъ, признавалось талмудистами добрымъ знаменіемъ для Израиля, — затменіе луны, наоборотъ, было дурнымъ знаменіемъ для ихъ народа, «потому что, — прибавляетъ Талмудъ, — народы считаютъ время по солнцу, а Израиль по лунѣ». При этомъ, если свѣтило при затменіи напоминало кровь, то должно было ждать «казни меча», то-есть войны; если же оно напоминало мѣшокъ, то надо было ждать «казни голода».

Въ послѣднемъ замѣчаніи опять видна тонкая наблюдательность талмудистовъ. Именно, луна при своемъ затменіи не всегда бываетъ кровяного цвѣта. Иногда, во время загрязненія земной атмосферы луна при затменіи кажется такой мрачной, что даже трудно указать на небѣ мѣсто, гдѣ она находится. Въ этомъ случаѣ она дѣйствительно, напоминаетъ мѣшокъ, внутри котораго тьма...

---

[1]) *В. Н. Перетцъ.* Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. II. Къ исторіи лунника. Спб. 1901. С. 11—12.

Грѣхъ Каина.

I.

Съ давнихъ временъ пятна на лунѣ, видимыя въ полнолуніе, являлись поводомъ къ созданію разнообразныхъ легендъ, объяснявшихъ ихъ происхожденіе. Среди этихъ легендъ наибольшей распространенностью и извѣстностью пользуется объясненіе лунныхъ пятенъ ссорой Каина съ Авелемъ. Среди русскихъ крестьянъ вообще говорятъ, что на лунѣ видна ссора двухъ братьевъ, изъ которыхъ старшій на Великъ-день во время заутрени проткнулъ вилами меньшого брата. Это, конечно, позднѣйшій варіантъ болѣе стариннаго повѣрья, гдѣ Каинъ, осужденный за убійство Авеля стоитъ на лунѣ до скончанія вѣка и трясется надъ его неповинною кровью. Чаще же всего въ народѣ просто говорятъ: «на лунѣ Каинъ Авеля убиваетъ» или что «на лунѣ видно лицо Каина». Дѣйствительно, еще съ глубокой древности было замѣчено, что «ночью луна показывается какъ мужъ» (Енох. LXXVIII, 17). Въ комментаріи къ этому мѣсту свящ. А. Смирновъ говоритъ: «слѣдуя народной легендѣ, авторъ можетъ быть представляетъ, что на освѣщенной лунѣ можно видѣть какого-то таинственнаго мужа; извѣстно, что тѣни на лунѣ до сихъ поръ даютъ поводъ народу думать, будто это виднѣется борьба Каина и Авеля». Плутархъ, жившій въ I вѣкѣ нашей эры написалъ замѣчательное сочиненіе «О лицѣ, видимомъ на дискѣ луны»,

гдѣ онъ разбираетъ всѣ легенды и мнѣнія относительно пятенъ на лунѣ. Но, къ сожалѣнію, первыя страницы этого памятника, гдѣ какъ разъ рѣчь шла о легендахъ, не дошли до насъ.

Мнѣ приходилось слышать въ Орловск. губ. приблизительно такое повѣрье: когда Каинъ убилъ Авеля и взглянулъ на небо, то на чистой до того лунѣ, какъ въ зеркалѣ отразился его ужасный ликъ. Въ Мещовскомъ у. Тульской губ. записано такое повѣрье: луна—голова Авеля, носимая Каиномъ. Авель праведный и потому виденъ, а Каинъ неправедный и не виденъ намъ [1]). Осетины говорятъ, что луна—большая свѣча, передъ которой стоитъ Каинъ и держитъ на вилахъ убитаго имъ Авеля [2]). Любопытная легенда записана недавно въ Поморьѣ, гдѣ разсказывается, что когда Каинъ убилъ Авеля, то это преступленіе видѣлъ мѣсяцъ, находившійся невдалекѣ и разсказалъ о немъ солнцу. Когда Каинъ узналъ, что его преступленіе раскрыто мѣсяцемъ, онъ рѣшился отомстить послѣднему, для чего и придумалъ высмолить его, т.-е. вымазать смолой. До того же мѣсяцъ былъ такъ же красивъ, свѣтилъ такъ же ярко, какъ и солнце. Взобравшись на мѣсяцъ съ ведромъ смолы и помазомъ, онъ высмолилъ его такъ, что послѣдній пересталъ свѣтить днемъ и сдѣлался блѣднымъ, потерявъ свой прежній цвѣтъ и и видъ. Мѣсяцъ же будто бы забралъ въ себя за это Каина и поднялся съ нимъ на небо. Такъ Каинъ и до сихъ поръ стоитъ тамъ съ ведромъ и помазомъ въ рукахъ и съ расширенными ногами. Послѣ сего происшествія солнце, будто бы, не стало дружиться съ мѣсяцемъ,

[1]) *В. Н. Перетцъ.* Матер. къ истор. апокрифа и легенды. II. Къ исторіи лунника. 7—8 стр.

[2]) *А. Ермоловъ.* Народн. сельско-хоз. мудр. въ пословицахъ и поговоркахъ. Т. IV, 255 стр.

почему они и стали свѣтить въ разное время: одно—днемъ, а другой—ночью [1]).

Въ малорусскихъ повѣрьяхъ говорится слѣдующее: Каинъ хитростью завлекъ Авеля на поле за снопами ячменя и тамъ прокололъ его вилами и швырнулъ, какъ снопъ. По другому варіанту онъ прокололъ вилами «Габеля» во время ссоры на гумнѣ отца или на лугу, когда они брали на возъ сѣно. По суду Божію убійцу Авеля не могла пріютить ни земля, ни вода и никакое другое мѣсто, а пріютилъ безъ воли Божіей мѣсяцъ — оттого у него на челѣ отпечатокъ страшнаго грѣха Каинова и онъ осужденъ каждый мѣсяцъ рождаться, расти и умирать [2]).

Всѣ эти повѣрья такъ или иначе отличающіяся другъ отъ друга, несомнѣнно однако заключаютъ въ себѣ нѣчто общее—это какую-то, на первыхъ порахъ совершенно непонятную, связь луны съ именемъ библейскаго Каина. Прежніе изслѣдователи вѣрованій и сказаній русскаго народа, Щаповъ и Кереискій, подъ вліяніемъ славянофильства старались во что бы то ни стало доказать самобытность русскаго народнаго міросозерцанія. «Народъ ни откуда не усвоялъ повѣрья,—писалъ когда-то Кереискій,—у него не было даже средствъ къ такому усвоенію, онъ ростилъ только искони присущее ему, свои древнія вѣрованія, которыя одновременны, можно сказать, съ его жизнью». Щаповъ также былъ увѣренъ, что народныя воззрѣнія на небо «развивались большею частью совершенно независимо отъ книжныхъ мудрствованій о небес-

[1]) *Г. Дейтлинъ.* Знахарства и повѣрья въ Поморьѣ. «Изв. Арханг. общ. изуч. русскаго сѣвера». 1912 г. *№ 4.*

[2]) *Г. О. Булашевъ.* Космогоническія украинскія народн. вѣров. и воззрѣн. Кіевъ. 1909 г. Стр. 301. — Труды этногр. стат. экспед. въ зап.-русск. край. Юго-западн. отдѣлъ. Матер. и изслѣдов. собран. *Н. П. Чубинскимъ*, т. I, вып. I, 10—11 стр.

номъ мірѣ и во многихъ отношеніяхъ совершенно отличны отъ нихъ» [1]). Эти взгляды, однако, совершенно не раздѣляются современными изслѣдователями того же предмета. Можно даже сказать, что господство этихъ взглядовъ и было главнымъ тормазомъ ко всякаго рода попыткамъ понять и освѣтить накопленныя фольклористами матеріалы. Къ счастью теперь, когда это заблужденіе разсѣялось, сравнительный историческій методъ далъ и обѣщаетъ дать впереди еще много по части выясненія историческаго генезиса всякихъ вѣрованій и сказаній. В. Н. Перетцъ говоритъ: «можно и даже слѣдуетъ поставить вопросъ, въ какой степени эти «народныя мудрствованія» считавшіяся Щаповымъ и Керенскимъ чисто народными, зависятъ отъ книжной старины» и дальше приходитъ къ заключенію, что «часть примѣтъ должна быть отнесена на счетъ вліянія апокрифической литературы византійскаго происхожденія». Относительно связи луны съ именемъ Каина это выясняется между прочимъ изъ слѣдующаго мѣста одной рукописи XVI в.:

Вопросъ. Почто постави Каина съ луною?

Отвѣтъ. Да зритъ вся злая на свѣтѣ, колико зла отъ него зачашася, и паки да зритъ вся благая, елико ся єсть ихъ лишился [2]).

Связь Каина съ луною имѣется, кромѣ того, и въ фольклорѣ французскомъ, что уже это одно совершенно не даетъ никакого повода приписывать повѣрье только русскому народу. Французы говорятъ при взглядѣ на луну: «Caïn portant un fagot», т.-е. Каинъ несетъ вязанку хвороста [3]). Правда, здѣсь уже нѣтъ ничего о ссорѣ, но имя

[1]) Историч. очерки народнаго міросозерцанія. «Жур. Мин. Нар. Пр.» 1863 г. Т. 117, 118 и 119; *Ѳ. Керенскій.* Древнерусскія отреченныя вѣрованія. Тамъ же 1874 г., т. 172 и 173.

[2]) *В Н. Перетцъ.* Къ исторіи лунника, 8 и 14 стр.

[3]) «Bul. Soc. Astr. de France» 1899, p. 88.

Каина опять таинственно связывается съ луной. Сходныя повѣрья о «лунномъ человѣкѣ» встрѣчаются также у нѣмцевъ, скандинавцевъ, англичанъ. Основное содержаніе ихъ состоитъ въ томъ, что дровосѣкъ въ воскресенье рубилъ въ лѣсу дрова и былъ въ видѣ наказанія перенесенъ за это на луну, гдѣ ему суждено вѣчно стоять на виду у людей съ связкой дровъ за плечами. Есть сходная буддійская легенда и даже китайская, записанная во II в. до Р. Х., которая гласитъ, что царица духовъ принесла съ горъ Куэнь-луня траву безсмертія въ подарокъ Геу, но жена его Чангъ-Нго похитила траву и убѣжала на луну. «Очевидно, говоритъ Н. Ѳ. Сумцовъ, мы имѣемъ дѣло съ общимъ сказаніемъ о человѣкѣ, бѣжавшемъ или сосланномъ на луну» [1]). Не являются ли, однако, всѣ эти преданія о «лунномъ человѣкѣ» отголоскомъ болѣе древняго вѣрованія, идущаго быть можетъ съ библейскихъ временъ? Это соображеніе и навело меня взглянуть на самый миѳъ о Каинѣ и Авелѣ съ астральной точки зрѣнія.

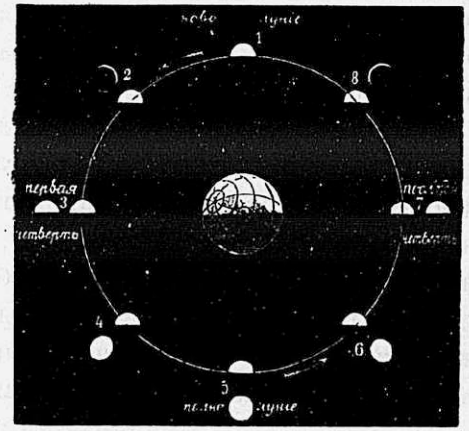
II.

Не представляетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, библейскій разсказъ о двухъ братьяхъ, простого олицетворенія двухъ великихъ свѣтилъ небесныхъ—солнца и луны, иногда враждующихся между собою во время солнечнаго затменія? Въ Библіи мы читаемъ: «И былъ Авель—пастырь овецъ, а Каинъ былъ земледѣлецъ. Спустя нѣсколько времени Каинъ принесъ отъ плодовъ земли даръ Господу. И Авель также принесъ отъ первородныхъ стада своего и отъ тука ихъ» (Быт. IV, 2—4). Выраженіе синодальной Библіи «спустя нѣсколько времени», оказывается, не соотвѣтствуетъ подлиннику. Дословный переводъ этого мѣста:

[1]) *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Культурныя переживанія: лунный человѣкъ—«Кіевская Старина» 1890 г. окт. Стр. 62.

«въ концѣ дней», т.-е. по истеченіи года, на рубежѣ, такъ сказать, двухъ годовъ [1]). Годъ же у евреевъ считался съ перваго весенняго мѣсяца. Въ это время солнце (въ эпоху составленія свода Бытія) вступало въ созвѣздіе Овна.

Солнце.
Созв. Овна.



Колосъ и Виноградница
(въ созв. Дѣвы).

Астральное объясненіе мифа о Каинѣ и Авелѣ.

Если теперь представить себѣ луну въ ея совершенномъ видѣ (полнолуніе), то она находилась тогда противъ солнца, въ созв. Дѣвы, которая является символомъ плодородія земли (вспомнимъ ея Колосъ и Виноградницу). На барельефахъ древне-христіанскихъ саркофаговъ встрѣчается иногда сцена приношенія даровъ Каиномъ и Авелемъ, причемъ первый подноситъ Богу Отцу пукъ колосьевъ или виноградную кисть, а второй—ягненка [2]).

Послѣ того, какъ Ягве призрѣлъ на жертву Авеля, а

[1]) Толковая Библія подъ ред. *А. П. Лопухина*. Т. I, стр. 32.
[2]) *А. ф.-Фрикенъ*. Римскія катакомбы. Т. II. С. 188.

на даръ Каина не призрѣлъ, какъ извѣстно, Каинъ сильно огорчился и *поникло лицо его*. Продолжимъ нашу астральную схему: луна послѣ полнолунія приходитъ къ послѣдней четверти—ликъ ея постепенно поникаетъ: «у дверей грѣхъ лежитъ, онъ влечетъ тебя къ себѣ...—говоритъ Ягве Каину. Дѣйствительно—луна все приближается и приближается къ солнцу и вотъ наступаетъ новолуніе: «И сказалъ Каинъ Авелю, брату своему. И когда они были въ полѣ, возсталъ Каинъ на Авеля, брата своего и убилъ его». Происходитъ полное солнечное затменіе: солнце исчезаетъ подъ дискомъ луны. «И сказалъ Господь Каину: гдѣ Авель братъ твой? Онъ сказалъ: не знаю; развѣ я сторожъ брату моему. И сказалъ (Богъ): что ты сдѣлалъ? *голосъ крови* брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли. И нынѣ проклятъ ты *отъ земли, которая отверзла уста свои принять кровь* брата твоего отъ руки твоей». (Быт. IV, 4—10). Внезапно наступившій полумракъ солнечнаго затменія окрашивается кровавымъ заревомъ по всему небу; зловѣщій кровавый блескъ льется съ высоты на землю. Но вотъ затменіе оканчивается. Виновникъ его—луна отступаетъ и изгоняется въ «землю Нодъ»—*на востокъ* отъ солнца и становится скитальцемъ надъ землею, вѣчно странствуя и обгоняя всѣ остальныя блуждающія свѣтила неба—планеты. «И сдѣлалъ Господь Каину знаменіе»: луна покрылась пятнами, которыхъ раньше на ней не было, потому что по вѣрованіямъ евреевъ она была сотворена совершенной; теперь же въ полнолуніе она представляется какъ бы лицомъ человѣка нѣсколько искоса посматривающаго [1]).

[1]) Срав. текстъ еврейской новолунной молитвы. ...«И да будетъ воля Твоя, Богъ мой и Богъ моихъ отцовъ, сгладить пятна луны и да не будетъ въ ней никакого изъяна. И да будетъ свѣтъ луны подобенъ свѣту солнца и свѣту семи дней міротворенья, какъ было раньше до ея умаленья, ибо сказано: создалъ два великихъ свѣтила...».

III.

Несомнѣнно, очень многимъ наша схема покажется очень смѣлой и въ этомъ увидятъ, быть можетъ, крайнее увлеченіе «астральнымъ методомъ» толкованія библейскихъ миѳовъ. Однако, сопоставленіе моего объясненія съ народными вѣрованіями всецѣло говоритъ въ мою пользу, такъ какъ оно объясняетъ многія частности легендъ о Каинѣ-лунѣ.

Любопытныя «народныя» повѣрья относительно луны и солнца существуютъ въ Тульской губ., гдѣ мѣсяцъ считается роднымъ братомъ солнца, которое впрочемъ представляется существомъ женскаго пола. Въ Волынской губ. луна прямо называется младшимъ братомъ солнца. Возможно, что въ этихъ повѣрьяхъ мы видимъ отзвукъ опять-таки библейскаго миѳа. Впрочемъ, повѣрье, сообщаемое нашимъ старинным изслѣдователемъ фольклора И. П. Сахаровымъ, уже не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Въ Тульской губ. къ 8 апрѣля пріурочена слѣдующая примѣта: мѣсяцъ и солнце не встрѣчаются цѣлую зиму, весною же встрѣчаются и иногда ссорятся, причемъ зачинщикомъ ссоры бываетъ задорный и гордый мѣсяцъ. Въ той же Тульской губ. затменіе солнца объясняется тѣмъ, что мѣсяцъ мѣняется, чередуясь съ *братомъ*—солнцемъ [1]). Въ Люблинской губ. затменіе солнца прямо объясняется дракой между дневнымъ свѣтиломъ—солнцемъ и ночнымъ—луною [2]).

Намъ думается, что всѣ эти «народныя» повѣрья тѣсно связаны между собою. Возможно, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ отрывками цѣлаго миѳа какими-то невѣдомыми

[1]) *В. Н. Перетцъ.* Къ исторіи лунника, 7 стр.
[2]) *Г. О. Булашевъ.* Космогонич. украинск. воззр. Стр. 298

судьбами попавшаго въ народную среду изъ рукъ книжниковъ-переводчиковъ съ византійскихъ оригиналовъ. Здѣсь только нѣтъ именъ Каина и Авеля, но исторія ихъ почти вся на лицо. Обратимъ вниманіе хотя на такое обстоятельство. Почему, напр., встрѣча братьевъ—солнца и луны пріурочена непремѣнно къ 8 апрѣля? Вѣдь встрѣчи ихъ бываютъ каждый мѣсяцъ, слѣдовательно двѣнадцать разъ въ году,—это во-первыхъ; во-вторыхъ, не каждый годъ апрѣльское новолуніе (встрѣча солнца и луны) непремѣнно падаетъ на 8 апрѣля: оно можетъ случиться во всякій день мѣсяца. Слѣдовательно, пріуроченіе встрѣчи къ 8 апрѣля совершенно астрономически-абсурдное положеніе. Иное дѣло, однако, если мы взглянемъ на это явленіе съ нашей точки зрѣнія. 8 апрѣля—могло быть днемъ новолунія, встрѣчи, но эта встрѣча необыкновенная, изъ ряда вонъ выходящая—это застывшая, выкристаллизовавшая дата новолунія въ астральномъ воображеніи творца миѳа о Каинѣ и Авелѣ. Въ самомъ дѣлѣ, возвращаясь къ нашей астральной схемѣ мы видимъ, что полнолуніе въ Дѣвѣ является весеннимъ равноденственнымъ полнолуніемъ, потому что солнце въ Овнѣ. Но такъ какъ въ старину весеннее равноденствіе отожествляли съ праздникомъ Благовѣщенія—25 марта (невзирая на то, что на самомъ дѣлѣ этотъ моментъ давно уже отодвинулся къ началу мѣсяца), то слѣдующее новолуніе, критическое для обоихъ свѣтилъ въ виду полагавшагося по миѳу затменія,—должно было придтись на 8 апрѣля! И это потому такъ, что между двумя фазами луны—полнолуніемъ и новолуніемъ протекаетъ столько же дней, сколько между 25 марта и 8 апрѣля, т.-е. двѣ недѣли.

Можно еще указать на циклъ народныхъ примѣтъ, приписывающихъ лунѣ вліяніе на растительный міръ. Нѣкоторые думали, что народомъ подмѣчено какое-то, остающееся намъ неизвѣстнымъ, вліяніе луны на движеніе со-

ковъ въ растительныхъ организмахъ. Во Франціи большой популярностью пользуется такъ назыв. «рыжая луна» (la lune rousse), которой садовники называютъ ту луну, которая рождается въ концѣ марта по старому стилю. Ея свѣтъ въ апрѣлѣ будто бы производитъ вредное дѣйствіе на молодые ростки растеній [1]). Болгары вѣрятъ, что хлѣбъ, посѣянный въ полнолуніе, будетъ крупный, золотистый, какъ полная луна. «Добро сѣять въ полномъ мѣсяцѣ», говорятъ русскіе крестьяне. «При старѣющемъ мѣсяцѣ, а равно въ день луннаго и солнечнаго затменія не начинаютъ посѣвовъ», «Хлѣбъ посѣянный въ полнолуніе, хотя растетъ тихо и стеблемъ коротокъ, зато ядренъ и обиленъ зерномъ» [2]). Всѣ эти и подобные имъ примѣты, видящія въ лунѣ *покровительницу земледѣлія* по всей вѣроятности ведутъ свое происхожденіе именно отъ солнечно-луннаго миѳа о Каинѣ и Авелѣ, гдѣ Каинъ-луна является земледѣльцемъ.

IV.

Одна подробность миѳа о Каинѣ и Авелѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Это наказаніе, состоящее въ вѣчномъ скитаніи Каина въ изгнаніи (Быт. IV, 12). Здѣсь вспоминается другой вѣчный скиталецъ, также понесшій это наказаніе за тяжкій грѣхъ—это Агасферъ или «Вѣчный Жидъ». Легенда объ Агасферѣ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ сейчасъ, относится по мнѣнію Г. Париса къ позднѣйшему времени и выросла она на прежнихъ преданіяхъ, которыхъ было нѣсколько. Такъ, наприм., существовалъ старинный разсказъ о Малхѣ, который ударилъ Христа по ланитѣ желѣзной перчаткой, когда его вели къ Пилату. За это онъ осужденъ пребывать въ под-

[1]) *К. Фламмаріонъ.* Живописная астрономія. С. 175—176.
[2]) *В. П. Перетцъ.* Къ исторіи лунника. С. 13—14.

земномъ склепѣ и вѣчно, безъ устали, ходить вокругъ столба—«и ходитъ Малхъ непрестанно съ той поры и будетъ ходить до Страшнаго Суда, и бьется головой о стѣну, и топчетъ ногами, и жалуется, а умереть не можетъ». Другая, подобная же легенда, существовала въ XIII в. и относилась къ Іосифу Картафилу, который будто бы былъ привратникомъ Пилата. Когда Христа влекли на судъ, Іосифъ сказалъ ему съ усмѣшкой: «Иди же скорѣе Іисусъ. Что ты медлишь?» Христосъ посмотрѣлъ на него строго и сказалъ: «Я иду, а ты будешь ждать моего возвращенія». И Картафилъ ждетъ до сихъ поръ пришествія Христова; ему было около 30 лѣтъ при смерти Христа; всякій разъ, какъ ему минетъ 100 лѣтъ, на него нападаетъ немощь, кажущаяся неизлѣчимой, онъ впадаетъ въ какое-то изступленіе, но затѣмъ становится снова здоровъ и молодъ, какимъ былъ въ пору крестной смерти Христа.

Въ этихъ первоначальныхъ легендахъ блужданіе не носитъ того характера, какъ въ легендѣ объ Агасѳерѣ, оно происходитъ по окружности—«вокругъ столба», какъ въ разсказѣ о Малхѣ, и нарушается обмираніями, какъ въ разсказѣ объ Іосифѣ Картафилѣ, вообще же идея о безконечномъ блужданіи ведетъ свое начало вѣроятно отъ самаго Каина—этого «ветхозавѣтнаго вѣчнаго жида», о чемъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи и Г. Парисъ вслѣдъ за Шёбелемъ: «Каинъ—это первый вѣчный жидъ; совершивъ убійство, онъ блуждаетъ по землѣ, нося на челѣ знаменіе, предохраняющее его отъ насильственной или отъ неестественной смерти».

Если же, однако, допустить зависимость легендъ о Вѣчномъ Жидѣ отъ миѳа о Каинѣ, то возможно примѣнить и нашъ астральный методъ по отношенію къ первымъ легендамъ. Лунный характеръ легендъ о Малхѣ и Картафилѣ прямо бросается въ глаза: блужданіе вокругъ столба и обмиранія, это круговое движеніе луны и ея фазы,

ущербъ и нарожденіе. Во многихъ древнихъ миѳологіяхъ фазы луны объяснялись именно обмираніями и воскресеніями луннаго божества. Выше мы приводили малорусское повѣрье о Каинѣ, гдѣ пріютившая его луна была обречена носить на челѣ отпечатокъ его грѣха и каждый мѣсяцъ рождаться, расти и умирать.

Есть, однако, еще болѣе любопытныя малорусскія повѣрья о лунѣ, гдѣ говорится, что послѣ смерти луна сходитъ въ адъ, перетапливается тамъ, очищаясь отъ грѣховъ, и затѣмъ рождается вновь; что когда въ продолженіе четырехъ недѣль она перерождается, съ нею вмѣстѣ перерождаются и жиды, которые распяли Спасителя и стояли на стражѣ у гроба Господня въ Іерусалимѣ. Жиды эти и до настоящаго времени стоятъ въ томъ же положеніи и на вопросы проходящихъ: «колы ты вродився»,— отвѣчаютъ: «вчора»; «колы ты умрешь», отвѣчаютъ— «завтра» [1]). «Какъ видно, говоритъ А. Веселовскій, это народное усвоеніе легенды о Малхѣ—Іосифѣ-Картафилѣ: нѣтъ безконечнаго блужданія, какъ въ позднѣйшемъ разсказѣ объ Агасферѣ, жиды стоятъ на стражѣ у гроба Господня, какъ Малхъ въ подземельѣ и Іосифъ въ Іерусалимской криптѣ. Какъ Картафилъ не можетъ умереть, а молодѣетъ каждыя сто лѣтъ, чтобы возродиться снова, такъ съ каждымъ луннымъ мѣсяцемъ возрождаются и жиды. Фазы луны объяснялись ея обмираніями, за которыми слѣдовала вереница безконечныхъ возрожденій и обмираній; оттого пристроилась къ нимъ легенда о вѣчно живущихъ и вѣчно молодѣющихъ жидахъ въ Іерусалимѣ, и здѣсь же объясненіе нѣкоторыхъ суевѣрныхъ представленій, привязавшихся къ мѣсяцу. Одно изъ самыхъ обычныхъ и распространенныхъ толкуетъ пятна на лунѣ Каи-

[1]) *Г. О. Булашевъ.* Космогонич. украинск. воззр. Стр. 302. — Матер. и излѣд., собр. *Н. П. Чубинскимъ*, т. I, в. I, с. 10—11.

номъ и Авелемъ: это Каинъ, убившій брата и держащій его на вилахъ—говорятъ въ Малороссіи» [1]).

Комментаріи А. Веселовскаго къ малорусскому повѣрью очень интересны. Они показываютъ, что астральный характеръ легендъ о «Вѣчномъ Жидѣ» напрашивался самъ собою даже такому изслѣдователю, который совершенно былъ далекъ отъ какихъ-бы то нибыло астральныхъ толкованій. Но я не могу однако согласиться съ тѣмъ, что малорусское повѣрье есть лишь «народное усвоеніе» легендъ о Малхѣ и Картафилѣ и что легенда о «вѣчно живущихъ и вѣчно молодѣющихъ жидахъ» «пристроилась» къ луннымъ фазамъ. Мнѣ думается, что всѣ эти легенды, какъ я уже говорилъ объ этомъ и выше, являются просто отголоскомъ легендъ старинной апокрифической письменности, уже вначалѣ имѣвшихъ въ извѣстной своей части астральный смыслъ.

V.

Зависимость многихъ библейскихъ миѳовъ отъ вавилонскихъ, выражающаяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ прямой передѣлкѣ послѣднихъ, уже давно всѣмъ хорошо извѣстна. Несомнѣнно, и Египетъ имѣлъ свое вліяніе на міросозерцаніе и литературу евреевъ, но вопросъ этотъ освѣщенъ уже менѣе ясно въ наукѣ. Разсказу о Каинѣ и Авелѣ, насколько мнѣ извѣстно, еще не находили параллелей въ вавилонскихъ или египетскихъ сказаніяхъ и нѣкоторые ученые видѣли въ немъ символическій миѳъ національно-еврейскаго происхожденія, изображающій схему развитія народнаго хозяйства израильскихъ племенъ [2]),

[1]) *А. Веселовскій*—разборъ книги *Gaston'a Paris'a*: «Le Juif Errant». Paris 1880. См. «Журн. Мин. Нар. Пр.». 1880 г. іюль.

[2]) *Н. Никольскій.* Израиль и Вавилонъ. «Вѣстникъ Европы». 1910. Май. С. 177.

гдѣ Ягве выступаетъ явнымъ сторонникомъ племенъ, занимавшихся скотоводствомъ и не благоволитъ еще только нарождающемуся земледѣлію, какъ дѣлу новому и малоиспытанному. Такимъ образомъ тутъ отразился консерватизмъ одной изъ раннихъ ступеней развитія израильскаго народа, когда онъ находился еще въ кочевой стадіи.

Однако, въ египетской миѳологіи, въ одномъ изъ разсказовъ объ Озирисѣ передается, что онъ жилъ и властвовалъ на землѣ 28 лѣтъ (по числу дней луннаго мѣсяца), освободилъ египтянъ отъ дикаго состоянія и научилъ ихъ земледѣлію, плодоводству и разведенію винограда. Затѣмъ онъ оставилъ страну и отправился путешествовать, распространяя вездѣ основы нравственности и культуры. По его возвращеніи, его злой братъ Сетъ устроилъ заговоръ противъ него, умертвивъ его хитростью. Трупъ Озириса злой Сетъ во время охоты, въ полнолуніе, разрѣзалъ на 14 частей (по числу дней, въ теченіе которыхъ происходитъ ущербъ луны) и разсѣялъ ихъ по всей странѣ [1]).

Мнѣ кажется, что египетскій миѳъ объ Озирисѣ и Сетѣ является источникомъ библейскаго сказанія о Каинѣ и Авелѣ. Озирисъ, какъ и Каинъ, представитель земледѣлія, странствуетъ по землѣ; Сетъ—охотникъ, что близко ставитъ его къ Авелю—пастуху. Тѣ и другіе братья и враждаютъ между собою, причемъ одинъ умерщвляетъ другого. Разница только въ томъ, что симпатіи египетскаго миѳа на сторонѣ земледѣльческаго героя, а еврейскаго—на сторонѣ пастуха. Зато астральный характеръ египетскаго миѳа уже внѣ всякаго сомнѣнія, на что указывали и другіе. По крайней мѣрѣ Озирисъ въ этомъ миѳѣ является луннымъ божествомъ, хотя позже онъ сталъ солнечнымъ божествомъ, а Сетъ считался луннымъ. Это позднѣйшее

[1]) *М. Брикнеръ.* Страдающій богъ въ религіяхъ древняго міра. Перев. съ нѣмец. подъ редак. Н. М. Никольскаго. Спб. 1909 г. Стр. 9 и 29.

перемѣщеніе ролей быть можетъ и сказалось на обратномъ астральномъ значеніи героевъ библейскаго миѳа.

Но если, такимъ образомъ, миѳъ о Каинѣ и Авелѣ не національно-еврейскаго происхожденія, то этого еще нельзя сказать о вкладываемомъ въ него смыслѣ. Дѣйствительно, патріархъ организаторъ, спасшій свой родъ, помогшій ему одержать побѣду въ его борьбѣ за существованіе примѣненіемъ той или иной системы хозяйства, долженъ былъ казаться существомъ необыкновеннымъ, сверхъ-естественнымъ, но и патріархъ-организаторъ другого племени, враждебнаго первому, казался также изъ ряда вонъ выходящимъ существомъ, хотя и неудачникомъ. Отсюда ведетъ начало почитанія предковъ-организаторовъ добрыхъ и злыхъ и вокругъ ихъ именъ создаются легенды о ихъ борьбѣ между собою. Но и въ природѣ человѣкъ видѣлъ также одни предметы, явленія, небесныя свѣтила, имѣющими первенствующее значеніе въ общественной трудовой дѣятельности, другіе—второстепенное, а нерѣдко и даже вредное. Въ своихъ «поэтическихъ воззрѣніяхъ на природу» народъ отожествлялъ своихъ обожествленныхъ предковъ-организаторовъ съ явленіями природы, небесными свѣтилами, переносилъ ихъ такъ сказать на небо, или, употребляя выраженіе Р. Виппера «отграничивалъ періоды земной жизни при помощи терминовъ науки о небѣ, переведенныхъ на языкъ земныхъ отношеній».

Такимъ образомъ, первоначальный лунный египетскій миѳъ объ Озирисѣ и Сетѣ повелъ, по моему мнѣнію, къ созданію библейскаго лунно-солнечнаго миѳа о Каинѣ и Авелѣ, это же сказаніе, въ свою очередь, образовало параллель «новозавѣтную» въ разсказахъ о «Вѣчномъ Жидѣ» — прямомъ потомкѣ Каина; пастыря же овецъ—Авеля, очевидно, долженъ былъ замѣнить новозавѣтный праведникъ — Іисусъ, тоже «пастырь овчій» или «сынъ

человѣческій». Замѣчательно, что имя Авеля въ ассирійской транскрипціи (hablu) означаетъ «сынъ».

Іоаннъ Хризостомъ также считалъ Авеля «прообразомъ Христа, ибо онъ пастырь овецъ и принесъ въ жертву агнца». Авель въ глазахъ авторовъ различныхъ апокрифовъ былъ первымъ праведникомъ и потому-то въ древнемъ апокрифѣ «Откровеніе и смерть Авраама» до второго пришествія Іисуса Страшный Судъ совершается возсѣдающимъ на престолѣ Авелемъ. Но пастырь-Іисусъ въ Страшномъ Судѣ несомнѣнно символъ Солнца [1]). Интересно то обстоятельство, что астральный лунно-солнечный характеръ героевъ этихъ миѳовъ сохранялся на всемъ протяженіи ихъ исторіи и ясно виденъ и теперь, не смотря на всѣ измѣненія въ частностяхъ.

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. *Д. Святскій.* Страшный судъ, какъ астральная аллегорія.

Слѣды сѣвернаго вліянія въ Библіи.

Индусскій, европейски образованный ученый Тилакъ не такъ давно издалъ свою замѣчательную работу о сѣверномъ происхожденіи человѣчества на основаніи священныхъ книгъ Ведъ [1]). Въ ней онъ, согласно послѣднимъ выводамъ естественно-историческихъ наукъ, перенесшихъ родину человѣчества изъ средней Азіи на глубокій сѣверъ, показываетъ, что въ индусскихъ Ведахъ многія темныя и непонятныя раньше мѣста объясняются допущеніемъ, что Веды могли возникнуть только на самомъ крайнемъ сѣверѣ, когда тамъ обитали предки современныхъ индо-европейскихъ народовъ, спустившіеся потомъ, вслѣдствіе измѣненія климатическихъ условій къ югу и начавшіе постепенно входить въ соприкосновеніе съ народами семитическаго происхожденія.

Таковы, наприм., выраженія Ведъ: «То, что есть годъ—это только одинъ день и одна ночь боговъ»; «Въ Меру боги видятъ солнце восходящимъ только одинъ разъ въ году». Ясное дѣло, эти представленія могли возникнуть только тамъ, гдѣ бываетъ полугодичная полярная ночь и полугодичный полярный день, т.-е. на крайнемъ сѣверѣ. Въ гимнѣ Махабгарата говорится: «въ Меру и солнце

[1]) *Tilak.* The arctic home in the Vedas being also a new key to the interpretation of many Vedic texts and legends. Poona and Bombay, 1903.

и мѣсяцъ ходятъ ежедневно по кругамъ слѣва направо, и также дѣлаютъ это и всѣ здѣзды». Слово «Меру» въ индусской литературѣ обозначаетъ мѣстопребываніе боговъ, а индійскіе астрологи употребляютъ его для обозначенія сѣвернаго полюса. Въ Ригведѣ есть такое мѣсто:

«Многія зори не просвѣтлялись до конца,
О дай, Варуна, намъ зори до свѣта прожить».

Здѣсь, несомнѣнно, разумѣются тѣ именно зори, которыя такъ хорошо знакомы современнымъ путешественникамъ сѣверныхъ полярныхъ странъ, когда въ теченіе цѣлаго ряда дней заря обходитъ горизонтъ съ одного края до другого, скрывая подъ нимъ солнце и сама «не просвѣтляется до конца».

Въ персидской священной книгѣ Авестѣ, унаслѣдовавшей многое отъ индусскихъ обрядовъ и воззрѣній, также есть много намековъ на полярную ночь. Поклонникъ Ахура-Мазды по законамъ Авесты послѣ смерти долженъ быть непремѣнно положенъ до своего погребенія лицомъ къ солнцу, что исполняется и донынѣ. Созерцаніе мертвымъ солнца должно очищать его отъ грѣховъ. Поэтому-то если человѣкъ умиралъ въ теченіе зимы, равносильной на крайнемъ сѣверѣ длительной полярной ночи, въ Авестѣ предписывалось въ домѣ покойнаго вырыть просторную яму и въ нее положить бездыханное тѣло, чтобы оно лежало тамъ двѣ ночи, три ночи или мѣсяцъ, пока птицы не начнутъ летать, растенія не начнутъ расти и воды снова не потекутъ. И тогда пусть положатъ мертваго лицомъ къ солнцу.

Подробно изслѣдуя разныя мѣста Ведъ, Тилакъ пришелъ къ заключенію, что въ этомъ сборникѣ священныхъ гимновъ и обрядовъ, записывавшихся постепенно, въ теченіе тысячелѣтій, сохранились указанія на то, что годъ имѣлъ 10, 9, 8 и даже 7 солнечныхъ мѣсяцевъ,

остальные же мѣсяцы полярной непрерывной ночи, повидимому, не входили въ счетъ года. Вѣроятно слѣдомъ десятимѣсячнаго года предковъ римлянъ явился годъ послѣднихъ, заключавшій въ себѣ, какъ извѣстно, до реформы Нумы, только десять мѣсяцевъ и кончавшійся декабремъ (december — десятый). И только Нума ввелъ январь и февраль, не принимавшіеся раньше въ разсчетъ какъ два мѣсяца полярной ночи. Этимъ же объясняется, вѣроятно, и то обстоятельство, что нѣкоторые древніе солнечные календари заключали въ себѣ не 365 дней, а меньше. Такъ, наприм., извѣстно, что уже въ историческое время египетскіе астрономы и жрецы перешли къ принятію 365 дней въ году вмѣсто 360, но еще долго въ храмѣ Озириса въ Ѳивахъ полагалось ежедневно наполнять молокомъ 360 священныхъ кувшиновъ. Отсюда могло также возникнуть дѣленіе окружности на 360°, какъ эмблемы годичнаго круговорота солнца, по числу солнечныхъ дней въ году. Греческія легенды говорятъ о томъ, что Геліосъ (солнце) имѣетъ 350 коровъ (дней) и 350 овецъ (ночей). Въ германской миѳологіи говорится о золотыхъ кольцахъ кузнеца Виланда, изображающихъ собою 350 дней и 350 ночей. Все это легче всего понять, какъ воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда люди жили въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствительно въ году было менѣе 365 дней вслѣдствіе полярной ночи, продолжавшейся въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ.

Въ индусскихъ Ригведахъ есть также указанія и на продолжительность лѣтнихъ дней. Такъ, въ одномъ изъ гимновъ прославляются дѣянія бога Индры, совершенныя имъ въ воздушномъ просторѣ. Онъ побѣждаетъ злого бога Вритру и освобождаетъ зори и плѣненныя воды, т.-е. скованныя льдомъ. Далѣе говорится, что Индра снова водворяетъ солнце на небѣ:

«Свою колесницу богъ солнца остановилъ посрединѣ неба.
Арійя нашелъ средство борьбы противъ Дазы.
Индра разрушилъ замки коварнаго демона Пипру».

Такимъ образомъ здѣсь рисуется періодъ лѣтняго солнцестоянія, когда солнце, поднявшись на опредѣленную высоту надъ горизонтомъ, останавливается не двигаясь уже выше, а затѣмъ идетъ по спирали внизъ, все время описывая круги на небосклонѣ не восходя и не заходя. Демонъ Пипру — богъ тьмы, зимою похищаетъ солнце, гдѣ держитъ его полгода въ плѣну, но Арійя весною освобождаетъ его и разрушаетъ ледяные замки коварнаго Пипру [1]).

Вполнѣ естественно предположить, что въ то время, когда арійцы начали входить въ общеніе съ семитами, вліяніе первыхъ несомнѣнно должно было такъ или иначе сказаться въ религіи, искусствѣ, литературѣ семитовъ. Еврейскія священныя книги, составляющія Библію, также должны бы сохранить нѣкоторые слѣды арійскаго вліянія. Однако, послѣднія изслѣдованія школы ассиріологовъ выводятъ еврейскую литературу и религію изъ вавилонской, и относятъ окончательное редактированіе Библіи къ эпохѣ послѣ вавилонскаго плѣненія. Такимъ образомъ, нельзя допустить, чтобы арійское вліяніе въ Библіи сохранилось въ чемъ-нибудь наиболѣе ясно. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя мѣста, по моему мнѣнію, безусловно заключаютъ въ себѣ отголоски этого воздѣйствія. Такъ, наприм., въ книгѣ Исаіи мѣстопребываніемъ боговъ считается также крайній сѣверъ, какъ Меру въ Ведахъ. Это мѣсто Исаіи содержитъ, повидимому, отрывокъ древней поэмы объ одномъ изъ возгордившихся сыновей Божіихъ «Денницѣ, сынѣ зари», который говорилъ въ сердцѣ своемъ: «взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ вознесу престолъ мой, и

[1]) Болѣе подробно объ изслѣдованіяхъ Тилака см. *Е. Елачичъ*. Крайній сѣверъ, какъ родина человѣчества. Спб. 1910. Стр. 60 и слѣд.

сяду на горѣ въ сонмѣ боговъ, на краю сѣвера» (Исаіи, XIV, 13).

Наиболѣе же любопытна въ этомъ отношеніи книга Іова. Хотя современные изслѣдователи также относятъ появленіе ея къ періоду послѣ вавилонскаго плѣненія, но прежніе ученые, какъ наприм., Эвальдъ, полагали, что она написана гораздо раннѣе. Мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ ядро этой величайшей и великолѣпнѣйшей поэмы міра очень ранняго происхожденія. Въ доказательство уже и раннѣе приводили слѣдующее мѣсто этой книги: «можешь ли ты помѣшать утѣхамъ и наслажденіямъ Римаха (chima[h]) и разбить оковы Рефиля? Можешь ли заставить Мазаротовъ появиться, каждаго въ свое время?» (Іов. XXXVIII, 31). Мазароты — это поясъ зодіакальныхъ созвѣздій, окружающихъ небесную сферу и появляющихся передъ солнцемъ, каждое въ свой мѣсяцъ. Изъ всѣхъ Мазаротовъ два наиболѣе замѣчательны— Римахъ, т.-е. созв. Плеядъ въ Тельцѣ, знакъ котораго открывалъ утѣхи и наслажденія весны и Рефиль, т.-е. Скорпіонъ съ его «оковами» или узами умирающей осенью природы [1]). Красныя звѣзды — Альдебаранъ въ Тельцѣ, или око Божіе (у евреевъ) и Антаресъ—зловѣщее сердце Скорпіона были какъ бы двумя маячными огоньками весенняго и осенняго равноденствій, что происходило болѣе, чѣмъ за 2,000 лѣтъ до нашей эры и потому книга Іова, сохранившая намъ это древнее астрономическое указаніе, сама должна бы имѣть почтенный возрастъ. Впрочемъ, отдѣльное мѣсто изъ книги, хотя бы оно было и древняго происхожденія, еще не доказываетъ древности всего основного ядра, а тѣмъ болѣе всей книги. Вотъ примѣръ тому. Въ еврейской Каббалѣ есть любопытное мѣсто, безусловно, древнѣйшаго происхожденія, гдѣ говорится, что

[1]) *К. Фламмаріонъ*. Исторія неба. Спб. 1875. Стр. 171.

«Небесный драконъ въ срединѣ, какъ царь на престолѣ (т.-е. неподвиженъ), зодіакъ въ году, какъ царь въ государствѣ» [1]). Въ этомъ противоположеніи движущагося зодіака неподвижному Дракону видятъ, обыкновенно, указаніе на ту эпоху, когда полярной здѣздой была α Дракона, т.-е. время за 2,500 лѣтъ до Р. Х., но въ той же Каббалѣ счетъ зодіака ведется съ Овна, что говоритъ уже о значительно позднемъ времени. Стало быть, выраженіе о Драконѣ внесено въ нее, быть можетъ даже безъ пониманія сути дѣла, какимъ-нибудь позднѣйшимъ редакторомъ этой книги. Иное дѣло, когда мѣстъ въ книгѣ, указывающихъ на ея древнее происхожденіе или на сторонніе вліянія на нее нѣсколько. Возвращаюсь къ книгѣ Іова. Въ ней такъ же, какъ у Исаіи, сѣверу придается особое значеніе, когда говорится о престолѣ Божіемъ (Іов. XXVI, 7—9). Затѣмъ, меня всегда удивляло, что авторъ часто говоритъ объ инеѣ, снѣгѣ и льдѣ, какъ объ обыкновенныхъ явленіяхъ, между тѣмъ какъ въ библейскихъ странахъ они являются большой рѣдкостью (См. Іов. XXXVII, 6, 10; XXXVIII, 22, 29). Автору было извѣстно даже такое явленіе, какъ замерзаніе «Бездны» или моря (XXXVIII, 30), что возможно только въ наиболѣе сѣверныхъ широтахъ. Подъ тропиками же не замерзаютъ даже рѣки. Выраженіе въ книгѣ Іова: «скажетъ солнцу—и не взойдетъ» (IX, 7)—врядъ ли могло явиться, если бы автору не были знакомы полярные зимніе сутки, въ теченіе которыхъ иногда солнце дѣйствительно не восходитъ. Проклятіе же тѣхъ несчастныхъ дня и ночи, въ которые родился Іовъ, окончательно убѣждаетъ меня въ этомъ: «Погибни день, въ который я родился, и ночь, въ которую сказано: «зачался человѣкъ!» День тотъ да будетъ тьмою; да не взыщетъ его Богъ свыше, и да не возсіяетъ надъ нимъ свѣтъ! Да омрачитъ

[1]) Каббала въ переводѣ *Папюса* и *Н. А. Переферковича*. Спб. 1910 г., стр. 203 и 271.

его тьма и тѣнь смертная, да обложитъ его туча, да страшатся его, какъ палящаго зноя! Ночь та,—да обладаетъ ею мракъ, да не сочтется она въ дняхъ года, да не войдетъ въ число мѣсяцевъ. О! ночь та—да будетъ она безлюдна, да не войдетъ въ нее веселіе! Да проклянутъ ее проклинающіе день, способные разбудить Левіаѳана! Да померкнутъ звѣзды разсвѣта ея: пусть ждетъ она свѣта, и онъ не приходитъ, и да не увидитъ она рѣсницъ денницы» (Іов. III, 4—9). Изъ этого отрывка видно, что автору хорошо были извѣстны тѣ безотрадные сутки полярнаго сѣвера, когда нѣтъ надежды на солнечный восходъ, когда по вѣковой традиціи эти сутки не засчитывались въ число дней года.

Въ книгѣ Еноха, хотя и не вошедшей въ составъ современной намъ Библіи, но пользовавшейся большимъ авторитетомъ въ древности, годъ указывается въ 364 дня, при чемъ говорится, что въ то время онъ исчислялся только въ 360 дней: «И путеводители главъ тысячей, которые поставлены надъ всѣмъ твореніемъ и надъ всѣми звѣздами, существуютъ съ четырьмя добавочными днями, которые не могутъ быть отдѣлены отъ своего мѣста сообразно со всѣмъ исчисленіемъ года; и эти путеводители служатъ для четырехъ дней, которые не считаются при исчисленіи года. И изъ-за нихъ люди ошибаются въ томъ, ибо тѣ свѣтила дѣйствительно служатъ для положеній міра... и точность движенія міра оканчивается всегда чрезъ 364 положенія его» (Енох. LXXV, 1 — 2; срав. также LXXXII, 6, 11). Замѣчательно также, что число лѣтъ жизни Еноха (365), равняющееся количеству дней въ году, связало имя этого миѳическаго патріарха съ годовымъ солнечнымъ обращеніемъ, о чемъ говорилъ еще Филонъ Александрійскій [1]).

[1]) *А. Смирновъ*. Книга Еноха. Казань 1888 г. Стр. 177, 398 417, 418.

Кромѣ книгъ, вошедшихъ въ составъ Библіи и существующихъ помимо нея, у евреевъ было еще нѣсколько книгъ совершенно утраченныхъ и не дошедшихъ до насъ. Къ числу ихъ принадлежитъ книга Праведнаго, ссылки на которую встрѣчаются въ Библіи. Въ этой книгѣ было записано, повидимому, древнѣйшее астрономическое наблюденіе, проникнувшее въ Палестину съ крайняго сѣвера: «стояло солнце среди неба и не спѣшило къ западу почти цѣлый день». (Іис. Нав. X, 13). Выраженіе это, какъ видимъ, очень похоже на вышеприведенный стихъ изъ Ригведы: «свою колесницу богъ солнца остановилъ посрединѣ неба»—и такъ же, какъ послѣднее, указываетъ на лѣтнее солнцестояніе на крайнемъ сѣверѣ, когда солнце стоитъ среди неба не восходя и не заходя, только описывая на небѣ круги. Для жителя южныхъ странъ это явленіе было совершенно непонятно, но вѣруя въ святость преданія, онъ былъ убѣжденъ, что когда-то былъ такой случай въ жизни его народа, когда Ягве остановилъ на два дня солнце среди неба. Съ теченіемъ времени героическій эпосъ связалъ это древнѣйшее преданіе съ именемъ героя Іисуса Навина, миѳическаго вождя еврейскаго народа, который по послѣднимъ изслѣдованіямъ Робертсона есть самъ не что иное, какъ древнее израильское божество солнца и тожественъ съ тѣмъ обѣтованнымъ ангеломъ книги Исходъ, который долженъ былъ вести Израиля къ побѣдѣ надъ Аморреями, Хеттеями, Ферезеями, Хананянами, Евѳеями и Іевусеями. Это — тѣ самыя народности, коихъ Ягве побѣдилъ чрезъ Іисуса (Исх. XXIII, 20—23; Іис. Нав. XXIV, 11).

Чудо Іисуса Навина давно уже интересовало изслѣдователей Библіи, но всѣ объясненія его не были убѣдительными. Полагали, что это необычайная рефракція, кажущимся образомъ повысившая дискъ солнца надъ горизонтомъ послѣ того, какъ оно уже зашло; думали

также, что это ложное солнце, которое иногда дѣйствительно бываетъ видимо въ теченіе нѣкотораго времени послѣ того, какъ зашло настоящее. Но всѣ эти объясненія, однако, не соотвѣтствуютъ древнѣйшей записи этого явленія въ книгѣ Праведнаго: «стояло солнце среди неба и не спѣшило къ западу почти цѣлый день», наше же предположеніе всецѣло объясняетъ это явленіе, перенося мысль нашу на крайній сѣверъ. Разумѣется, авторъ книги Іисуса Навина комментировалъ явленіе по своему; не понимая сущности дѣла онъ простодушно вѣрилъ, что его герой Іисусъ «въ одинъ прекрасный день, по выраженію Фламмаріона, дѣйствительно умолилъ Небо остановить солнце, чтобы продолжить еще часа на два, на три безпощадную взаимную рѣзню!»

Чудо пророка Исаіи.

Въ параллель съ чудомъ Іисуса Навина часто ставятъ также другое явленіе, которое на первый взглядъ, дѣйствительно, кажется похожимъ на него — это чудо пророка Исаіи. Въ знакъ того, что еврейскій царь Езекія выздоровѣетъ, Исаія обратилъ вниманіе его на слѣдующее необычайное явленіе. Солнечная тѣнь, которая спускалась по ступенямъ Ахазовымъ, возвратилась вспять на десять ступеней (Исаіи XXXVIII, 7 — 8; IV Царствъ XX, 9—11). Это явленіе возможно было бы допустить въ томъ случаѣ, если бы солнце не только остановилось среди неба, но и пошло бы еще назадъ. Конечно, это было бы астрономическимъ абсурдомъ. Фламмаріонъ хотѣлъ объяснить этотъ «опытъ» пророка Исаіи своего рода фокусомъ и говорилъ: «явленіе это можно сдѣлать безъ всякаго чуда, если дать доскѣ солнечныхъ часовъ нѣкоторый наклонъ, сообразованный съ широтой мѣста. Мы лично довольно успѣшно могли возобновить это чудо въ недавнее время въ Лозаннѣ» [1]). Мнѣ кажется, однако, что отступленіе тѣни отъ гномона назадъ можетъ быть замѣчено во время неполнаго солнечнаго затменія. Около наибольшей его фазы, когда свѣтовой пучекъ лучей исходитъ не изъ центра солнца, а отъ его серпа, центръ послѣдняго можетъ придтись ниже центра

[1]) *К. Фламмаріонъ.* Звѣздное небо и его чудеса. Стр. 698.

солнца на 15′; затѣмъ лунный дискъ закрывая нижній конецъ солнца постепенно освобождаетъ западный его край и наконецъ верхній, такъ что положеніе серпа быстро мѣняется и его свѣтовой центръ въ теченіе всего нѣсколькихъ минутъ переходитъ отъ нижняго края солнца къ верхнему, измѣняясь по дугѣ почти на 30′; такимъ образомъ видимая высота свѣтового центра солнца повышается надъ горизонтомъ на ½°! Конечно, отъ такого быстраго перемѣщенія его, тѣни всѣхъ предметовъ, особенно же наиболѣе высокихъ, должны яснымъ образомъ укоротиться—«отступить назадъ на нѣсколько ступеней». Если затменіе будетъ видимо во время близкое къ зимнему солнцестоянію, то въ это время явленіе будетъ наиболѣе рѣзко выражено. На основаніи библейскаго разсказа можно думать, что затменіе было наблюдаемо въ послѣполуденные часы, такъ какъ тѣнь передъ этимъ не всходила, а спускалась по ступенямъ, т.-е. не укорачивалась, а удлиннялась.

Обращаясь къ общепринятой хронологіи мы видимъ, что Езекія царствовалъ съ 723 по 694 г. до Р. Х. [1]), при чемъ согласно библейскому разсказу послѣ выздоровленія отъ своей болѣзни, сопровождавшейся чудеснымъ знаменіемъ, онъ прожилъ еще 15 лѣтъ (Ис. XXXVIII, 5); такимъ образомъ знаменіе должно было произойти въ 709 г., какъ оно датируется и у Фламмаріона. Изъ «Канона затменій» Гинцеля [2]) мы видимъ, что въ это время въ мѣстностяхъ близкихъ къ Іерусалиму наблюдалось два полныхъ солнечныхъ затменія — одно изъ нихъ 14 марта 711 г., проходившее черезъ западную часть Средиземнаго моря, островъ Критъ, Спарту, Аѳины и западную часть Чернаго моря и другое 17 іюля 709 г., проходившее че-

[1]) Grand dictionnaire. Paris 1870.

[2]) *Ginzel.* Spezieller Kanon der Sonnen-und Mondfinsternisse. Berlin. 1899.

резъ южную Испанію, сѣверную Италію и Македонію. Оба этихъ затменія были видимы какъ частныя въ Іерусалимѣ, гдѣ находился Езекія, и въ Вавилонѣ, гдѣ согласно библейскому разсказу также наблюдали знаменіе, вообще «бывшее на землѣ» (II Паралипом. XXXII, 31). Однако ни одно изъ этихъ затменій не удовлетворяетъ библейскому разсказу, т. к. оба они наблюдались поутру.

Изъ «Канона затменій» однако видно, что 19 октября 704 г. было кольцеобразное затменіе, проходившее по территоріи нынѣшнихъ русскихъ городовъ Ростова-на-Дону, Тифлиса и Баку. Это затменіе также наблюдалось въ Вавилонѣ и Іерусалимѣ какъ частное, въ послѣполуденные часы и измѣненіе фазы его протекало тамъ такъ, что какъ разъ должно было вызвать явленіе описанное въ Библіи. Къ тому же затменіе наблюдалось въ октябрѣ, когда эффектъ удлиненія тѣни долженъ быть болѣе сильнымъ, чѣмъ лѣтомъ. Но въ такомъ случаѣ приходится допустить, что чудо Исаіи, если оно соотвѣтствовало этому именно затменію, произошло не за 15, а за 10 лѣтъ до смерти Езекіи.

Обращаясь къ исторіи мы видимъ, что изслѣдователи давно уже обратили вниманіе на цифру 15 лѣтъ, какъ на явно преувеличенную. Дѣло въ томъ, что въ Библіи о чудѣ Исаіи разсказывается послѣ описанія избавленія евреевъ отъ власти ассирійскаго царя Сеннахериба, армія котораго покинула Палестину вслѣдствіе чумы въ 700 г. При чемъ въ самомъ разсказѣ о чудѣ упоминается о томъ, что Сеннахерибъ еще не очистилъ Палестины (Ис. XXXVIII, 6), и 15 лѣтъ высчитаны вѣроятно въ согласіи съ этимъ. Но въ такомъ случаѣ представляется непонятнымъ блестящее состояніе сокровищницы Езекіи показанной посламъ изъ Вавилона (Ис. XXXIX. 2), но передъ тѣмъ расхищенной Сеннахерибомъ (IV Царствъ XVIII, 15). Очевидно, надо допустить, что послы отъ вавилонскаго царя Меродаха-

Баладана могли искать союза съ Езекіей только послѣ снятія осады Сеннахерибомъ (700 г.) и въ то же время не такъ уже поздно послѣ знаменія «бывшаго на землѣ». Слѣдовательно, знаменіе могло произойти всего за нѣсколько лѣтъ до снятія осады. Недаромъ Ренанъ говоритъ по этому поводу: «всѣ эти историческія добавленія къ Исаіи полны искусственныхъ натяжекъ и отзываются легендой. Подозрѣваютъ, что здѣсь есть какая-то искусственная комбинація еврейской исторіографіи, благодаря вліянію пророковъ» [1]). Вотъ почему попытка опредѣлить дату чуда Исаіи путемъ только историческихъ соображеній невозможна, астрономическій же путь указываетъ на 704 г.

[1]) *Э. Ренанъ.* Исторія израильскаго народа. Перев. Е. Смирнова. Т. III, стр. 73—74. Спб.

О сѣверномъ происхожденіи Троянскихъ преданій.

Еще со школьной скамьи, когда нами изучались «Иліада» и «Одиссея», мы привыкли думать, что эпосъ Гомера—національное творчество греческаго народа. Конечно, всѣ знакомые намъ образы Улисса (Одиссея), Пріама, Менелая, Гектора, Елены Прекрасной и др., несомнѣнно, носятъ черты создавшей ихъ націи. Извѣстно также, что «произведенія Гомера» не являются трудомъ какого-нибудь одного лица, что это плодъ коллективнаго творчества греческаго народа; въ этихъ поэмахъ ученые различаютъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ наслоеній, проредактированныхъ въ концѣ концовъ, искусной рукой какого-то греческаго поэта.

Откуда же возникло основное ядро этихъ поэмъ? Историки отвѣчаютъ намъ, что въ основѣ гомеровскаго эпоса лежитъ историческій фактъ—война грековъ съ троянцами и мы когда-то твердили въ школѣ 1184 г. до Р. Х., какъ годъ разрушенія Трои, по старательнымъ подсчетамъ и выводамъ историковъ. Мы увѣренно указывали на географической картѣ даже то мѣсто, гдѣ находилась древняя Троя или Иліонъ, какъ ее называли также въ старину. Это—современный фортъ Кумъ-Калэ въ $5^1/_2$ вер. къ югу отъ сѣверо-западной оконечности Малой Азіи. Въ подтвержденіе этого указывали на раскопки, произведенныя

здѣсь Генрихомъ Шлиманомъ въ 70 годахъ прошлаго столѣтія, обнаружившія будто-бы остатки сожженной нѣкогда Трои. Однако, въ тожествѣ новаго Иліона съ древней Троей сомнѣвался еще Дмитрій изъ Скепсиса, историкъ александрійскаго періода, и его сомнѣнія раздѣлялъ также Страбонъ. Въ наше время, несмотря на общее увлеченіе раскопками Шлимана, нѣмецкій ученый Бёттихеръ полагалъ, что Шлиманъ просто открылъ древнее кладбище со слѣдами погребеній. Да и что, на самомъ дѣлѣ, открылъ Шлиманъ? Имъ были обнаружены въ семи послѣдовательныхъ наслоеніяхъ почвы холма остатки семи поселеній, древнѣйшее изъ которыхъ и было принято за Трою, несмотря на то, что занимало площадь не болѣе 100 метровъ въ діаметрѣ. Недаромъ, Шлиманъ долженъ былъ допустить, что открытое имъ поселеніе было только царскимъ замкомъ и крѣпостью, тогда какъ собственно городъ будто-бы располагался у подошвы, занятаго крѣпостью холма.

Среди различныхъ изслѣдователей гомеровскаго эпоса, на ряду съ учеными, допускавшими опредѣленную историческую подкладку его, были также болѣе осторожные изслѣдователи, которые полагали, что въ гомеровскихъ миѳахъ дается вообще олицетвореніе природной, общественной, государственной и народной жизни грековъ. Изъ нихъ К. О. Мюллеръ видѣлъ въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» древнѣйшую мѣстную и племенную исторію Эллады, облеченную въ форму личныхъ событій и индивидуальныхъ явленій.

Въ 1891 г., а затѣмъ въ слѣдующіе годы въ Германіи вышли въ свѣтъ нѣсколько работъ ученаго Эрнеста Крауса, который совершенно отрицаетъ національно-историческое происхожденіе ядра троянскихъ сказаній и устанавливаетъ заимствованіе этого ядра греками отъ своихъ древнихъ предковъ-арійцевъ, принесшихъ его съ глубокаго сѣвера

на самой ранней зарѣ человѣческаго рода. Въ этомъ отношеніи очень любопытна одна изъ работъ Крауса, въ которой онъ сближаетъ путемъ спеціальныхъ филологическихъ изысканій героевъ гомеровской миѳологіи съ миѳологіей Ведъ — древнѣйшихъ священныхъ книгъ Индусовъ и, по выраженію польскаго писателя А. Немоевскаго,—примкнувшаго ко взгляду Крауса,—показываетъ, что «миѳологія боговъ Гомера вылѣплена изъ той самой глины, что и боговъ Ведъ» [1]).

Краусъ обращаетъ вниманіе на безплодность попытокъ различныхъ ученыхъ пріурочить гомеровскія описанія мѣстностей къ какимъ-либо опредѣленнымъ географическимъ рамкамъ. Въ особенности это затрудненіе велико для путешествія Одиссея съ его спутниками. Думали даже, что онъ объѣзжалъ Африку. Тацитъ упоминаетъ, что Одиссей былъ отнесенъ западнымъ вѣтромъ въ Германію, гдѣ ему былъ посвященъ алтарь. Страбонъ обращалъ вниманіе на то, что въ эпосѣ Гомера говорится о бѣлыхъ ночахъ и думалъ, что Гомеръ узналъ о нихъ отъ Кимвровъ. Это обстоятельство наводитъ Крауса на мысль искать сѣверное вліяніе на троянскій эпосъ. Въ самомъ дѣлѣ, наименованіе Трои усвоялось не одному только Иліону. Франки, прибывшіе на Рейнъ, принялись строить недалеко отъ рѣки civitatem ad instar Trojae nominis. Городъ Сантенъ на нижнемъ Рейнѣ назывался Troja Francorum, Sancta Troia. По историку Фредегару на берегу Дуная обитали троянцы—торки или турки. Конечно, все это можно легко объяснить вліяніемъ имени древней Трои. Но вотъ вопросъ—не происходитъ ли самое названіе древней Трои отъ какого-либо древняго арійскаго божества? По мнѣнію Крауса такимъ божествомъ является

[1]) «Myśl Niepodległa» № 190: О полночномъ происхожденіи преданія Троянскаго.

герой Траянъ, встрѣчающійся въ народныхъ сказаніяхъ индовъ, персовъ, германцевъ и славянъ подъ различными именами: Troja, Troyes, Troneg, Trony, Trojan, Drukh и Draogha и олицетворяющій собою демона зимы, заключившаго у себя дѣвицу солнечнаго царства.

Такъ, наприм., Hagen von Troyen, von Troy, Tronge въ нѣмецкихъ поэмахъ—злобный демонъ, его отецъ—темный эльфъ. Онъ и самъ пугается своего зловѣщаго вида. Сербская легенда о Троянѣ пріурочивается къ развалинамъ Трояна выше Двориштa, на горѣ Церѣ и гласитъ слѣдующее. Въ городѣ Троянѣ правилъ король Троянъ, который каждую ночь ѣздилъ въ Срѣмъ къ своей возлюбленной. Ѣздилъ же онъ ночью потому, что днемъ боялся быть растопленнымъ солнцемъ. У возлюбленной своей Троянъ оставался до тѣхъ поръ, пока кони не съѣдятъ корма и не запоютъ пѣтухи. Однажды мужъ его возлюбленной вырвалъ пѣтухамъ языки и насыпалъ коиямъ Трояновымъ песку въ овесъ. Вслѣдствіе этого Троянъ замѣшкался у своей возлюбленной и вышелъ отъ нея, когда уже стало свѣтло, почему и былъ растопленъ солнцемъ. Въ Бессарабіи разсказывается почти та же легенда: по ту сторону Дуная жилъ царь Траянъ, а по эту царица Belaja Kejina (свѣтлая княгиня). Захотѣлось царицѣ увидѣть днемъ Траяна и она употребила ту же хитрость, какую въ предыдущемъ сказаніи ея мужъ. Въ болгарской пѣснѣ поется о Троянѣ, обладателѣ огромныхъ богатствъ, у котораго въ 70 водоемахъ течетъ золото и серебро, но нѣтъ въ его городѣ воды, потому что змѣй залегъ всѣ источники. Является на конѣ св. Георгій и спасаетъ дочь Трояна, обреченную въ жертву змѣю [1]).

По мнѣнію Крауса всѣ подобныя легенды одинаковаго

[1]) *Веселовскій*. Новый взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. «Журн. М. Н. П.» 1877—августъ.

происхожденія съ троянскимъ сказаніемъ. Троянская война, какъ извѣстно, возгорѣлась изъ-за Елены Прекрасной, жены Спартанскаго царя Менелая, которую похитилъ Парисъ, сынъ Троянскаго царя Пріама и держалъ въ Троѣ. Одиссей, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ Менелаемъ отправлялся къ Пріаму, съ требованіемъ выдать Елену, но получилъ отказъ. Троя была взята хитростью, послѣ 9-лѣтней осады, при помощи громаднаго деревяннаго коня будто-бы предназначеннаго въ подарокъ богинѣ Аѳинѣ. Внутри коня были спрятаны греческіе воины. Когда Троянцы втащили его въ городъ и оставили на ночь въ святилищѣ, греки и въ томъ числѣ Одиссей вышли, открыли ворота и впустили войска. Троя была разрушена и Елена освобождена. Краусъ говоритъ, что вообще миѳъ о рыцарѣ, спасающемъ дѣвицу изъ царства демона Трои, является основнымъ ядромъ миѳа Троянскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ и въ славянскихъ сказаніяхъ, Елена, это дѣвица свѣта, солнечная дѣвица, какъ показываетъ ея греческое имя. Царство Трои—мрачное царство по представленіямъ среднихъ вѣковъ, городъ опустѣлый, оставленный Богомъ, жилище гадовъ (змѣй) и демоновъ. Замѣчательно, что и въ нашемъ славянскомъ «Луцидаріѣ» читаемъ о Троѣ: «Таможь было превеликое Троянское царство, разоренное Божіимъ попущеніемъ, яко отнюдь тамо нѣсть жилища человѣкомъ, но дивіе звѣри и зміевѣ тамо помираютъ».

Такимъ образомъ, миѳъ о Троянской войнѣ, по мнѣнію Крауса, астральнаго происхожденія и обозначаетъ собою не что иное, какъ борьбу божества свѣта — солнца съ демонами зимы — долгой полярной ночью. Особенно это ясно изъ параллельнаго сопоставленія этого миѳа съ астральными объясненіями индусскихъ Ведъ Тилакомъ, о чемъ рѣчь была выше. Но Краусъ не ограничивается только этимъ и обращаетъ вниманіе на древнѣйшія свя-

щенныя сооруженія, остававшіяся столько времени загадочными и носившія названія Лабиринтовъ.

Изъ исторіи извѣстно, что такихъ сооруженій было немного и всѣ они дошли до насъ лишь въ развалинахъ, подъ которыми была погребена загадка ихъ происхожденія. Названіе Лабиринта производится отъ египетскаго «Лоперо - унтъ», что означаетъ храмъ при входѣ въ озеро — одно изъ строеній, относящееся къ 2100 г. до Р. Х., построенное фараономъ Аменемхою III у подножія пирамиды его имени. Этотъ лабиринтъ считался однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Онъ состоялъ изъ 12 дворовъ, подъ общей кровлей и до 3000 комнатъ, соединявшихся извилистыми и запутанными ходами. Лабиринтъ состоялъ изъ двухъ этажей, половина комнатъ находилась подъ землей, другая—надъ землей.

Другой лабиринтъ существовалъ на берегу острова Крита, построенный Дѣдаломъ по типу египетскаго. Какъ гласитъ легенда, онъ являлся мѣстопребываніемъ Минотавра, котораго убилъ Тезей и освободилъ аѳинянъ отъ позорной дани. Существовалъ также лабиринтъ на островѣ Самосѣ, остатки котораго видѣлъ Плиній.

Лабиринты, по мнѣнію Крауса, храмы культа солнечнаго божества, но съ полярными представленіями о немъ, перенесенными на югъ въ глубокой древности съ далекаго сѣвера. Въ самомъ дѣлѣ, египетскій лабиринтъ состоялъ изъ 12 дворовъ, вѣроятно по числу мѣсяцевъ года; распредѣленіе комнатъ его въ два этажа—подземный и надземный, очевидно, символизировало собою старинное представленіе о полярной полугодичной ночи и полугодичномъ днѣ. Самые ходы лабиринта, заставляющіе путника долго и тщетно искать выхода и наконецъ, все же выводившіе его наружу являются не чѣмъ инымъ, какъ символизаціей блужданія солнца въ теченіе полярной полугодичной ночи и полугодичнаго дня по кругамъ,

или вѣрнѣе по большой спирали, обвивающей собою небесный сводъ сначала въ ночной, потомъ въ дневной его половинахъ. Въ лабиринтахъ-храмахъ, вѣроятно устраивались процессіи, чтобы символически изобразить это блужданіе солнца, подобно тому, какъ и въ позднѣйшихъ культахъ совершаются торжественныя процессіи и священные танцы вокругъ храма или алтаря, въ направленіи движенія солнца отъ востока на западъ. Замѣчательно, что въ Скандинавіи лабиринтъ носитъ названіе Trojaburgen, а старинный ритуальный танецъ состоялъ изъ двухъ пріемовъ—troare и antitroare. Во всѣхъ этихъ словахъ мы снова встрѣчаемся съ прежнимъ корнемъ Troja, означавшимъ демона зимы и полярной ночи.

Въ заключеніе нужно еще сказать, что и въ нашемъ національномъ творчествѣ божество Троянъ нашло свой отзвукъ. Изслѣдователи «Слова о полку Игоревѣ» уже давно обратили вниманіе на какого то загадочнаго Трояна, упоминаемаго въ немъ нѣсколько разъ: «были вѣчи (вѣка) Трояни», «рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы», «въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы на синемъ морѣ, у Дону плещучи», «на седьмомъ вѣцѣ Трояни върже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу». Нѣкоторые пытались подъ именемъ Трояна разумѣть римскаго императора Траяна, который будто бы былъ извѣстенъ автору «Слова о полку Игоревѣ» какъ завоеватель Дакіи (нынѣшняя Румынія съ Бессарабіей). Но нѣтъ данныхъ изъ другихъ источниковъ для того, чтобы видѣть популярность имени этого императора въ Россіи. Гораздо интереснѣе тѣ объясненія, которыя допускаютъ, что Троянъ миѳическій образъ, заимствованный отъ болгаръ, или что въ этомъ имени имѣются отголоски о Троянской войнѣ. Замѣчательно, что имя Трояна упоминается въ славянской апокрифической литературѣ—

въ «Хожденіи Богородицы по мукамъ» и въ «Словѣ и откровеніи святыхъ апостолъ»—какъ имя языческаго божества, на ряду съ Хорсомъ (солнечнымъ богомъ). Повидимому, въ смыслѣ божества упоминается онъ и въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Это въ особенности хорошо видно изъ сопоставленія его съ Всеславомъ. «На седьмомъ вѣцѣ Трояни върже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу». Вспомнимъ приведенное выше сербское сказаніе о Троянѣ. Тамъ Троянъ также имѣетъ свою возлюбленную. Всеславъ дорыскиваетъ до куръ до Тмутаракани и великому Хорсу перебѣгаетъ дорогу. Сербскій Троянъ также избѣгаетъ солнца (Хорса) и спѣшитъ домой въ городъ Троянскій съ пѣніемъ пѣтуховъ. Эти сопоставленія, сдѣланныя нашимъ изслѣдователемъ В. Веселовскимъ, послѣ работъ Крауса пріобрѣтаютъ особенный интересъ [1]).

[1]) *Вселовскій*. Новый взглядъ на Слово о полку Игоревѣ.

Христіанскіе праздники Солнцеворота.

Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе въ религіяхъ древняго міра придавалось годовому кругу и астрономическимъ главнымъ его моментамъ—зимнему и лѣтнему солнцестояніямъ, весеннему и осеннему равноденствіямъ. Эти же моменты служили естественными опорными пунктами при церковномъ времясчисленіи и образованіи круга христіанскихъ праздниковъ, потому что ничего нельзя было представить себѣ въ мірѣ физическомъ болѣе возвышеннаго, какъ годичный круговоротъ солнца отъ долгой зимней ночи къ лѣтнему свѣту.

Въ годъ введенія Юліемъ Цезаремъ своего календаря зимнее солнцестояніе приходилось на 24—25 декабря. Это было въ 45 г. до нашей эры. Въ Римѣ существовалъ праздникъ дня рожденія непобѣдимаго солнца, заимствованный изъ персидскаго культа Митры, занесеннаго къ римлянамъ киликійскими пиратами, побѣжденными Помпеемъ. Митра былъ божествомъ солнечнаго свѣта и потому всѣ религіозныя церемоніи и празднества въ честь этого бога соотвѣтствовали солнечному году и его четыремъ главнымъ моментамъ—осеннему и весеннему равноденствіямъ и зимнему и лѣтнему солнцестояніямъ. Зимнее солнцестояніе, — когда удалившееся въ южныя предѣлы солнце, снова возвращалось въ сѣверное полушаріе, какъ бы рождалось для новой жизни,—считалось особенно важ-

нымъ моментомъ въ году и день поворота солнца почитался, какъ день рожденія непобѣдимаго ночнымъ мракомъ божества свѣта. Какъ бы ни были долги зимнія ночи, но онѣ не могли совершенно перебороть свѣта и свѣтъ, въ концѣ концовъ, получалъ господство надъ мракомъ. Этимъ и объясняется названіе солнца непобѣдимымъ.

Персидская миѳологія учила, что Митра родился 25 декабря, выйдя изъ камня, въ подземеліи, гдѣ первыми почитателями его явились пастухи. Божественными символами Митры являлись пѣтухъ и ключи.

Изображеніе Митры поразительно похожее на изображеніе Іисуса.
(*Мальверъ*. «Наука и Религія»)

Со времени возникновенія христіанства все, что относилось къ Митрѣ, было усвоено Христу, вплоть до отожествленія съ его именемъ частностей персидской миѳологіи. Христосъ по Евангелію также родился въ пещерѣ въ ясляхъ, ему поклонились пастухи, стерегшіе скотъ въ полѣ.

Одинъ изъ его апостоловъ, имя котораго отожествлялось съ камнемъ (πετρα—скала, срав. Мѳ. XVI, 18—19), въ христіанской иконографіи изображается съ ключами, а трогательная исторія его съ пѣніемъ пѣтуха всѣмъ хорошо извѣстна изъ Евангелія. Самое празднованіе рожденія Христа такъ же, какъ и рожденія Митры, было отнесено къ 25 декабря и Христосъ былъ названъ солнцемъ правды, свѣтомъ міра, востокомъ свыше (Лук. I, 78). И, дѣйствительно, изъ исторіи христіанской церкви мы видимъ, что въ первые вѣка христіанства сравненіе Христа съ солнцемъ было во всеобщемъ употребленіи. Недаромъ,

по словамъ Тертулліана, христіанъ называли въ то время «солнцепоклонниками»—«они, какъ бы восхищаясь небомъ, шепчутъ молитвы на востокъ къ солнцу». Христіане въ Арменіи даже имѣли обыкновеніе креститься на солнце.

Однако, съ теченіемъ времени, положеніе дѣла измѣнилось. Праздникъ Рождества по-прежнему празднуется въ ночь съ 24 на 25 декабря, но день солнцестоянія уже не совпадаетъ съ этимъ моментомъ, потому что Юліанскій календарь, или старый стиль, который находится у насъ въ употребленіи, не совсѣмъ точенъ. Такъ какъ Юліанскій годъ, принимаемый въ 365,25 сутокъ, длиннѣе дѣйствительнаго или астрономическаго (365,2422 сутокъ), то хотя ошибка за годъ составляетъ 0,0078 сутокъ, но за тысячелѣтіе она выростетъ до 7,8 сутокъ. Поэтому всѣ моменты равноденствій и солнцестояній въ юліанскомъ календарѣ должны отступать назадъ и отступленіе это достигаетъ 1 сутокъ въ $128^1/_2$ лѣтъ.

Въ виду этой неточности въ Юліанскомъ лѣтосчисленіи, уже въ эпоху Никейскаго собора (325 г.) солнцестояніе приходилось на 20—21 декабря, на 4—5 сутокъ раньше праздника Рождества Христова. Это расхожденіе астрономическаго момента и времени празднованія дня Рождества продолжалось и далѣе, и въ настоящее время разница достигла болѣе чѣмъ двухъ недѣль, потому что день солнцестоянія приходится на 9 декабря.

Русская «народная» примѣта относитъ начало возвращенія солнца изъ южнаго полушарія въ сѣверное къ 12 декабря — дню памяти св. Спиридона: «Спиридона—солнцеворота — солнце на лѣто, зима на морозъ». Существуетъ даже народная пѣсня, въ которой поется:

«Спиридонъ—поворотъ,
Стоитъ прямо у воротъ,
Колесо въ рукахъ несетъ,
Красно солнышко зоветъ».

Но если преданіе связываетъ зимній солнцеворотъ съ днемъ св. Спиридона—12 декабря, т.-е. на трое сутокъ позже современнаго момента, то очевидно, можно приблизительно указать эпоху, когда возникла на Руси сама примѣта. Если дѣйствительно отступленіе солнцестоянія совершается на 1 сутки въ $128^1/_2$ лѣтъ, то разница въ трое сутокъ, очевидно, соотвѣтствуетъ $385^1/_2$ годамъ, т.-е. примѣта сложилась около 400 лѣтъ тому назадъ и относится къ началу XVI столѣтія, ко временамъ великаго князя Василія Ивановича III (1479—1533), когда солнцестояніе приходилось, дѣйствительно, на день памяти св. Спиридона—12 декабря.

Однако, почему же примѣта связываетъ солнцеворотъ съ именемъ этого святого, а не съ какимъ-либо другимъ изъ празднуемыхъ въ день 12 декабря? Намъ думается, что само имя св. Спиридона дало поводъ къ такому символическому сближенію. Спиридонъ — слово греческое (Σπυρίδιον) и означаетъ круглую витую (плетеную) корзину и происходитъ отъ слова σπεῖρα (латинское—spira)—все витое и вьющееся, откуда и наша спираль. Ремесленникъ, плетущій круглую корзину, дѣлаетъ цѣлый рядъ оборотовъ прутьями лозы около вбитыхъ въ землю колышковъ въ видѣ круга; начиная снизу, онъ постепенно приближается къ верхушкѣ, при чемъ все витье его получаетъ видъ длинной спирали. Подобно этому и солнце на небесной сферѣ въ теченіе года дѣлаетъ большую спираль, постепенно день ото дня подвигаясь изъ южнаго полушарія въ сѣверное и наоборотъ, продолжая въ то же время свой суточный круговоротъ отъ востока до запада.

Такимъ образомъ, само имя св. Спиридона могло навести на эту аналогію. Но въ такомъ случаѣ, примѣта эта могла быть составлена только лицомъ, знающимъ греческій языкъ и приписывать ее народной мудрости было бы очень поспѣшно. Намъ думается, что она вы-

шла изъ устъ какого-нибудь изъ греческихъ монаховъ, пріѣзжавшихъ въ то время на Русь въ большомъ числѣ, и потомъ уже стала достояніемъ народнымъ.

Съ этого же времени, вѣроятно, ведетъ свое происхожденіе обычай, сохранявшійся еще въ XVII в. — въ день св. Спиридона докладывать царю «о поворотѣ солнца». Старшій звонарь Успенскаго собора являлся къ «великому Государю», билъ ему челомъ и докладывалъ, что «отселѣ возвратъ солнцу съ зимы на лѣто, и день прибавляется, а ночь умаляется». Царь за такое сообщеніе жаловалъ звонарю 24 серебряныхъ рубля, очевидно, по числу часовъ въ суткахъ.

Впослѣдствіи, соотвѣтственно примѣтѣ о зимнемъ солнцестояніи могла сложиться для соотвѣтствія примѣта, относящаяся къ лѣтнему солнцестоянію, которая оказывается простымъ подражаніемъ первой: 12 іюня—«Петра—солнцеворота, солнце на зиму, лѣто на жары».

Древнѣйшее же лѣтнее солнцестояніе, освященное христіанствомъ, относится къ 24 іюня, когда было установлено праздновать рожденіе предтечи Христа Іоанна, при чемъ на астрономическое значеніе праздника прямо указываетъ блаженный Августинъ; обращая вниманіе на уменьшеніе дня, начинавшееся отъ дня рожденія Іоанна, и возрастаніе дня отъ дня рожденія Христа, онъ видитъ указаніе на это въ словахъ самого Іоанна: «Оному подобаетъ убо расти, мнѣ же малитися» (Іоан. IV, 30) [1]).

День лѣтняго солнцестоянія—24 іюня—былъ временемъ различныхъ обрядовъ огня во всей Европѣ въ ознаменованіе нисходящаго пути солнца, перешедшихъ и къ намъ на Русь. Объ этомъ говорится еще въ Стоглавѣ: «противъ праздника Іоанна Предтечи, противъ ночи и во весь день до ночи, мужи и жены, и дѣти въ домахъ и

[1]) *Ѳ. Смирновъ.* Происхожд. и значеніе праздн. Рожд. Христова. Кіевъ. 1883. 131 стр.

по улицѣ и, ходя по водамъ, глумы творятъ со всякими играми и всякими скоморошествы и пѣсни сатанинскими, ночью въ рощѣ омываются и, пожаръ запаливъ, перескакаху по древнему нѣкоему обычаю». Подъ «глумами» и «играми» Стоглавомъ разумѣются вѣроятно хороводы — древнѣйшія игры, преимущественно славянъ,—совершающіяся по кругу—въ честь годичнаго круговорота солнца. Происхожденіе старообрядческаго хожденія во время богослуженія «по солонь», т.-е. по солнцу, которое явилось однимъ изъ пунктовъ разногласія съ Никономъ, вѣроятно стоитъ въ тѣсной зависимости отъ хороводовъ въ дни лѣтняго солнцестоянія. Такое же астрономическое происхожденіе имѣютъ вѣроятно и другіе священные круговые танцы, какъ наприм., круговращеніе бедуиновъ въ Меккѣ вокругъ Каабы, танецъ Давида кругомъ Ковчега, въ память чего абиссинскіе священники до сихъ поръ совершаютъ кругообразный танецъ вокругъ своихъ алтарей [1]).

На солнечное происхожденіе хороводовъ указываетъ, повидимому, самое ихъ названіе, которое производится нѣкоторыми изслѣдователями отъ славянскаго бога солнца—Хорса и однозначущаго ему древне-персидскаго Кироса или Короса. Замѣчательно, въ этомъ отношеніи, явное родство славянскаго Хръсъ или Хорсъ съ еврейскимъ названіемъ солнца—hrs [2]).

Хороводы древнихъ западныхъ славянъ, не бывшихъ христіанами, соединялись съ празднествомъ почитавшемуся въ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ Святовиду (Svantovit, по Саксону Грамматику Withus). Съ IX в., когда христіанство проникло въ Рюгенъ, миссіонеры постарались вытѣснить празднованіе Святовиду созданіемъ своего церковнаго праздника. И какъ когда-то Митра былъ замѣненъ

[1]) *А. Норцовъ.* Путь солнца въ процессѣ мірового движенія. Тамбовъ. 1909 г. 66 и 100 стр.

[2]) Ibid. Стр. 69.

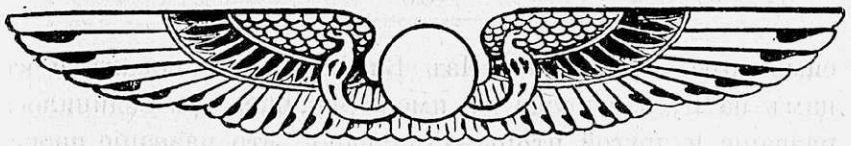
Христомъ, такъ теперь Святовидъ былъ превращенъ въ Св. Витта. Въ 879 г. уже была воздвигнута въ Рюгенѣ часовня его имени и даже показывались мощи этого святого.

Въ 930 г. Венцеславъ, князь чешскій, разрушаетъ въ Прагѣ храмъ Святовида и на его мѣстѣ сейчасъ же выростаетъ христіанскій храмъ св. Витта. Въ 1148 г. Аркона сдалась датскому королю Вольдемару I въ самый день празднованія св. Витта, вслѣдствіе чего на мѣстѣ разрушеннаго храма Святовида былъ воздвигнутъ также храмъсв. Витта [1]).

День празднованія св. Витта относится къ 15 іюня и эта дата была избрана вѣроятно потому, что и арконскія хороводы Святовиду совершались около этого времени, потому что и лѣтнее солнцестояніе приходилось, очевидно, близко къ этому дню въ переходную эпоху древняго культа въ новый христіанскій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ выше мы уже сказали, отступленіе солнцестоянія совершается на 1 сутки въ 128½ лѣтъ. Слѣдовательно разница въ 6 сутокъ отъ современнаго момента (9 іюня) до дня памяти св. Витта (15 іюня) составитъ 771 годъ, что указываетъ на XII стол. (1910—771=1139 г.), и это, какъ видимъ, дѣйствительно соотвѣтствуетъ послѣдней исторической датѣ.

Съ именемъ св. Витта связано, какъ извѣстно, названіе судорожной болѣзни мышцъ произвольнаго движенія (chorea St. Viti); въ 1370 г. эта болѣзнь наблюдалась какъ психическая эпидемія; въ это время и было дано ей названіе пляски св. Витта, потому что исцѣленіе отъ нея получали будто бы послѣ посѣщенія часовни во имя св. Витта. Связь же этого святого съ древними священными плясками — хороводами въ честь Святовида, вѣроятно и дала поводъ обратиться къ св. Витту за исцѣленіемъ отъ болѣзненной «пляски».

[1]) Ibid., стр. 101.



Птицы небесныя Фениксъ и Халкедрій.

Апокрифическіе образы двухъ райскихъ птицъ съ человѣческими обликами — Сирина и Алконоста довольно общеизвѣстны. Это излюбленныя изображенія нашихъ старообрядцевъ, а также широко распространенныя на всемъ сѣверѣ Россіи, особенно въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой—въ народномъ быту.

Изъ этнографическихъ коллекцій, собранныхъ въ этой области для музея Александра III, видно, что изображенія райскихъ птицъ входятъ въ орнаментъ домашней утвари—ковшей, прялокъ, трепалъ и другихъ предметовъ хозяйственнаго обихода. Однако, образы двухъ другихъ апокрифическихъ птицъ, имѣвшихъ не меньшее значеніе въ воображеніи нашихъ древне-русскихъ предковъ — небесныхъ птицъ Феникса и Халкедрія, не пользуются въ настоящее время такой извѣстностью. А между тѣмъ происхожденіе ихъ въ высшей степени любопытно и самыя сказанія о нихъ заслуживаютъ вниманія.

Что касается Феникса, то онъ извѣстенъ какъ миѳологическая священная птица египтянъ, которая черезъ каждыя 500 лѣтъ сжигала себя и вылетала изъ пепла возрожденной. Изображали ее, обыкновенно, въ видѣ орла съ красными и золотыми крыльями. Миѳъ этотъ перешелъ къ евреямъ, а затѣмъ и христіанамъ и служилъ

символомъ обновленія. Изъ Византіи онъ попалъ и къ намъ на Русь, но уже къ имени Феникса присоединилось названіе и другой птицы—Халкедрія. Это названіе происходитъ, повидимому, отъ греческаго χαλκις—хищная птица, но возможно, что тутъ дается намекъ на мѣдно-красную окраску ея крыльевъ (χαλκοδετος—оправленный мѣдью).

Сказаніе объ этихъ двухъ птицахъ находится въ славянской апокрифической книгѣ Еноха Праведнаго, пользовавшейся большимъ авторитетомъ въ древней Руси, хотя и считавшейся въ то время одной «отъ потаенныхъ книгъ». Содержаніемъ этой книги являются космогоническіе и астрономическіе взгляды древнихъ временъ, блещущіе пылкой фантазіей востока. По этимъ воззрѣніямъ всѣ небесныя свѣтила движутся на тверди ангелами. Солнце водятъ днемъ 15 тысячъ ангеловъ, и ночью тысяча ангеловъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ по шести крыльевъ; а которые ходятъ передъ колесницей солнца и даютъ ему огонь—тѣхъ сто ангеловъ. Но кромѣ этого великаго множества съ солнцемъ еще летятъ духи «образомъ двѣю птицу, единъ яко Фениксъ, а другій яко Халкедрій; образы ихъ львовъ, ноги и опаша (опереніе) и глава крокодилу; видѣніе ихъ обагрено, яко дуга облачна»; крылья у нихъ ангельскія и у каждой по 12 крыльевъ. «И мчатъ колесницу солнца, носяще росу и зной и яко повелитъ Господь, тако обращаютъ (солнце) и нисходятъ и восходятъ по небеси и по земли съ свѣтомъ лучъ своихъ». Ночью солнце тушится ангелами, которые, взявши съ него вѣнецъ несутъ его къ Богу, солнце же передвигаютъ съ колесницею его безъ свѣта подъ землею до востока. Въ утренній же часъ четыреста ангеловъ снова берутъ у Бога вѣнецъ солнца, несутъ его и вѣнчаютъ имъ солнце при его восходѣ. Въ это время поютъ стихи небесныя птицы Фениксъ и Халкедрій и потому-то на утренней зарѣ начинаютъ пѣть всѣхъ родовъ

птицы, вострепетавши крыльями своими, «радующеся свѣтодавцу, поюще гласы своими: ходитъ свѣтодавецъ и даетъ свѣтъ твари своей!»

Другое сказаніе объ этихъ небесныхъ птицахъ встрѣчается въ «Преніи Азимита и Панагіота». Въ этомъ сочиненіи, попавшемъ къ намъ также изъ Византіи, много трактуется о разнообразныхъ явленіяхъ природы, астрономическихъ и метеорологическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія тогдашняго знанія. Здѣсь обѣ небесныхъ птицы отнесены къ роду грифовъ. Легендарные грифы, или точнѣе—грифоны были животными съ птичьей головой, туловищемъ львицы и съ орлиными крыльями. «Грипсоси огненни птице небѣсныи, нарицаеміи Финизи и Халендри предлетаютъ предъ солнцемъ». Когда солнце опускается къ горизонту и погружается за океаномъ, который, по воззрѣніямъ старины, окружалъ собою земную площадь, то эти птицы «помочаютъ крилѣ свои по четыре краты въ океанстей водѣ и кропятъ крылома и погашаютъ солнце, да не потопитъ лучами весь міръ; и сгораютъ яко оскоблени». Но когда солнце зайдетъ, тѣ птицы купаются въ океанѣ и обновляются «и паки пернатѣютъ крила ихъ».

Далѣе въ «Преніи» приводится не менѣе любопытная легенда о происхожденіи пѣнія пѣтуха. «Того ради и пѣтелъ проповѣдникъ именуется». У него подъ крыльями есть бѣлыя перья Феникса и Халкедрія. «Егда поидетъ солнце отъ запада къ востоку, тогда посвербитъ пѣтелъ о нозѣ перо, тогда ся чешетъ пѣтелъ и, открывъ главу, пробуждается и плещетъ крилѣ свои и проповѣдуетъ мірови Воскресеніе». При этомъ въ самомъ троекратномъ пѣніи пѣтуха усматривается мистическое значеніе: первое—«поиди свѣтодавче»; второе—«подаждь свѣтъ міру своему»; третье—«Христосъ живъ есть!»

Апокрифическіе образы птицъ Феникса и Халкедрія,

какъ мы видѣли, изображены въ древнихъ сказаніяхъ съ тщательною подробностью, съ описаніемъ мельчайшихъ особенностей. Является интересный вопросъ, откуда же, однако, могло возникнуть такое описаніе, какое явленіе природы могло дать поводъ къ такой богатой фантазіи?

Намъ думается, что фантазія древнихъ образами двухъ предлетающихъ солнцу птицъ символизировала тѣхъ два крыла солнечныхъ, которыя, сопровождая дневное свѣтило, становятся намъ видимы лишь по вечерамъ и утрамъ въ качествѣ вечерней и утренней зари. Въ египетскомъ искусствѣ мы постоянно встрѣчаемъ излюбленный символъ окрыленнаго солнца. И у евреевъ очевидно было такое сравненіе. «Возьму-ли крылья зари, восклицаетъ псалмопѣвецъ, и переселюсь за край моря и тамъ рука Твоя поведетъ меня и удержитъ меня десница Твоя» (Псал. CXXXVIII, 9—10).

Въ самомъ дѣлѣ, вчитываясь внимательно въ описаніе апокрифическихъ птицъ и сравнивая эти образы съ великолѣпной картиной зари нельзя не замѣтить много общихъ чертъ. Кто любовался вечерней зарей, тотъ знаетъ, какъ она пылаетъ сначала разъяренной огненной стихіей, словно разсвирѣпѣвшее чудовище — «образы ихъ львовъ», затѣмъ вытягивается узкой полоской на краю «океана—велицей рѣцѣ», т.-е. на горизонтѣ, словно крокодилъ, притаившійся на берегу рѣки—«ноги, и опаша, и глава крокодилу»; окраска зари багряная, но надъ этимъ багровымъ заревомъ можно различить всѣ переходы цвѣтовъ радуги — «видѣніе ихъ обагрено, яко дуга облачна». Двѣнадцать крыльевъ утренней зари и двѣнадцать вечерней символизируютъ въ общей сложности двадцать четыре часа, составляющихъ сутки, въ теченіе которыхъ чередуется перелетъ этихъ огнезрачныхъ птицъ отъ востока къ западу и обратно. При такомъ пониманіи вполнѣ становятся ясными и другія подробности: Фениксъ

и Халкедрій носятъ съ собой росу и зной; и, дѣйствительно, зной начинается съ восходомъ солнца, послѣ утренней зари, онъ же прекращается съ наступленіемъ вечерней зари и появляется роса, держащаяся до утренней зари и улетучивающаяся съ восходомъ солнца. На утренней зарѣ начинается пѣніе птицъ. Это символизируется воображаемымъ пѣніемъ небесныхъ птицъ, предлетающихъ восходящему солнцу. Самое сожженіе своего оперенія и возстановленіе его означаетъ потуханіе вечерней зари, чтобы черезъ нѣкоторое время она снова зажглась на востокѣ во всей своей прежней красотѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что подъ образами двухъ небесныхъ птицъ Феникса и Халкедрія творцы древнихъ апокрифическихъ сказаній метафорически изобразили величественное явленіе утренней и вечерней зари.

Отчего въ Свѣтлое Воскресенье солнышко играетъ?

Кому не приходилось слышать о томъ, что въ день Свѣтлаго Воскресенія солнышко играетъ при своемъ восходѣ? Извѣстный собиратель русскихъ народныхъ примѣтъ и сказаній И. П. Сахаровъ въ своихъ «Сказаніяхъ Русскаго Народа» говоритъ, что онъ встрѣтилъ это вѣрованіе, извѣстное исландцамъ, только въ Тульской г. (II, 94, 173 стр.); но надо думать, что оно распространено вообще въ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, въ центральныхъ ея губ. Въ литературѣ отмѣчено такое же вѣрованіе у крестьянъ Калужской, Смоленской и др. г. Я встрѣчалъ его распространеннымъ повсемѣстно въ Орловской губ.

Насколько же, однако, соотвѣтствуетъ истинѣ это народное вѣрованіе? Основано ли оно, дѣйствительно, на какомъ-нибудь наблюденіи или относится къ разряду тѣхъ гиперболическихъ и метафорическихъ народныхъ примѣтъ, по которымъ, напр., птица въ день Благовѣщенія не вьетъ гнѣзда или въ ночь подъ Крещенье шумитъ вода? И. П. Сахаровъ, сообщая объ обычаѣ поселянъ Тульской губ.— выходить въ первый день Пасхи смотрѣть на играніе солнца, говоритъ, что то же самое бываетъ и подъ Петровъ день (28 іюня), когда «поселяне всѣхъ возрастовъ собираются на пригорки, раскладываютъ огонь и въ ожиданіи солнца проводятъ ночь въ играхъ и пѣсняхъ. Едва начинаетъ восходить солнце, всѣ испускаютъ радостные клики.

Старики наблюдаютъ, какъ солнышко играетъ по небу: оно то покажется, то спрячется, то взойдетъ, то опустится внизъ, то заблеститъ разными цвѣтами—голубымъ, розовымъ и бѣлымъ, то засіяетъ ясно, что ничьи глаза не стерпятъ» (II, 94—95). Въ этомъ подробномъ описаніи «играніа» солнышка чувствуется уже не одна простая фантазія: повидимому, въ основу народной примѣты ложится реальное наблюденіе.

Какъ извѣстно, всѣ небесныя свѣтила, находясь у горизонта, измѣняютъ свой истинный видъ и положеніе вслѣдствіе преломленія лучей, доходящихъ до глаза наблюдателя черезъ болѣе толстый слой воздуха, чѣмъ это бываетъ во время нахожденія ихъ у зенита, или вообще, на бо́льшей высотѣ надъ горизонтомъ. Такъ, напр., солнце кажется уже взошедшимъ въ то время, когда на самомъ дѣлѣ оно еще не всходило, и нерѣдко при этомъ принимаетъ видъ овала, кажется краснымъ и большимъ. Атмосфера не всегда бываетъ спокойной, разные слои воздуха могутъ быть неодинаково нагрѣты, и это еще болѣе искажаетъ дѣйствительный видъ свѣтила, находящагося у горизонта,—оно, въ самомъ дѣлѣ, покажется то выше, то ниже своего истиннаго положенія, то круглымъ дискомъ, то оваломъ. Разные слои воздуха, измѣняя свое положеніе, благодаря воздушнымъ теченіямъ, совершенно искажятъ видъ и окраску солнца. Оно начнетъ какъ-бы прыгать, покажется то голубымъ, то краснымъ, то бѣлымъ, то овальнымъ, то даже четыреугольникомъ, клиномъ, гимнастической гирей, зубчатой безформенной массой и т. п. Такое исключительное и рѣдкое по своей необычайности явленіе, невольно привлекаетъ глаза наблюдателя.

Повидимому, это самое явленіе, извѣстное метеорологамъ, и было подмѣчено народомъ и названо имъ «играніемъ солнышка».

Любопытно будетъ, поэтому, остановиться на двухъ

подробностяхъ въ этой народной примѣтѣ. «Играніе» происходитъ непремѣнно при восходѣ солнца, и пріурочивается народомъ ко времени Пасхи и Петрову дню. Сильное искаженіе свѣтила можетъ наступить, какъ мы уже сказали—въ то время, когда равновѣсіе въ атмосферѣ нарушается вслѣдствіе сильнаго притока тепла. Это и наблюдается, въ дѣйствительности, *послѣ* восхода солнца, когда появившійся источникъ тепла поднимаетъ ночную температуру воздуха. Равновѣсіе-же нарушается и тогда, когда солнце, нагрѣвши за день атмосферу, скрывается на западѣ, и температура быстро падаетъ. Но въ послѣднемъ случаѣ, при наступленіи нарушенія равновѣсія воздуха, объектъ наблюденія — солнце уже скрылось подъ горизонтомъ, и потому-то при заходѣ «играніа» не наблюдается, тогда какъ при восходѣ всѣ условія налицо для наступленія этого любопытнаго атмосферическаго явленія.

Вполнѣ понятно, поэтому, что играніе относится преимущественно къ солнцу, а не лунѣ. Впрочемъ, оно не исключается и для послѣдней, потому что послѣ захода солнца—при вечернемъ наступленіи благопріятныхъ условій для необычайной рефракціи—на востокѣ можетъ появиться луна (такое совпаденіе возможно въ день полнолунія , но только при томъ непремѣнномъ условіи, если луна восходитъ въ этотъ день нѣсколькими минутами позже захода солнца, или же—заходитъ послѣ восхода солнца, но не раньше его и не одновременно съ нимъ). И въ самомъ дѣлѣ, среди примѣтъ русскаго народа встрѣчается одно наблюденіе, относимое имъ къ «игранію мѣсяца». Тотъ же И. П. Сахаровъ говоритъ, что «въ замосковскихъ селеніяхъ вечеромъ 5 іюля выходятъ смотрѣть на играніе мѣсяца. Если мѣсяцъ при восходѣ своемъ виденъ, то кажется будто перебѣгающимъ съ мѣста на мѣсто, или измѣняетъ свой цвѣтъ и прячется за облака.

Все это, по ихъ замѣчанію, будто бы происходитъ оттого, что у мѣсяца бываетъ свой праздникъ» (II, 98).

Въ мартѣ и апрѣлѣ—когда подъемъ температуры, независимо отъ положенія солнца на небѣ,—со дня на день прибываетъ (вслѣдствіе наступленія весны), искаженіе свѣтила при восходѣ солнца должно быть особенно сильно, потому что повышеніе температуры съ появленіемъ солнца надъ горизонтомъ складывается съ общимъ весеннимъ подъемомъ температуры. Осенью-же, наоборотъ, ежедневное убываніе температуры понижаетъ обычное утреннее повышеніе ея при появленіи солнца и, сглаживая тѣмъ контрастъ, не вызываетъ того явленія, какое весною можетъ быть очень интенсивнымъ по совпаденію благопріятствующихъ ему условій; поэтому-то народъ и пріурочиваетъ весеннее «играніе солнышка» ко дню Свѣтлаго Воскресенія, такъ какъ Пасха всегда бываетъ въ мартѣ или апрѣлѣ [1]).

Гораздо труднѣе объяснить вторичный періодъ лѣтняго «играніа», пріурочиваемаго народомъ къ Петрову дню (конецъ іюня), но можно думать, что въ данномъ случаѣ его могутъ вызывать такъ назыв. «холодныя зори».

Періодъ этихъ «холодныхъ зорь», слывущихъ подъ такимъ названіемъ у народа, падаетъ главнымъ образомъ на іюнь и іюль, и вообще извѣстно, что майскія зори теплѣе лѣтнихъ. Возможно, что рѣзкій контрастъ притока лѣтняго тепла, съ появленіемъ солнца надъ горизонтомъ, послѣ одной изъ такихъ холодныхъ утреннихъ зорь, также сильно нарушаетъ равновѣсіе въ атмосферѣ и вызываетъ необычайную рефракцію, сопровождающуюся «играніемъ солнца». Конечно, какъ самое наблюденіе, такъ и объясненіе его требуютъ провѣрки. И потому-то для любителя природы здѣсь представляется благодарная задача—изу-

[1]) *С. П. Глазенапъ.* «Друзьямъ и любителямъ астрономіи».

чить подробно эффектное явленіе «играніе солнца», въ зависимости отъ времени года и температуры воздуха, зарисовать тѣ причудливыя формы, которыя оно принимаетъ при появленіи на горизонтѣ.

Точно также очень важно провѣрить это и въ отношеніи къ лунѣ и звѣздамъ. Замѣтимъ, что лѣтній періодъ «играніе солнца», пріурочиваемый народомъ ко дню 27 іюня, очень близокъ къ 5 іюля, когда замосковскіе крестьяне наблюдали, по Сахарову, играніе мѣсяца. Такое совпаденіе, очевидно, не случайное. Существуетъ также совершенно малоизученное явленіе «танца звѣздъ», вѣроятно того же порядка, какъ и «играніе солнца»; оно наблюдалось нѣкоторыми путешественниками въ тропическихъ странахъ: одинъ изъ нихъ, напр., наблюдалъ, какъ яркая Вега въ созв. Лиры, словно сорвавшись, описала на небѣ кругъ и возвратилась на свое мѣсто. Несомнѣнно, причину здѣсь надо видѣть также въ состояніи атмосферы. А такъ какъ этотъ путешественникъ наблюдалъ явленіе, находясь въ лодкѣ на рѣкѣ, то повидимому, не малую роль здѣсь играли испаренія, поднимающіяся отъ воды. Вѣроятно поэтому-же, «играніе солнышка» при его восходѣ, наблюдаемое въ морѣ, происходитъ гораздо чаще, чѣмъ удается его видѣть на сушѣ при обыкновенныхъ условіяхъ.

Въ августѣ 1909 г., когда Марсъ находился въ великомъ противостояніи и горѣлъ яркой красноватой звѣздой на вечернемъ небѣ, мнѣ пришлось въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ любоваться рѣдкимъ зрѣлищемъ, которое также можетъ быть отнесено къ разряду «танца звѣздъ».

По вечерамъ всходившій на востокѣ Марсъ начиналъ вдругъ какъ бы качаться, словно фонарикъ на невидимо подвѣшенной нити. Качанія его были медленны и размѣренны, сначала совершаясь сверху внизъ, потомъ изъ

одной стороны въ другую и оба этихъ рода движенія постепенно чередовались. Явленіе настолько сильно бросалось въ глаза, что вызывало суевѣрный ужасъ у крестьянъ. Наблюдать его можно было даже въ то время, когда Марсъ уже поднимался на высоту 45° подъ горизонтомъ.

Какъ же объяснить это любопытное явленіе?

Дѣло происходило въ Сѣвскѣ Орловск. губ. Все лѣто этого года было чрезвычайно дождливымъ и только съ первыхъ чиселъ августа наступила сразу теплая и солнечная погода. Испаренія, поднимавшіяся съ влажной земли были такъ сильны, что днемъ при солнцѣ въ полѣ давали необыкновенно красивую иллюзію плещущихъ вдали морскихъ волнъ, разливовъ, какъ бы затопляющихъ отдаленный ландшафтъ; селенія на краю горизонта дрожали и казались объятыми гибельнымъ наводненіемъ. Отдаленныя колокольни сельскихъ церквей, вѣтряныя мельницы, группы деревьевъ казались унылыми дрожащими островками среди водъ, затопившихъ селенія. Потокъ этихъ испареній, хорошо извѣстный на югѣ Россіи, у малороссовъ имѣетъ свое традиціонное объясненіе: «Святый Петро вівці гонитъ». Очевидно ночью эти испаренія также продолжали течь надъ поверхностью земли, быть можетъ даже еще сильнѣе, чѣмъ днемъ. Такое яркое свѣтило, какъ Марсъ, попадая въ полосу этихъ испареній должно было также казаться колеблющимся, при чемъ поднимаясь по кривой отъ восточнаго горизонта къ меридіану Марсъ, очевидно, послѣдовательно проходилъ горизонтальные слои текущихъ испареній, попадая сначала въ боковую поверхность волны, потомъ въ ея гребень, чѣмъ и вызывалось то прямое, то горизонтальное послѣдовательное его качаніе.

Небесныя знаменія.

Средневѣковая астрологія привила человѣчеству привычку всякое необычайное небесное явленіе истолковывать какъ чудесное знаменіе, указаніе свыше. Это суевѣріе проходитъ красной нитью съ самой глубокой древности отъ вавилонскихъ и египетскихъ жрецовъ черезъ келью средневѣкового монаха-хрониста вплоть до кельи русскаго Пимена, описывающаго «не мудрствуя лукаво пророчества и знаменья небесны». Оно не прекратилось и теперь и еще прочно держится въ массахъ, вызывая страхъ и разнообразныя толки, когда на небѣ появляется комета, происходятъ затменія солнца или луны, когда вмѣсто одного засіяютъ вдругъ три солнца, появится крестъ, пролетитъ огненный болидъ, покажутся ночью свѣтящіеся столбы сѣвернаго сіянія и проч.

Исторія знаетъ много примѣровъ описанія и истолкованія небесныхъ знаменій. Наибольшей извѣстностью пользуется среди всѣхъ разсказъ церковной исторіи о томъ, какъ императоръ Константинъ Великій во время войны съ Максиміаномъ Геркулесомъ видѣлъ на небѣ крестъ (labarum), свидѣтелемъ появленія котораго было и все его войско. Обыкновенно думаютъ, что явленіе креста на небѣ образовалось вслѣдствіе появленія околосолнечныхъ круговъ, черезъ которые иногда проходятъ перпендикулярно пересѣкающіяся свѣтлыя полосы. Историки увѣряютъ, что подъ крестомъ была надпись: «Симъ побѣдишь» на греческомъ языкѣ. Фламмаріонъ говоритъ по этому поводу: «Былъ ли увѣренъ Константинъ, что онъ видѣлъ такую надпись въ эти минуты? Возможно, что—да. Его главный штабъ не понималъ греческаго языка, а солдаты не умѣли даже и читать; поэтому соратники его, самое большее, могли бы по этому поводу сказать, что они «видѣли что-то такое», но не разсмотрѣли ничего въ частности. Какое-нибудь особое расположеніе облачныхъ волоконцевъ легко могло произвести такой обманъ зрѣнія» [1]).

Исторія сохранила намъ описаніе другого подобнаго же небеснаго знаменія, однако неизвѣстнаго почему-то въ широкихъ кругахъ. А между тѣмъ въ нашей Церкви, очевидно по примѣру Византіи, установленъ даже церковный праздникъ «воспоминанія на небеси явльшагося знаменія честнаго креста во градѣ Іерусалимѣ, отъ Святаго Лобнаго мѣста (Голгоѳы) протяженнаго звѣздами, даже до святыя горы Елеонскія, въ 3-й часъ дня, при царѣ Констанціи, сынѣ великаго Константина (7 мая 351 года)".

Въ нашей церковной Минеѣ за мѣсяцъ май, подъ 7-мъ числомъ помѣщены стихиры въ память явившагося знаменія небеснаго креста; въ нихъ содержится описаніе подробностей явленія, которыя позволяютъ намъ составить болѣе опредѣленное представленіе о томъ, что видѣли жители Іерусалима 7 мая 351 г. на небѣ.

Приводимъ здѣсь нѣкоторые стихи изъ этихъ стихиръ: «Днесь радуется вѣрныхъ множество божественное: является бо небесный крестъ-концемъ, осіяваетъ твердь свѣтомъ неприступнымъ, воздухъ озаряетъ и земли лице украшаетъ».

«Якоже честнѣйшая лѣствица, виденъ бысть днесь всечестный крестъ и славный. Жезлъ божественныя силы

---

[1]) *К. Фламмаріонъ.* Атмосфера. Перев. Е. А. Предтеченскаго. Спб. 1900. Стр. 204.

съ высоты явися, въ Сіонѣ намъ посланъ крестъ, преобличая благодатію, свѣтомъ безмѣрнымъ».

«Креста твоего образъ нынѣ паче солнца возсія, его же отъ горы святыя даже до Лобнаго мѣста простерлъ еси»...

Описанія церковной Минеи оказывается на мой взглядъ вполнѣ достаточно для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какое небесное явленіе въ видѣ креста наблюдалось 7 мая, въ 3-й часъ дня въ Іерусалимѣ. Такъ какъ въ богослужебныхъ книгахъ часы считаются отъ 6 час. у. до 6 час. веч., то 3-й часъ дня будетъ соотвѣтствовать нашему 9-му часу утра. Въ этотъ часъ утреннее майское солнце, на широтѣ Іерусалима (32°) находится почти на юго-востокѣ и сіяетъ невысоко надъ горизонтомъ надъ горою Елеонскою, которая тянется вдоль восточныхъ окрестностей этого города. Разсматривая планъ древняго Іерусалима, мы найдемъ и лобное мѣсто, т.-е. Голгоѳу въ сѣверо-западной части города. Такимъ образомъ знаменіе креста однимъ своимъ концомъ находилось на востокѣ вблизи солнца, надъ горою Елеонскою, а другимъ тянулось въ видѣ полосы вдоль сѣвернаго небосклона и постепенно слабѣло въ блескѣ на сѣверо-западѣ, надъ Голгоѳой. Поперекъ оно пересѣкалось другой свѣтлой полосой, перпендикулярной къ горизонту, къ востоку отъ солнца. Такимъ образомъ получалось величественное явленіе креста, тянувшагося почти черезъ все небо и находившагося въ горизонтальномъ положеніи надъ двумя памятниками, связанными съ крестной смертью Іисуса—горою Елеонскою и Голгоѳой.

Подобныя свѣтовыя явленія вызываются, какъ это извѣстно изъ метеорологіи, присутствіемъ въ верхнихъ слояхъ воздуха мельчайшихъ ледяныхъ кристалловъ, въ которыхъ преломляющійся солнечный лучъ даетъ изображеніе круговъ, крестовъ, ложныхъ солнцъ и другихъ подобныхъ атмосферическихъ явленій. Въ центрѣ Іерусалимскаго креста. т.-е. на пересѣченіи двухъ полосъ—продольной, тянувшейся отъ солнца до Голгоѳы и поперечной, короткой, должно было образоваться болѣе свѣтлое пятно — ложное солнце, которыя бываютъ иногда такъ ярки, что буквально на нихъ нѣтъ никакой возможности смотрѣть безъ боли для глазъ, какъ и на настоящее солнце.

Эта особенность отмѣчается и въ церковныхъ стихирахъ: «крестъ свѣта *безмѣрнаго*» или «креста Твоего образъ *паче солнца* возсія». Указаніе же Минеи на то, что крестъ былъ «звѣздами протяженъ» на небесной тверди, очевидно, надо понимать въ томъ смыслѣ, что явленіе простиралось между звѣздами, невидимыми за покровомъ дневной лазури небеснаго свода.

Величественное явленіе на небѣ креста, «осіявающаго твердь свѣтомъ неприступнымъ и озаряющаго воздухъ» было, дѣйствительно, какъ бы украшеніемъ лица земли и, очевидно, производило необычайно сильное впечатлѣніе на христіанскихъ жителей Іерусалима, которые видѣли въ немъ особенный знакъ божественной милости имъ съ неба и потому-то и было рѣшено, вѣроятно уже въ то время установить ежегодный церковный праздникъ въ этотъ день 7-го мая.

Хроника среднихъ вѣковъ очень богата описаніями разныхъ небесныхъ знаменій, среди которыхъ явленіе креста встрѣчается очень часто. Оно, повидимому, того же происхожденія, какъ и крестъ 351 года. Сравненіе съ крестами частей сложно-развитыхъ околосолнечныхъ круговъ напрашивается само собою. Мнѣ пришлось видѣть однажды запись монахиньи, относившуюся уже къ 1877 г. Въ этомъ дневникѣ, посвященномъ турецкой войнѣ, описывалось небесное явленіе, въ которомъ она видѣла божественное указаніе: въ январѣ, во время мороза, на небѣ появились по сторонамъ солнца двѣ золотыя чаши, а въ

чашахъ кресты. Надъ солнцемъ же серпъ, лезвіе котораго было синимъ, а ручка огненная. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя ложными солнцами, нѣсколько удлиненными къ низу, вслѣдствіе чего форма ихъ могла напоминать чаши, свѣтлая же горизонтальная полоса, обычно проходящая черезъ оба ложныхъ и настоящее солнца, прерываясь, около каждаго изъ нихъ давала впечатлѣніе крестовъ, погруженныхъ въ чаши. Серпомъ же былъ, конечно, внѣшній касательный кругъ. При небольшомъ развитіи явленія этотъ кругъ бываетъ виденъ только въ своей нижней касательной части, въ видѣ отрѣзка дуги, или «серпа», часть же настоящаго галоса, примыкающая къ нему, хотя и невидимаго на остальномъ его протяженіи, могла при нѣкоторомъ воображеніи показаться ручкой серпа. Къ этому можно еще прибавить, что отрѣзокъ касательнаго круга бываетъ виденъ въ фіолетовыхъ частяхъ спектра, отчего «лезвіе серпа» и показалось синимъ. Наоборотъ, настоящій галосъ обыкновенно отличается краснымъ концомъ спектра, почему «ручка» и названа огненной.

Этотъ примѣръ показываетъ, какъ иногда просто объясняется явленіе, кажущееся чудеснымъ по фантастическому описанію его. Однако, съ другой стороны, самое фантастическое описаніе его настолько точно, что по нему можно возсоздать картину явленія во всѣхъ ея подробностяхъ—нужно только умѣть проникнуться духомъ старины, литургическими и церковными образами, среди которыхъ витала мысль автора, стать на его точку зрѣнія и тогда всѣ чудеса раскроются сами собою. И при всемъ этомъ нельзя отказать въ красотѣ и поэзіи, съ какими старинные монахи и астрологи древности описывали небесныя явленія.

Наши русскія лѣтописи также полны описаніями небесныхъ знаменій — кометъ, затменій, околосолнечныхъ

круговъ, когда тоже появлялся «великій серпъ на небѣ рогома на сѣверъ»—замѣчательно точное опредѣленіе касательнаго круга, при положеніи солнца въ южной части неба.

Среди небесныхъ явленій, болѣе или менѣе извѣстныхъ, въ лѣтописяхъ можно найти и такія, которыя при своей рѣдкости и малоизученности являются цѣннымъ матеріаломъ для ученаго. Такъ, подъ 6618 годомъ Начальной лѣтописи находимъ слѣдующее описаніе небеснаго знаменія, съ любопытными комментаріями къ нему: «въ 11 день февраля мѣсяца въ Печерьстемъ монастырѣ явися столпъ огненъ отъ земли до небеси, а молнія освѣтиша всю землю, и въ небеси погреме въ часъ первый нощи; се же столпъ первѣе ста на трапезницѣ каменнѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, соступи на церковь и ста надъ гробомъ Ѳеодосьевымъ, и потомъ ступи на верхъ, аки къ востоку лицемъ и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣша не огненный столпъ, но видъ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпомъ огненнымъ, ово же пламеніемъ, яко же рече Давидъ: «творя ангелы своя духы и слуги свои огнь палящъ».

Въ этомъ отрывкѣ безъискусственно, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно вѣрно описано грозовое явленіе, извѣстное въ матеорологіи подъ именемъ «огней св. Эльма», появленіе его на церковномъ крестѣ и переходъ съ одной главы церковной на другую. Иного объясненія этому загадочному во многомъ и для насъ атмосферному явленію, простодушный лѣтописецъ не могъ найти, кромѣ, какъ предположивъ сошествіе съ неба во образѣ огненнаго столпа ангела Божія, которые, по воззрѣніямъ его эпохи, управляли механизмомъ Вселенной [1]).

[1]) Одно изъ древнихъ указаній на подобное же явленіе имѣется въ Дѣяніяхъ (II, 2—3), обычно считающееся сошествіемъ Св. Духа на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ.

Въ житіи Кирилла Бѣлозерскаго разсказывается о другомъ небесномъ явленіи, которое даже было причиной основанія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря не въ центральной Россіи, а на сѣверѣ. Когда Кириллъ ушелъ изъ Москвы и поселился въ одномъ изъ подмосковскихъ монастырей, желаніе его создать собственную обитель не покидало его. И вотъ, однажды вечеромъ, стоя въ своей кельѣ передъ иконой Богородицы на молитвѣ онъ дошелъ до такого внутренняго озаренія, что ему ясно послышался голосъ Богородицы звавшей его куда-то въ другое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ построить собственный монастырь. Кириллъ отошелъ на время къ окну и вдругъ его поразилъ великій свѣтъ, распространившійся съ сѣверной стороны и озарившій оконце деревяннаго сруба его кельи. Кириллъ открылъ оконце, чтобы разсмотрѣть небесное явленіе какъ слѣдуетъ и вниманіе его привлекло мѣсто гдѣ-то тамъ на краю далекаго сѣвера, на которое съ неба указывалъ какъ бы перстъ гигантской десницы. Это былъ, очевидно, одинъ изъ столбовъ или лучей сѣвернаго сіянія. Явленіе настолько поразило Кирилла, что на другой же день онъ беретъ посохъ и отправляется на далекій сѣверъ, пока не находитъ мѣста, показавшагося ему тѣмъ самымъ, которое было указано небеснымъ знаменіемъ. Здѣсь и возникъ, извѣстный впослѣдствіи въ исторіи Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Горные призраки.

Среди Гарцкихъ горъ въ Ганноверѣ (провинція Пруссіи) есть одна, самая высокая и живописная, носящая названіе Броккена. Она возвышается болѣе версты надъ уровнемъ моря и съ вершины ея открывается видъ на равнину, охватывающую 260 верстъ въ діаметрѣ. Уже въ самыя древнія времена Броккенъ считался мѣстомъ чудеснымъ. Съ его именемъ были связаны разсказы о привидѣніяхъ и вѣдьмахъ, которыя будто бы собирались здѣсь въ такъ называемую Вальпургіеву ночь (съ 30 апр. на 1 мая), которую Гёте изобразилъ въ своемъ «Фаустѣ». До сихъ поръ гранитныя скалы на вершинѣ горы у народа носятъ названіе жертвенника или сѣдалища вѣдьмъ. Источникъ свѣтлой воды называется волшебнымъ ключемъ, а бѣлые анемоны, распускающіеся здѣсь весной, извѣстны подъ именемъ «колдуньиныхъ цвѣтовъ». Всѣ эти названія и повѣрья обязаны своимъ происхожденіемъ какому-то божеству гигантскаго роста, которое по временамъ въ видѣ призрака появлялось на этой горѣ и которому суевѣрные саксонцы продолжали еще долго втихомолку поклоняться, когда на окружающей равнинѣ уже утвердилось христіанство. Мѣсто, гдѣ совершалось поклоненіе этому горному призраку посѣщалось многими паломниками и нѣкоторымъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, удавалось иногда видѣть появленіе призрака утромъ, передъ восходомъ солнца.

Суевѣрные страхи давно уже отошли въ область прошлаго. Культура наложила свой отпечатокъ на таинственную гору: на ея вершину прошла зубчатая желѣзная дорога, гдѣ основаны метеорологическая обсерваторія и опытный садъ Геттингентскаго университета для изученія рѣдкихъ растеній обитающихъ на этой горѣ, но туристы по прежнему любятъ посѣтить эту гору, чтобы увидѣть знаменитое «Броккенское привидѣніе».

Одно изъ самыхъ лучшихъ описаній этого явленія было сдѣлано путешественникомъ Ганомъ, видѣвшимъ его 23 мая 1797 г., послѣ тридцати безуспѣшныхъ восхожденій на вершину горы. Въ этотъ день солнце всходило при совершенно ясной погодѣ, вѣтеръ гналъ передъ нимъ къ западу прозрачные пары, не успѣвшіе еще сгуститься въ облака. Взглянувъ въ этомъ направленіи, Ганъ увидѣлъ вдали силуэтъ человѣческой фигуры чудовищно громадныхъ размѣровъ. Порывомъ вѣтра чуть не сорвало шляпы съ головы Гана и онъ схватился за нее рукою. То же самое движеніе рукою сдѣлала и гигантская фигура. Тотчасъ послѣ этого Ганъ, наклонившись, сдѣлалъ другое движеніе, которое, въ свою очередь, было воспроизведено призракомъ. Тогда путешественникъ подозвалъ къ себѣ своего спутника, но явленіе прекратилось. Однако, черезъ небольшой промежутокъ они вновь увидѣли, но уже двѣ колоссальныя фигуры, воспроизводившія тѣлодвиженія обоихъ зрителей.

Явленіе горныхъ призраковъ не связано только съ однимъ Броккеномъ, но наблюдается и въ другихъ мѣстахъ, наприм., въ горахъ Норвегіи, а также и съ лодки аэростата въ облакахъ, которыя онъ проходитъ. Туманъ или облака необходимые во время явленія, представляютъ собою естественный экранъ; на немъ и отражаются силуэты, которые иногда бываютъ окружены радугами и свѣтлыми лучами. Съ метеорологической точки зрѣнія

радуги объясняются диффракціей или разъсѣяніемъ свѣта въ пузырькахъ пара или облаковъ [1]).

Явленіе горныхъ призраковъ, повидимому, было извѣстно и нашимъ новгородцамъ, плававшимъ иногда до самой Норвегіи. Въ одномъ древне-русскомъ сказаніи доказывается, что адъ и рай не надо понимать только духовно, что эти мѣста — вѣчной муки и вѣчнаго блаженства дѣйствительно находятся на землѣ — и ихъ видѣли сами новгородцы. Когда имъ приходилось уплывать далеко по морю, то они ясно слышали «на дышущемъ морѣ червь неусыпающій и скрежетъ зубовный, и рѣка огненная, аки молненная—Могръ рекомая; еяже воды трижды днемъ входятъ въ преисподняя и паки исходятъ». Это, по мнѣнію новгородскихъ «видаковъ» (очевидцевъ) и былъ адъ.

Рай же видѣли новгородцы—«Монславъ да сынъ его Іаковъ, и всѣхъ ихъ было три юмы (лодки), и едина отъ нихъ погибла, много блудивъ, а двѣ потомъ долго носило море вѣтромъ и принесло ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ Дѣисусъ (изображеніе Христа съ Богородицей и Іоанномъ Крестителемъ) лазоремъ чуднымъ и *вельми* издивленъ *паче мѣры*, яко не человѣческима рукама сотворенъ, но Божіею милостью. И свѣтъ бысть въ мѣстѣ томъ самосіяненъ, а солнца не видѣша, но свѣтъ бо многочастный, свѣтитца паче солнца, а на горахъ тѣхъ ликованіе многая слышаху и гласы воспѣвающа».

И вотъ, пораженные зрѣлищемъ, новгородцы послали одного изъ среды своей, на гору, чтобы онъ посмотрѣлъ, что тамъ дѣлается? Но когда этотъ посланецъ взошелъ на гору, то вдругъ всплеснулъ руками, издалъ возгласъ восхищенія и убѣжалъ отъ нихъ за гору. Тогда новго-

[1]) *К. Фламмаріонъ.* Атмосфера. Стр. 174—183

родцы послали другого, но и этотъ также ушелъ за гору. Тогда оставшіеся рѣшились на хитрость и привязали третьяго посланца изъ своей среды веревкою за ногу. Но и этотъ взойдя на гору, побѣжалъ было отъ нихъ, «забывъ ужища на нозѣ своей—они же протянуша его ужищемъ, и въ томъ часѣ обрѣтеся мертвъ». Такъ и вернулись новгородцы ни съ чѣмъ, потерявъ своихъ троихъ товарищей.

Для большаго подкрѣпленія истинности разсказа о раѣ въ рукописи прибавляется: «и нынѣ тѣхъ мужей дѣти и внучата добры здоровы у насъ въ Новгородѣ».

Повидимому всѣ эти разсказы не простые вымыслы, ни на чемъ не основанные. Теплое теченіе Гольфштремъ, эта поистинѣ рѣка огненная или «молненная» среди моря, водоворотъ Малыштремъ у береговъ Норвегіи низвергающій, дѣйствительно, воду въ преисподнюю — оба находящіяся на западъ отъ Новгорода, давно, очевидно, были замѣчены новгородскими мореплавателями и подъ вліяніемъ старинныхъ взглядовъ на адъ принимались ими за дѣйствительное мѣсто ада. Созерцаніе великолѣпнаго сѣвернаго сіянія—этого «свѣта многочастнаго, безъ солнца» напоминало имъ райское сіяніе. А наблюдающіеся въ горахъ Норвегіи горные призраки — воздушное явленіе гигантскихъ тѣней отъ человѣческихъ фигуръ на голубоватомъ туманѣ, при восходѣ солнца, показалось имъ, очевидно, изображеніемъ «Дѣисуса лазоремъ чуднымъ и вельми издивленъ паче мѣры, яко не человѣческима рукама сотворенъ». Гигантскія тѣни ихъ собственныхъ фигуръ, отраженныя на голубоватомъ (лазоревомъ) туманѣ горъ, для религіозныхъ новгородцевъ напоминали изображеніе Дѣисуса, которое они привыкли видѣть съ дѣтства въ церкви, въ верхнемъ ярусѣ иконостаса, сквозь лазоревую дымку кадильнаго дыма, во время богослуженія.

И эти необычайныя явленія природы могли, какъ видимъ, дѣйствительно, побудить новгородскихъ мореплавателей вѣрить въ дѣйствительное существованіе ада и рая не такъ далеко отъ ихъ родного Новгорода.

Явленіемъ горныхъ призраковъ, какъ мнѣ кажется, можно объяснить и тотъ евангельскій разсказъ, въ которомъ повѣствуется о преображеніи на горѣ, по преданію — на горѣ Ѳаворской, въ Палестинѣ. Появленіе горныхъ призраковъ на этой горѣ могло повести къ разнообразнымъ разсказамъ, одинъ изъ которыхъ былъ соединенъ и съ именемъ основателя христіанской религіи.

По евангельскому разсказу въ то время какъ Іисусъ, по своему обыкновенію, молился на горѣ въ сторонѣ отъ трехъ спавшихъ своихъ учениковъ – видъ лица его измѣнился и одежда его сдѣлалась бѣлою, блистающею. И вотъ, два мужа съ нимъ, которые были Моисей и Илья. Явившись во славѣ они бесѣдовали съ нимъ. Въ это время спавшіе ученики Іисуса пробудились и увидѣли славу его и двухъ мужей стоявшихъ съ нимъ. Вскорѣ мужи эти начали отходить, а затѣмъ явилось облако и окутало учениковъ такъ что они устрашились, когда вошли въ облако. Изъ облака же послышался гласъ... (Мѳ. IX, 28—36).

Когда читаешь евангельскій текстъ, то видишь, что описаны всѣ мельчайшія подробности, сопровождающія обыкновенно появленіе горныхъ призраковъ. Когда ученики лежавшіе на горѣ пробудились и взглянули къ западу, то прежде всего имъ бросился въ глаза ихъ учитель, стоявшій вдали отъ нихъ на молитвѣ, весь блистающій и озаренный утренними лучами восходящаго солнца. А дальше, за нимъ, на фонѣ горнаго тумана вдругъ появились два горныхъ силуэта, въ которыхъ воображеніе учениковъ увидѣло Моисея и Илію. На самомъ же дѣлѣ это были тѣни двухъ изъ нихъ — быть можетъ Петра и Іоанна. Такъ какъ подвижной Петръ сейчасъ же началъ предлагать построить палатки для явившихся, то его

жестикуляція конечно передалась одному изъ призраковъ, а это, въ свою очередь, дало поводъ заключить о томъ, что явившіеся мужи бесѣдовали съ ихъ учителемъ. Третій ученикъ, очевидно, въ страхѣ продолжалъ лежать ничкомъ на землѣ, какъ это изображается на всѣхъ старинныхъ иконахъ Преображенія, восходящихъ къ первымъ вѣкамъ христіанства. Но вотъ туманъ сгустился въ облака и облака надвинулись и окутали учениковъ. «Мужи начали отходить»—т.-е. явленіе горныхъ призраковъ таяло и изчезало, пока не остался одинъ ихъ учитель, о божественномъ назначеніи котораго прогремѣлъ изъ облаковъ первый ударъ грома начинающейся горной грозы.

Чудесный градъ.

Въ юго-западной части Орловской губ. 14 іюля 1909 года выпалъ необычайно крупный градъ. Градины имѣли форму элипсовидныхъ сплюснутыхъ пластинокъ, но попадались и остроконечныя. Вѣсъ ихъ, въ среднемъ, былъ не болѣе 2 лотовъ каждая, но отдѣльныя градины попадались и въ 1/4 фунта. Послѣ окончанія феномена мѣстами образовались цѣлые сугробы градинъ, толщиною свыше аршина, но благодаря высокой температурѣ этого дня онъ быстро растаялъ.

Послѣдствія градобитія были очень печальны: на огородахъ были побиты овощи, градины разсѣкали, напр., огурцы на нѣсколько частей. Въ поляхъ выбиты посѣвы овса и ржи, гдѣ еще не успѣли ея снять. Площадь посѣвовъ, поврежденныхъ градомъ, въ одномъ Сѣвскомъ у. достигаетъ до 20.000 десятинъ. Въ одномъ Сѣвскѣ почти во всѣхъ церквахъ и въ домахъ, обращенныхъ окнами на западъ, откуда двигалась туча, выбиты стекла, что составляетъ убытокъ болѣе, чѣмъ въ 2.000 руб. Въ нѣкорыхъ домахъ градомъ были пробиты желѣзныя крыши! Были и случаи поврежденія головы и руки у двухъ человѣкъ, застигнутыхъ врасплохъ. Сѣвчане были охвачены суевѣрнымъ ужасомъ во время выпаденія града. Въ домахъ затеплились «страстныя свѣчи», на улицу выкидывались грабли, сковороды, что—по народному повѣрью,—должно было повліять на скорое прекращеніе феномена.

Если въ наше время способно вызвать суевѣрный ужасъ даже такое явленіе, какое наблюдалось въ Орловской губ., то вполнѣ будетъ понятно смущеніе не однихъ только суевѣрныхъ людей передъ явленіемъ, имѣвшимъ мѣсто недавно во Франціи.

Тамъ, весной 1908 года надѣлало много шума въ католическомъ мірѣ «чудесное» событіе, происшедшее въ округѣ Вогезовъ. Мѣстныя власти запретили Вогезскимъ конгрегаціямъ публичныя церковныя процессіи. Послѣ этого мѣстный священникъ распространилъ слухъ, что во время выпавшаго въ его приходѣ града были подняты нѣсколько градинъ съ отчетливыми изображеніями въ нихъ св. Мадонны, въ чемъ онъ видѣлъ предостереженіе свыше на вмѣшательство въ церковныя дѣла властей. Газеты, конечно, подняли на смѣхъ «новое чудо католическаго изобрѣтенія», но молва о «чудесномъ» событіи оказалась настолько сильной, что епископъ округа Вогезовъ распорядился произвести дознаніе, въ которомъ между прочимъ, приняли участіе секретарь французской академіи и профессоръ физики Дюгемъ. Сто семь очевидцевъ подтвердили фактъ выпаденія градинъ, среди которыхъ было нѣсколько расколотыхъ съ изображеніемъ внутри св. Мадонны. Такимъ образомъ, «чудо» было доказано. Однако, два человѣка науки, принимавшихъ участіе въ разслѣдованіи, высказались относительно этого иначе. Изображеніе въ градинахъ соотвѣтствовало почитаемой въ Ремиремоннѣ Notre Dame de Trèsor, въ честь которой были выбиты медали, съ воспроизведеніемъ ея изображенія. Дюгемъ сдѣлалъ предположеніе, что во время бури нѣсколько такихъ медалей могли быть подняты вѣтромъ и попали въ тотъ слой атмосферы, гдѣ происходило образованіе градинъ. А такъ какъ выпаденіе града сопровождалось грозой, то токъ молніи, коснувшись этихъ медалей, повліялъ на распредѣленіе ледяныхъ кристалловъ внутри градинокъ

такимъ образомъ, что получилось изображеніе Мадонны, которая была представлена на медаляхъ.

Намъ припоминается по этому поводу другой фактъ, подобный описанному. Въ дневникѣ одного сельскаго учителя церковно-приходской школы намъ встрѣтилось отмѣченное имъ подобное же чудесное событіе. Во время грозы и града, разразившихся надъ селомъ, гдѣ была его школа, одна изъ градинокъ крупныхъ размѣровъ и по формѣ остроконечная, разбивъ стекло, попала въ комнату учителя. Каково же было удивленіе послѣдняго, когда онъ сталъ разсматривать градину: она оказалась почти правильной треугольной пластинкой, внутри которой ясно обозначалось всевидящее око Божіе, какъ разъ такое же, какое изображается на иконахъ! Происхожденіе этой послѣдней градины можно объяснить такимъ же образомъ, какъ и Вогезскихъ, если допустить случайное поднятіе вихремъ одной изъ металлическихъ иконокъ, на которой былъ изображенъ христіанскій символъ единаго Бога въ трехъ естествахъ.

До сихъ поръ было извѣстно, что молнія иногда оставляетъ на тѣлѣ человѣка изображенія предметовъ, вблизи которыхъ она разражается. Это такъ назыв. «фотографія молніи». Теперь открывается совершенно иное свойство молніи, какой-то видъ таинственной гальванопластики, какую она продѣлываетъ надъ градомъ въ процессѣ его образованія. И, быть можетъ, здѣсь-то и лежитъ ключъ къ объясненію тѣхъ странныхъ и причудливыхъ формъ, какія иногда принимаетъ строеніе градинъ,—въ родѣ всевозможныхъ граненыхъ шариковъ, воронокъ, пирамидокъ, элипсоидовъ и проч.

Съ другой же стороны всѣ описанные выше факты говорятъ о земномъ происхожденіи града, а не о космическомъ, какъ допускали это нѣкоторые ученые. Впрочемъ, нахожденіе внутри градинъ различныхъ земныхъ

предметовъ наблюдается нерѣдко. Такъ, напр., во время необычайно сильнаго града, выпавшаго 1 іюля 1908 года въ г. Ковровѣ (Владимірской губ.), внутри нѣкоторыхъ градинъ, вѣсившихъ 114 граммовъ (длина такихъ градинъ достигала $2^1/_2$ вершковъ!), были найдены кусочки прѣлой мочалы, волосы, навозъ, илъ, комочки земли и т. п., т.-е., какъ разъ такіе предметы, которые обычно поднимаются въ вихрѣ бури вмѣстѣ съ пылью.

Гадакія по облакамъ.

Мало кому извѣстенъ, кромѣ спеціалистовъ по русскимъ древностямъ, любопытный памятникъ русской письменности, восходящій къ началу XVII столѣтія и дошедшій до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, одинъ изъ которыхъ обнаруженъ совсѣмъ недавно. Называется онъ „Повѣстью о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію грѣхъ ради нашихъ, и о видѣніи нѣкоего знаменія въ нынѣшнемъ послѣднемъ родѣ нашемъ».

Хотя по первому впечатлѣнію эта «Повѣсть» носитъ всѣ специфическія черты пріемовъ древне-русскаго книжника, но ея содержаніе и заключительная ариѳметическая каббалистика, въ родѣ «апокалиптическаго числа», несомнѣнно показываютъ, что авторъ подражалъ древнимъ апокалиптикамъ.

Въ рукописи этой разсказывается, что «въ лѣто 7116 отъ созданія всероднаго Адама», во времена Смутнаго времени (1608 г.), при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ, когда подъ Москвою стоялъ Тушинскій воръ, автору «Повѣсти» было поручено отправиться съ «нѣмецкимъ толмачемъ» (переводчикомъ) изъ Москвы въ Кострому для созыва на помощь Москвѣ ратныхъ людей.

И вотъ, на путь изъ Москвы, по Владимірской дорогѣ, до Переяславля-Залѣсскаго, оба путника были свидѣтелями небеснаго знаменія. Дѣло было «на пути о полудни въ постъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла», т.-е.

около 12 часовъ дня въ іюнѣ мѣсяцѣ 1608 года. Первымъ «знаменіе» замѣтилъ толмачъ и обратилъ на него вниманіе автора «Повѣсти». Послѣдній «воззрѣхъ на облака и узрѣхъ веліе, чудное и ужасное знаменіе, льва звѣря зѣло превелика и пречудна одесную страну стояща, а ошую страну прямо его невдалече отъ него змій прелюта и прегорда, зѣло стоящихъ неподвижно, а хочетъ яко единъ единаго восхитити и растерзати: а окрестъ льва великаго множество звѣрей различными образами, змія же прелютаго окрестъ множество змѣй малыхъ. Зміи окружися выспры ногама нача по малу исчезати, левъ же припаде на чрево свое и нача по малу убывати, и потомъ ни единъ невидимъ бысть; и прочіе звѣріе и зміи такоже невидимы быша, и облакы пакы устроишася въ своемъ естествѣ».

Описанное «веліе, чудное и ужасное знаменіе», наблюдавшееся путниками въ сѣверо-восточной сторонѣ небосклона, по направленію къ которому они ѣхали, повидимому, было ни чѣмъ инымъ, какъ скопленіемъ въ этой части неба кучевыхъ (cumulus) облаковъ, очень часто принимающихъ въ лѣтнее время причудливыя очертанія различныхъ фантастическихъ животныхъ, звѣрей, городовъ, башенъ и т. п. Воображеніе же путниковъ, находившихся подъ впечатлѣніемъ событій Смутнаго времени, увидѣло въ облакахъ больше того, что было: они не замедлили сейчасъ же истолковать и объяснить это атмосферическое іюньское явленіе въ смыслѣ пророческомъ. Левъ означалъ, по ихъ мнѣнію царя Василія Ивановича Шуйскаго, «звѣри окрестъ него стоящіи»—его приближенныхъ, «змій прелютый и прегордый»—Тушинскаго вора, «змѣи малые»—его приближенныхъ.

Когда облака потеряли свои фантастическія формы и «паки устроишася въ своемъ естествѣ», воображеніе путниковъ было поражено тѣмъ, что «зміи окружися выспры

ногама», а левъ припаде на чрево свое». Это должно было знаменовать недобрый конецъ для обѣихъ борющихся сторонъ. Авторъ прибавляетъ, что такъ и вышло: Тушинскій воръ потерпѣлъ крушеніе своихъ замысловъ и бѣжалъ, но и Шуйскій былъ низложенъ, постриженъ и сосланъ въ Варшаву, гдѣ и умеръ.

По возвращеніи изъ путешествія и по исполненіи знаменія авторъ разсказалъ его «нѣкоему етеру (игумену) честной обители», и тотъ порекомендовалъ ему описать видѣнное.

Въ заключеніи авторъ скрываетъ свое имя подъ различными числовыми обозначеніями количества ратныхъ, пѣшихъ и другихъ военныхъ людей, а отчество подъ монограммой. То и другое въ настоящее время раскрыто нашими изслѣдователями древнихъ рукописей и соотвѣтствуетъ «Еустратію Стефанову», но кто былъ этотъ Еустратій, установить не удалось. Можно только догадываться, что онъ служилъ въ Посольскомъ Приказѣ.

Гаданіе о будущемъ по облакамъ ведетъ свое начало съ глубокой древности. Какъ извѣстно, Н. А. Морозовъ ввелъ въ объясненіе нѣкоторыхъ образовъ Апокалипсиса Іоанна облака и грозовыя явленія, что дало поводъ многимъ, даже раздѣлявшимъ астрономическую часть его книги, отнестись къ облачному объясненію скептически. Между тѣмъ еще въ книгѣ пророка Михея говорится, что среди евреевъ были гадатели по облакамъ (Мих. V, 12). Среди уже позднѣйшихъ евреевъ извѣстны также были сборники гаданій по грому. Наши старинные русскіе «Громники», содержащіе подобныя же свѣдѣнія и перешедшіе къ намъ изъ Византіи, сложились конечно не безъ вліянія на нихъ старинной еврейской астрологической литературы. Замѣчательно, что «нѣмецкій толмачъ», который собственно истолковалъ автору разсмотрѣнной нами выше «Повѣсти» Еустратію Стефанову, «веліе, чудное и ужас-

ное знаменіе», повидимому, былъ хорошо знакомъ съ содержаніемъ «Громниковъ» и свои предсказанія сдѣлалъ не отъ себя, а руководствуясь указаніями одного изъ этихъ сборниковъ. На это навело меня разсмотрѣніе одного «Громника», въ которомъ подъ іюнемъ мѣсяцемъ, между прочимъ, имѣется такое предсказаніе: «Аще ли на аѣрехъ (на воздухѣ) чюдно знаменіе явить, скупота будетъ и въстанетъ единъ царь на другого и единъ помежду ихъ погыбнетъ, и людемъ пагуба велика будетъ». Это предсказаніе, съ нѣкоторыми варіаціями повторяется, впрочемъ, подъ каждымъ мѣсяцемъ, причемъ «знаменіе на аѣрехъ» называется звѣремъ. Подъ октябремъ же имѣется предсказаніе, съ котораго, можно сказать, почти списано пророчество «нѣмецкаго толмача»: «аще явится на аерехъ якоже зміе или левъ, нѣкый царь великъ умреть и въ земли его смущеніе будетъ и всемъ оскуденіе и купцемъ отъ разбойникъ нищета и сѣяніе погыбнеть» [1]). Тутъ, какъ видимъ, не только образы змѣя и льва, но имѣются даже всѣ обстоятельства, сопровождавшія Смутное время на Руси—смерть царя, неурожай, голодъ, разбои...

[1]) *В. Н. Перетцъ.* Матер. къ истор. апокр. и легенды. I. Къ исторіи Громника, стр. 76, 62.

Пророкъ Илья-громовержецъ.

Величественное явленіе грозы, съ ея громовыми раскатами и ослѣпительнымъ блистаніемъ молніи, которое для современнаго культурнаго человѣка не представляетъ уже болѣе загадки, для нашихъ предковъ, наоборотъ, было полно таинственности. Древній человѣкъ видѣлъ въ грозѣ присутствіе гнѣвнаго божества—«въ громѣ слышалъ его звучащій голосъ, его вѣщіе глаголы, а въ буряхъ и вѣтрахъ признавалъ его мощное дыханіе» — такъ говоритъ А. Н. Аѳанасьевъ, нашъ собиратель фольклора, въ своихъ «Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу». Громъ считался голосомъ божества вѣроятно у большинства, если не у всѣхъ народовъ древности. Библія также сохранила это воззрѣніе: «возгремѣ съ небесе Господь и Вышній даде гласъ свой» (Псал. XVII, 14) или: «гласъ грома твоего въ колеси (небесная сфера), освѣтиша молнія твоя вселенную (Псал. LXXVI, 19).

Позднѣе, когда Божество начали отдѣлять отъ различныхъ небесныхъ свѣтилъ и явленій и смотрѣть на него, какъ на самостоятельное начало, явилась потребность объяснить причину возникновенія того или иного загадочнаго небеснаго явленія. Гроза болѣе, чѣмъ какое-либо другое небесное явленіе, привлекала къ себѣ вниманіе, и вотъ мы видимъ, что слагается цѣлый рядъ легендъ и сказаній, стремящихся такъ или иначе объяснить это величественное атмосферическое явленіе.

Вотъ одна изъ такихъ малоизвѣстныхъ легендъ, дошедшая до насъ въ одномъ славянскомъ рукописномъ сборникѣ и вѣроятно попавшая къ намъ изъ Византіи.

Во время земной жизни Христа, когда онъ однажды сидѣлъ на склонѣ горы Елеонской, окруженный своими учениками и поучалъ народъ, надвинулись грозовыя тучи, загрохоталъ громъ, заблистала молнія необычайной силы. Величественное явленіе природы произвело на всѣхъ большое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что на востокѣ вообще грозы бываютъ не часто. И вотъ ученикамъ Христовымъ пришла мысль спросить своего учителя о причинахъ этого явленія. Сначала они вопрошающе смотрѣли на Христа, не дерзали прямо спросить объ этомъ и думали, что быть можетъ сама гроза дастъ поводъ ихъ учителю къ какому-нибудь сопоставленію, къ какой-нибудь притчѣ, въ которой онъ скажетъ и о причинахъ грома и молніи. Но Христосъ задумчиво молчалъ. Тогда ученики начали просить присутствующую здѣсь же мать его спросить своего сына, въ чемъ заключается тайна грозы, о которой до сего времени никто изъ древнихъ пророковъ и учителей, которые смогли написать божественное писаніе, ничего не говорятъ и даже самъ Моисей и Илья.

Мать соглашается и обращается къ своему сыну съ просьбой открыть ей тайну «громогласнаго схожденія». Она говоритъ, что люди неодинаково объясняютъ себѣ грозу. Нѣкоторые говорятъ, что это святой Духъ гонитъ враговъ и убиваетъ ихъ и небеса разрываются отъ прохожденія Духа. Другіе думаютъ, что это «облацы разжигаются и творятъ путь водѣ, сего ради скрежетъ великъ творится»; Давидъ же царь говоритъ: «гласъ грома твоего въ колеси».

Тогда Христосъ отвѣчаетъ ей: «что ты вопрошаешь меня, мати моя? Это тайна, которую никто изъ людей не можетъ знать. Вѣдь еслибы ее зналъ всякій разбойникъ, убійца, прелюбодѣй, они бы не боялись Бога и грѣшили больше прежняго. А теперь голосъ грома многихъ не кающихся «воскрешаетъ отъ злыхъ дѣлъ» [1]).

Въ этой легендѣ, между прочимъ, есть любопытный намекъ на Моисея и Илью, которые хотя и не написали ничего въ «божественномъ писаніи» о грозѣ, но по воззрѣніямъ автора, повидимому должны были знать ея причину, потому что Моисей получилъ синайское законодательство во время грозы, а Илья свелъ молнію съ неба, чтобы попалить идольскихъ жрецовъ. Въ Россіи пророкъ Илья дѣйствительно почти повсемѣстно считается громовникомъ, громобоемъ. Гулъ грома во время грозы всюду въ народѣ объясняется грохотомъ проѣзжающей по небу колесницы пророка Ильи или самого Бога, въ громѣ видятъ также ржаніе и топотъ небесныхъ коней: «стукотитъ - гуркотитъ — сто коней бѣжитъ». «Пророкъ Илья завѣдуе всимы громамы,—говорятъ въ Купянск. у Харьковск. губ.—ихъ всихъ громивъ дванадцать». Зимою по случаю холода пророкъ Илья никуда не ѣздитъ, а потому зимою не бываетъ и грозы (Тульск. губ.); если же ѣздитъ, то не въ колесницѣ, а на саняхъ, отъ которыхъ грома не бываетъ (Орловск. губ.) [2]).

Прежніе наши изслѣдователи полагали, что народное воззрѣніе на пророка Илью, какъ на громовника является слѣдствіемъ «двоевѣрія», т.-е. въ данномъ случаѣ Илья отожествляется съ Перуномъ—богомъ грома изъ пантеона кіевскаго князя Владиміра и черты Перуна были будто бы перенесены на пророка Илью. Но почему же именно на Илью, а не на какого-либо другого святого? Очевидно, поводомъ къ этому послужилъ библейскій разсказъ о немъ,

[1]) *В. Н. Перетцъ.* Матер. изъ истор. апокр. и легенды. I. Къ исторіи Громника.

[2]) *А. Ермоловъ.* Народн. сельско-хоз. мудрость въ пословицахъ и поговоркахъ. Т. IV, стр. 174, 175, 178 и 400.

какъ о пророкѣ, попалившемъ молніей идольскихъ жрецовъ и унесенномъ впослѣдствіи на небо въ огненной (молненной) колесницѣ, какъ объ этомъ и повѣствуется въ Библіи: «явилась колесница огненная и кони огненные и понесся Илья въ вихрѣ на небо» (IV Цар. II, 11).

Однако, въ народныхъ повѣрьяхъ о пророкѣ Ильѣ, какъ громовникѣ, мы находимъ ясныя указанія на цѣль, съ которой онъ ѣздитъ по небу, что даетъ право назвать его громовержцемъ иля «громобоемъ», подъ какимъ именемъ онъ извѣстенъ въ Саратовск. губ. Въ великорусскихъ губерніяхъ гроза объясняется поѣздкой пророка Ильи съ цѣлью гнать бѣсовъ, которые въ это время прячутся въ людей, животныхъ, растенія и корни, при чемъ Илья убиваетъ вмѣстѣ съ бѣсомъ и человѣка, если послѣдній не оградится молитвой. Отсюда ведетъ начало и пословица: «памятны лукавому Ильинскія стрѣлы». Въ Житомірск. у. говорятъ, что пророкъ Илья и архистратигъ Михаилъ ведутъ войну съ чертомъ, который раздражаетъ Бога. Богъ, Илья и Михаилъ стрѣляютъ въ сатану. Куда бьетъ громъ, тамъ значитъ спрятался чертъ. Вотяки приписываютъ громъ и молнію также Ильѣ пророку и его сыну. Они ѣздятъ по небу въ тарантасахъ и когда встрѣтятся, то заспорятъ, отчего бываетъ громъ. Молнію же пророкъ Илья пускаетъ въ Шайтана; чтобы избѣжать бѣды, Шайтанъ мечется туда и сюда и всего охотнѣе прячется за самого хорошаго человѣка, думая, что это спасетъ его, но грозная стрѣла пророка и тамъ настигаетъ его. Вотъ отчего вотякъ считаетъ убитаго грозой праведникомъ. Этотъ взглядъ распространенъ также на югѣ Россіи. «Коли грімъ кого з людей убье, то кажуть (въ Кіевск. губ.), що пидъ нимъ чортъ ховався; щастливый той чоловикъ, якого грімъ убье, бо черезъ того Богъ и чорта вбывъ». Въ Кубанск. и Терской обл. считаютъ, что убитые избранники Божіи, души которыхъ были желательны на небѣ.

У грузинъ также встрѣчаемся съ объясненіемъ грозы борьбой пророка Ильи съ чертями: молнія сверкаетъ—св. Илья вынимаетъ шашку; громъ гремитъ—Илья гонится за чертями и, догнавъ, удяряетъ ихъ шашкою, въ то же время св. Георгій низвергаетъ съ неба стрѣлы. Здѣсь, какъ мы видимъ, къ Ильѣ присоединяется новый святой-громовникъ и въ другихъ кавказскихъ повѣрьяхъ онъ уже вытѣсняетъ Илью. Такъ, въ Кутаисской губ. громъ—это звукъ удара копья, которое св. Георгій пускаетъ въ сатану. Тамъ же громъ объясняютъ топотомъ лошади «Раши», на которой св. Георгій гонится за діаволомъ по воздушному пространству. Кавказскіе татары, у которыхъ на мѣсто Библіи является Коранъ, считаютъ громъ стукомъ копытъ уже архангела Гавріила. Точно также въ Дагестанской обл. думаютъ, что Богъ посылаетъ во время грозы ангела разогнать тучи; отъ удара его кнута и происходитъ молнія и громъ. Армяне въ Елисаветпольск. губ. объясняютъ громъ споромъ Іисуса Христа съ магометанскимъ пророкомъ Аліемъ, а молнію дракой между діаволами [1]).

Такимъ образомъ, всѣ подобныя народныя повѣрья сводятся въ существенномъ къ тому, что «лукаваго съ неба Господь изгналъ громомъ-молніей», какъ гласитъ одно изъ такихъ вѣрованій. Уже à priori можно сказать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ «народнымъ» творчествомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а только съ народнымъ усвоеніемъ апокрифическихъ легендъ о борьбѣ святыхъ съ діаволомъ. Апокрифическое житіе св. Андрея Юродиваго не оставляетъ на этотъ счетъ уже никакого сомнѣнія. На вопросъ Епифана, откуда происходитъ мол-

[1]) *В. Н. Перетцъ.* Къ исторіи Громника.—*А. Ермоловъ.* Народн. мудр. Т. IV. Стр. 175—178, 400.—*Г. О. Булашевъ.* Космогонич. украинскія воззрѣнія. Стр. 317.

нія, св. Андрей отчѣчаетъ: «она происходитъ отъ небеснаго огня, который былъ сведенъ пророкомъ Ильею съ неба и попалилъ идольскихъ жрецовъ. Но молнію пускаетъ не самъ пророкъ Илья, а особый ангелъ, который приставленъ къ этому. Молнія направляется ангеломъ на змѣя. Самъ по себѣ змѣй не является злымъ. Но демонъ любитъ избирать его для обитанія въ немъ и войдя въ него, живетъ въ немъ, и тогда начинаетъ змѣй «чудити вельми страшною и грозною любовью, пакости дѣя велицы». Какъ только демонъ, обитающій въ змѣѣ, вздумаетъ идти вредить людямъ, Богъ велитъ ангелу, приставленному къ молніи, гремѣть на змѣя и посылаетъ «молніину трубу», чтобы уничтожить его. Демонъ же, обитающій въ змѣѣ, желая защититься отъ грома, «възимаетъ» змѣя на воздухъ и бѣжитъ, стараясь «прилѣпитися» къ какому-нибудь человѣку, чтобы тѣмъ и самому спастись, въ надеждѣ, что человѣка ангелъ не станетъ трогать. Но Богъ знаетъ мысли проклятаго и потому далъ повелѣніе ангелу, чтобы онъ поражалъ его всюду, куда бы онъ ни присталъ — будетъ ли то грѣшникъ или праведникъ и даже святой мужъ. Спрячется ли демонъ со змѣемъ въ деревѣ, въ храмѣ, на кораблѣ — ангелъ долженъ сразить его и хотя всякое строеніе и человѣкъ будутъ также погублены черезъ это, зато Богъ на небѣ «рабу своему бо̀льшее утѣшеніе сотворитъ. Зміа же оного великаго и сатану пожагая молніею соузы неразрѣшимыми увяжетъ до скончанія праведнаго воздаянія» [1]).

Всѣ народныя и апокрифическія воззрѣнія на молнію какъ на змѣя могли возникнуть благодаря сходству молніи съ змѣей. Змѣеобразные полоски молніи бороздя небо въ грозу по всѣмъ направленіямъ, дѣйствительно кажутся огненными змѣями, перебѣгающими по воздуху

[1]) *В. Н. Перетцъ.* Къ исторіи Громника.

и словно выискивающими себѣ мѣста, куда бы пристать. Въ одномъ народномъ повѣрьѣ прямо говорится: «молнія— зміи огненные, убивающіе съ неба отъ гнѣва Божія» [1]). Однако ошибочно было бы думать, что воззрѣніе это уже потомъ соединено съ легендой о борьбѣ святыхъ или самого Бога со змѣемъ-сатаной. Самая эта легенда именно имѣетъ натуралистическій грозовой смыслъ, при чемъ молнія играетъ тутъ большое значеніе.

Въ Библіи очень часто встрѣчаются мѣста, гдѣ идетъ рѣчь о борьбѣ Ягве съ легендарными чудовищами, крокодилами и змѣями. Такъ, у Исаіи повѣствуется о томъ, что Ягве поразилъ мечемъ своимъ тяжелымъ и большимъ и крѣпкимъ Левіаѳана, змѣя прямо бѣгущаго и Левіаѳана, змѣя изгибающагося (Ис. XXVI, 1; срав. Ис. LI, 9; Іов. XXVI, 12—13; Псал. LXXIII, 13—14 и LXXXVIII, 11). Ф. Деличъ показалъ намъ, что въ основу всѣхъ этихъ еврейскихъ представленій о борьбѣ Ягве съ змѣями легла старинная вавилонская легенда о борьбѣ бога свѣта Мардука съ змѣеобразнымъ или драконовиднымъ чудовищемъ Тіаматъ. Снаряжаясь въ битву съ Тіаматъ Мардукъ беретъ лукъ, стрѣлы, колчанъ, божественное оружіе, *молнію* и сѣть; свиту его составляютъ вѣтры; главное его оружіе, впрочемъ, было какое-то «абубу», можетъ быть, «*потокъ пламени*». Онъ создаетъ новый злой вѣтеръ, ураганъ, стремительную бурю, четверной вѣтеръ, седмеричный вѣтеръ, вихрь, невыносимую бурю. Онъ выпустилъ всѣ вѣтры, созданные имъ, всѣ семь, чтобы смутить Тіаматъ... Затѣмъ онъ всходитъ на *боевую колесницу* запряженную четверкой огненныхъ коней и мчится на бой. Послѣ словеснаго препирательства съ Тіаматъ владыка Мардукъ простираетъ свою сѣть, охватываетъ ею Тіаматъ со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта и пускаетъ противъ нея бурный

[1]) *А. Ермоловъ.* Народн. мудрость. Т. IV. Стр. 175.

вѣтеръ. Дикимъ ревомъ отвѣчаетъ Тіаматъ; трепетъ пробѣгаетъ по всѣмъ ея членамъ. Она открываетъ какъ можно шире свою пасть, но, прежде чѣмъ ея челюсти успѣваютъ сомкнуться,—Мардукъ пускаетъ въ ея зѣвъ страшный вихрь. и схвативъ копье, пронзаетъ ей ея сердце. Онъ бросаетъ ея трупъ и съ торжествомъ становится на него [1]).

Стѣны ассирійскихъ дворцовъ и храмовъ нерѣдко украшались изображеніями, среди которыхъ были и сцены борьбы Мардука съ Тіаматъ. Одно изъ этихъ изображеній приводится здѣсь. На немъ Тіаматъ представлена драконо-

Бой Мардука съ Тіаматъ.

образнымъ львомъ, а Мардукъ вооруженъ обоюдоострымъ оружіемъ—ассирійскимъ символомъ молніи. Это, повидимому, тотъ самый «пламенный мечъ обращающійся» (lahat ha'hereb), которымъ былъ вооруженъ одинъ изъ херувовъ, приставленныхъ въ раю охранять путь къ дереву жизни (Быт. III, 24; срав. также Іова XXXVI, 32: «онъ сокрываетъ въ дланяхъ своихъ молнію»). Вообще евреи

[1]) *Б. А. Тураевъ.* Исторія древняго Востока. Ч. I. Стр. 126.—*Ф. Деличъ.* Библія и Вавилонъ. Изд. 5. Спб. 1912 г. Стр. 28—30.

вооружали своего Ягве огненными стрѣлами и лукомъ, какъ молніеносное божество, соотвѣтственно тому, какъ были вооружены вавилонскіе Мардукъ или Асуръ (срав. Псал. VII, 13, 14; XVII, 14; LXXVI, 18, 19; CXLIII, 6; Аввак. III, 9, 11; Плачъ Іерем. II, 4; III. 12, 13; Енох. XVII, 3).

Сопоставляя вавилонское сказаніе о борьбѣ Мардука съ Тіаматъ съ библейскими отголосками его въ видѣ борьбы Ягве съ змѣями, мы можемъ легко замѣтить, что и миѳъ о взятіи пророка Ильи живымъ на небо въ огненной колесницѣ также имѣетъ своимъ первоисточникомъ приведенное нами вавилонское сказаніе. Илья такъ же, какъ и Мардукъ, садится въ огненную колесницу, запряженную огненными лошадьми. Очевидно, мы имѣемъ для всѣхъ приведенныхъ библейскихъ миѳологическихъ отрывковъ, разрознившихся уже впослѣдствіи и отнесенныхъ къ разнымъ дѣйствующимъ лицамъ, одинъ и тотъ же общій корень—вавилонское сказаніе о боѣ Мардука съ Тіаматъ. При этомъ въ высшей степени замѣчательно слѣдующее обстоятельство. Въ русской народной миѳологіи пророкъ Илья, какъ громовержецъ, изображается со всѣми тѣми деталями, которыя не сохранились въ библейскомъ повѣствованіи о его взятіи, но зато имѣются всѣ налицо въ вавилонскомъ миѳѣ о Мардукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ библейскомъ разсказѣ ничего не сказано ни о четырехъ коняхъ, ни о четырехъ сторонахъ. Наши же древніе иконописцы писали, да и сейчасъ еще пишутъ пророка Илью въ колесницѣ, запряженной четверкой огненныхъ крылатыхъ коней. Это очевидно символика четырехъ странъ свѣта имѣющаяся въ миѳѣ о Мардукѣ. Но всего замѣчательнѣе малорусское повѣрье, по которому пророкъ Илья ѣздитъ на огненной колесницѣ, въ которую запряжены четыре огненныхъ дракона. Въ рукахъ у него четыре огненныхъ стрѣлы и ими онъ бьетъ бѣсовъ во всѣ четыре стороны. Это повѣрье при сопоставленіи его съ

вилонскимъ миѳомъ обнаруживаетъ ясную свою зависимость отъ послѣдняго [1]).

Такимъ образомъ ошибочно было бы думать, что усвоеніе грозовыхъ свойствъ пророку Ильѣ есть только продуктъ народнаго, да при томъ еще спеціально русскаго «двоевѣрія». На самомъ дѣлѣ пророкъ Илья, какъ громовникъ, почитается не у однихъ только русскихъ крестьянъ. Осетины также считаютъ его «молненнымъ зміемъ», сербы говорятъ: «светъ Илија грома небеснога, а Марија муньу и стријелу». Углубляясь въ даль прошедшихъ вѣковъ, мы узнаемъ, что громникомъ считался онъ и у средневѣковыхъ германцевъ [2]).

Такимъ образомъ мы становимся лицомъ къ лицу съ глубокой древностью Между образомъ летящаго на огненной колесницѣ Ильи, намалеванной какимъ-нибудь суздальцемъ подъ сводами сельской церкви и каменной плитой вырытой на свѣтъ Божій изъ-подъ Ниневійскихъ песковъ съ изображеніемъ моніеноснаго Мардука поражающаго Тіаматъ или бога Асура летящаго на крыльяхъ и вооруженнаго лукомъ и стрѣлами имѣется преемственная связь, хотя и измѣряемая цѣлыми тысячелѣтіями. Невольно приходишь къ выводу, что всѣ дороги ведутъ... въ Вавилонъ

[1]) *В. Н. Перетцъ.* Къ исторіи Громника

[2]) *А. Ермоловъ.* Народр. мудрость. Т. IV, стр. 176.

Радуга въ народныхъ представленіяхъ.

Когда въ облакахъ послѣ дождя покажется одно изъ красивѣйшихъ атмосферическихъ явленій—великолѣпная радуга, мнѣ невольно вспоминается имя епископа Антоніо Доминиса, перваго истолкователя происхожденія этого явленія и вмѣстѣ съ тѣмъ «мученика за радугу». Происхожденіе радуги, какъ явленія отраженнаго солнцемъ, теперь уже для всѣхъ ясно, никто изъ культурныхъ людей не станетъ этого оспаривать, а между тѣмъ было время, когда и такое объясненіе казалось «богопротивнымъ». Антоніо Доминисъ подвергся преслѣдованію за свою книгу о радугѣ со стороны той же самой Инквизиціи, которая заставила Галилея отречься отъ «ереси движенія земли», а Джіордано Бруно сожгла на кострѣ за ученіе о необъятности Вселенной. Антоніо былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ въ 1624 г. Инквизиція предала книгу его вмѣстѣ съ тѣломъ автора сожженію «во славу Божію», но мысль высказанную въ ней, конечно, не была въ силахъ уничтожить огнемъ. Казалось бы, что можетъ быть проще объясненія радуги? Вѣдь каждый можетъ вызвать ее искусственно, ставши спиной къ солнцу и брызгая воду изо рта. Около фонтановъ и водопадовъ, при томъ же положеніи по отношенію къ солнцу можно увидѣть настоящую радугу въ водяныхъ брызгахъ и тутъ же по-

нять, отчего происходитъ это явленіе [1]). А между тѣмъ понадобились вѣка, чтобы наука пріобрѣла это объясненіе да при томъ еще цѣною человѣческой жизни — мученичествомъ несчастнаго ученаго епископа.

Впрочемъ въ малокультурной народной средѣ еще и до сихъ поръ многіе не знаютъ настоящей причины радуги и на счетъ ея происхожденія ходятъ самые баснословные разсказы. Общераспространенное объясненіе въ народѣ радуги это то, что она «воду пьетъ изъ колодцевъ, изъ рѣкъ, изъ моря для дождя». Въ Малороссіи радугу называютъ «виселкой»: «виселка — красна пани, з криниці воду бере». То же говорятъ и въ Галиціи: «веселка завсігды одним кінцем стоіть на землі и набирае воду». Такимъ образомъ по народнымъ понятіямъ радуга является регуляторомъ атмосферныхъ водъ. Поэтому думаютъ также, что если конецъ радуги спустится въ рѣку или колодецъ, то вся вода можетъ оттуда изчезнуть. Въ Сибири боятся плавать при появившейся радугѣ, полагая, что она утянетъ вмѣстѣ съ водой на небо. Въ Галиціи въ связи съ этимъ повѣрьемъ образовалось и другое: «набирая воду, радуга всасываетъ рыбъ, лягушекъ, которыя потомъ падаютъ съ дождемъ на землю, отчего и заводятся въ лужахъ разныя водяныя твари, которымъ иначе неоткуда было бы тамъ взяться. По повѣрью русинъ радуга съ такой силой всасываетъ концами воду, что если кто пойдетъ въ то мѣсто, откуда радуга воду тянетъ, то она и его всосетъ и съ другого конца

[1]) 17 іюля 1912 г. мною была наблюдаема радуга при исключительныхъ обстоятельствахъ—въ 11 час. ночи, во время дождя на Елагиномъ островѣ въ Петербургѣ. Радуга появилась благодаря прожектору одного изъ морскихъ судовъ, при чемъ въ спектрѣ ея можно было даже видѣть переходъ отъ розоваго къ голубоватому тону. По своему положенію на небѣ радуга ни чѣмъ не отличалась отъ обыкновенной солнечной.

выпуститъ [1]). Поморы въ Архангельской губ. думаютъ, «что дождяная дуга воду на небо поднимаетъ для людей живущихъ тамъ» [2]).

Но если радуга высасываетъ воду, то самую радугу естественнѣе всего было представить въ видѣ трубы-ливера, при помощи котораго высасываютъ жидкость изъ сосуда. Воображеніе народное именно такъ и представило себѣ это небесное явленіе. Давно еще Епифаній Кипрскій, пытавшійся объяснить Мірозданіе съ средневѣковой точки зрѣнія, задумывался и надъ круговоротомъ воды въ атмосферѣ, не зная конечно закона испаренія влаги. Поэтому онъ допускалъ, что стоящіе на четырехъ углахъ краеугольной земли ангелы, которые будутъ трубить во второе пришествіе, они-то и регулируютъ атмосферную воду своими трубами — собирая морскую воду, пускаютъ ее вновь въ видѣ дождя на землю [3]). Народное же воображеніе уловивъ, очевидно, апокрифическое представленіе о какихъ-то трубахъ для высасыванія воды, увидѣло реально и самыя эти трубы въ рукавахъ радуги, тѣмъ болѣе, что старинныя трубы — это были рога животныхъ, имѣвшія видъ дуги, какъ и сама радуга. Поэтому-то въ Малороссіи радуга называется «цмокомъ» т.-е. насосомъ или прямо трубой, которой пророкъ Илья беретъ воду изъ рѣкъ и озеръ (Харьковской губ.), а въ Калужской губ. говорятъ, что радуга «вбираетъ воду семью разноцвѣтными трубами изъ земныхъ колодцевъ и поднимаетъ ее на небо; если бы не было радуги, то не было бы на небѣ воды».

Собственно говоря, взглядъ на радугу, какъ на явле-

[1]) *А. Ермоловъ.* Народн. мудрость. Т. IV. Стр. 196—197, 402.

[2]) *Г. Цейтлинъ.* Знахарства и повѣрья въ Поморьѣ. «Изв. Арх. Общ. изуч. русск. сѣвера» 1912 г. *№ 4.*

[3]) *П. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры, II. Стр. 272—273.

ніе, регулирующее атмосферныя воды, проникъ въ народную среду не безъ вліянія Библіи, потому что въ ней радуга появилась впервые только послѣ потопа и появленіе ея каждый разъ должно было служить знакомъ того, что болѣе потопа не будетъ. «И будетъ, когда я наведу облако на землю, говоритъ Ягве, то явится радуга въ облакѣ. И я вспомню завѣтъ мой... и не будетъ вода потопомъ на истребленіе всякой плоти» (Быт. IX, 14—15). Отсюда и вѣрованіе великороссовъ, что радуга пьетъ воду, чтобы избавить землю отъ потопа (Тульск., Рязанск. губ). Въ Харьковск. губ. говорятъ: «поки райдуга на неби буде, то й потопу не буде, бо вона спыня воду, не дайе йий ходу: якъ чимàло наберецьця, ото вона заразъ однимъ кинцомъ спускайецьця у воду, а другимъ подайе на тучи и зновъ ту воду розсивà».

Не всегда, однако, радугѣ усвояется значеніе насоса. Въ Малороссіи различается «цмокъ» отъ «весе́лки». Первая радуга, всасывающая воду имѣетъ всѣ цвѣта спектра, радуга же съ преобладаніемъ краснаго конца спектра по мнѣнію малороссовъ бездѣйствуетъ и является лишь «весе́лкою», такъ какъ во время появленія ея горизонтъ проясняется отъ солнечныхъ лучей, который передъ тѣмъ наводилъ унынie скопленіемъ тучъ [1]). Различаются также радуги—«градовица», которая будто бы несетъ за собою градъ, «богатка» — предвѣстница плодородія. Въ Новороссіи радуга носитъ названіе «коромысла» или «росалки». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне называютъ ее «поясомъ Богородицы», подобно тому, какъ турки видятъ въ ней «небесный поясъ» или «шарфъ Божій» [2]).

Въ Библіи съ радугой иногда сравнивается Млечный Путь, который образуетъ на небѣ тоже дугу. Такъ, въ Апокалипсисѣ Іоанна говорится, что созв. Трона находи-

[1]) *Г. О. Булашевъ.* Космогонич. украинск. воззр. Стр. 313—324.
[2]) *А. Ермоловъ.* Народн. мудрость. Т. IV. Стр. 197, 402.

лось посреди̇нѣ радуги, подобной по виду голубовато-зеленому изумруду (Апок. IV, 2—3 въ объясненіи Н. Морозова). Въ книгѣ пророка Іезекіиля также говорится о сіяніи подобномъ свѣту электрона: «въ какомъ видѣ бываетъ радуга на облакахъ во время дождя, такой видъ имѣло это сіяніе *кругомъ*» (Іезек. VIII, 2; I, 27 — 28 въ объясненіи Н. Морозова). Замѣчательно, что сравненіе радуги съ Млечнымъ Путемъ мы встрѣчаемъ и въ русскихъ народныхъ повѣрьяхъ. Въ Люблинской и Тульской губерніяхъ крестьяне дугу Млечнаго Пути на небѣ считаютъ дорогой ангеловъ, несущихъ души праведниковъ на небо, заимствуя это вѣрованіе, повидимому, отъ библейской лѣстницы Іакова, которая есть не что иное, какъ Млечный Путь [1]). Въ той же Люблинской губ. радугу называютъ дорогой ангеловъ, по которой они сходятъ съ неба для набиранія воды. Въ Тульской же губ. радуга — это мостъ, по которому ангелы Божіи восходятъ отъ земли на небо съ душами праведниковъ и нисходятъ на землю для возвѣщенія праведнымъ людямъ воли Божіей.

Здѣсь мы видимъ наглядную иллюстрацію нашей мысли, проводимой въ этой книгѣ. Астральныя сопоставленія библейской древности оставались на долгое время замурованными толстымъ слоемъ иносказательнаго описанія. Теперь они раскрыты при свѣтѣ новаго метода изслѣдованія. И вдругъ, эти же сопоставленія совершенно неожиданно обнаруживаются почти въ подлинномъ своемъ видѣ въ другой области—въ такъ назыв. «русскомъ народномъ творчествѣ», оказывающемся на самомъ дѣлѣ отголоскомъ древней астралистики.

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. *Д. Святскій.* Лѣстница Іакова или сонъ наяву. Спб. 1911 г., а также въ очеркѣ о «Звѣздной миѳологіи».

Виѳлеемская загадка.

I.

Всюду символомъ праздника Рождества Христова является звѣзда, приведшая, по евангельскому сказанію, «волхвовъ» или старинныхъ астрологовъ изъ далекаго Востока къ Виѳлеемскимъ яслямъ. Эта лучезарная звѣзда, какъ символъ, сохранилась въ различныхъ народныхъ преданіяхъ и обычаяхъ христіанскихъ народовъ. Въ канунъ праздника не вкушаютъ пищи до появленія на небѣ первой звѣзды. Рождественская елка украшается наверху звѣздой или ангеломъ, держащимъ звѣзду. «Славильщики» ходятъ съ фонаремъ, сдѣланнымъ въ видѣ звѣзды. Виѳлеемкая звѣзда вдохновляла художниковъ и поэтовъ, бравшихъ темами своихъ произведеній событіе Рождества Христова. Еще болѣе она интересовала астрономовъ, пытавшихся объяснить ее съ научной точки зрѣнія. Поэтому было высказано много предположеній и догадокъ, но Виѳлеемкая загадка до самаго послѣдняго времени оставалась все еще не разгаданной.

Въ средніе вѣка толкователи Библіи думали, что виѳлеемской звѣздой была комета. Такъ объясняли ее нѣкоторые отцы церкви. Въ сочиненіи Іоанна Дамаскина «Правильное изложеніе вѣры» есть мнѣніе о кометахъ, по которому онѣ «составляются Богомъ во знаменія нѣкая», при чемъ къ кометамъ причисляется и виѳлеемская звѣзда: «понеже и въ Господне насъ ради по плоти человѣколюбное и спасительное Рождество явившаяся волхвомъ звѣзда овогда отъ востокъ на западъ творяше теченіе, а овогда отъ сѣвера на югъ, и овогда сокрывашеся, овогда же паки являшеся, еже ни съ чиномъ, ни съ естествомъ звѣздъ не сходствуетъ». Такимъ образомъ, особенности въ движеніи Виѳлеемской звѣзды, напоминающія своеобразное движеніе кометъ, наводили на мысль о тожествѣ этихъ небесныхъ свѣтилъ.

Въ капитальномъ трудѣ о кометахъ «Theatrum Cometicum» Станиславъ Любинецкій считалъ также Виѳлеемскую звѣзду кометой и приложилъ даже наивный рисунокъ этой звѣзды-кометы.

Однако, въ сравненіи Виѳлеемской звѣзды съ кометой много неправдоподобнаго. Дѣло въ томъ, что кометы, по понятіямъ древней астрологіи, несли съ собою всегда несчастія и предвозвѣщали смерть великихъ людей. Виѳлеемская же звѣзда, наоборотъ, знаменовала собою рожденіе Христа, — «на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе». Къ тому же исторія астрономіи не знаетъ ни одной кометы, болѣе или менѣе подходящей ко времени начала нашей эры.

Другая попытка объясненія виѳлеемской звѣзды была сдѣлана впервые математикомъ Карданомъ въ XVI вѣкѣ. Въ его время въ 1572 г. на небѣ вспыхнула яркая новая звѣзда въ созвѣздіи Кассіопеи, наблюдавшаяся впервые астрономомъ Тихо-де-Браге. Возникалъ вопросъ, въ полномъ ли смыслѣ это «новая» звѣзда, или она появляется періодически, черезъ большіе промежутки времени, являясь такимъ образомъ «перемѣнной звѣздой»? Карданъ нашелъ указаніе въ одномъ сочиненіи чешскаго астронома Кипріана Леовича, что этотъ послѣдній читалъ въ одной старинной лѣтописи о появленіи новой звѣзды въ 945 г. нашей эры, при императорѣ Оттонѣ Великомъ, а также въ 1264 году, при чемъ оба случая появленія звѣзды

имѣли мѣсто между созвѣздіями Цефея и Кассіопеи, очень близко къ Млечному Пути, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ появилась въ 1572 г. знаменитая звѣзда Тихо-де-Браге [1]).

Карданъ разсуждалъ такъ. Если допустить, что во всѣхъ трехъ случаяхъ это была одна и та же звѣзда, то промежутки между этими появленіями оказываются въ 319 и 308 лѣтъ. До 945 года прошло почти ровно три такихъ періода. Поэтому, подобное же событіе должно было наблюдаться и во время Рождества Христа. Съ большей точностью установить годъ тогдашняго появленія этой звѣзды нельзя, такъ какъ періоды перемѣнныхъ звѣздъ часто подвержены колебаніямъ, какъ указываютъ на это и цифры 319 и 308, не вполнѣ однозначущія.

Предположеніе Кардана очень остроумно. Но страннымъ, однако, является молчаніе лѣтописей и хроникъ о другихъ промежуточныхъ явленіяхъ этой звѣзды. Да кромѣ того, слѣдуя вычисленіямъ Кардана, мы должны бы были ожидать новой вспышки звѣзды въ Кассіопеѣ въ 1880 или 1891 годахъ, но, какъ извѣстно, до нынѣшняго года звѣзда эта не появлялась. Можетъ быть, конечно, она потухла окончательно, но еще проще допустить, что тутъ совпаденіе чисто случайное—и во всякомъ случаѣ объясненіе Виѳлеемской звѣзды новой звѣздой Кассіопеи является мало убѣдительнымъ.

Въ наши дни, говоритъ А. Ревиль, Визелеръ открылъ старинный китайскій документъ, въ которомъ говорится о необыкновенной яркой звѣздѣ, блиставшей на китайскомъ небѣ въ 4-мъ году до начала нашего лѣтосчисленія. Нѣкоторыя неудачныя подробности заставляютъ насъ, однако, отнестись съ большимъ недовѣріемъ къ этому указанію [2]).

[1]) *К. Фламмаріонъ.* Звѣздное небо и его чудеса, стр. 640.

[2]) *А. Ревиль.* Іисусъ Назарянинъ, т. I, стр. 295.

Знаменитый астрономъ Іоганъ Кеплеръ, хорошо знавшій традиціи астрологовъ, пытался дать иное толкованіе Виѳлеемской звѣздѣ и видѣлъ въ ней соединеніе Сатурна и Юпитера въ созвѣздіи Рыбъ, дѣйствительно бывшее за нѣсколько лѣтъ до начала нашей эры, при чемъ обѣ эти яркія планеты, подойдя близко другъ къ другу, по мнѣнію Кеплера, казались для земного наблюдателя какъ-бы одной, необычайно яркой звѣздой.

Впослѣдствіи вычисленіе Кеплера было провѣрено другими астрономами, напр., Иделеромъ, при чемъ оказалось, что въ 7 г. до Р. Х. было, собственно говоря, троекратное соединеніе Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи Рыбъ.

Первое соединеніе планетъ произошло 20 мая. Юпитеръ и Сатурнъ подошли другъ къ другу всего на разстояніе 1° и были видны на восточной сторонѣ неба передъ восходомъ солнца. Это замѣчательное соединеніе могло поразить волхвовъ и навести на мысль объ исполненіи древняго пророчества о Мессіи. И вотъ они отправляются въ Іерусалимъ на поклоненіе новому царю. Приблизительно къ осени они достигаютъ Іерусалима. За это время планеты разошлись другъ отъ друга, но 27 октября вновь приблизились одна къ другой въ томъ же созвѣздіи Рыбъ до разстоянія 1°. Третье соединеніе произошло 12 ноября, но между вторымъ и третьимъ соединеніемъ Юпитеръ имѣлъ остановку, или такъ называемое въ астрономіи «стояніе». И вотъ это-то стояніе, наблюдавшееся волхвами уже вблизи Виѳлеема и могло навести ихъ на мысль, что они у цѣли своего путешествія—«и пришедше звѣзда, ста вверху, идѣже бѣ отроча».

Въ такомъ разработанномъ видѣ мнѣніе Кеплера поддерживается въ настоящее время нѣмецкимъ ученымъ проф. Курдъ-Лессвицомъ [1]).

[1]) См. также: *Е. И. Игнатьевъ.* Астрономическіе досуги. «Виѳлеемская звѣзда».

Но и это объясненіе не является доказательнымъ. Хотя соединеніе планетъ и, дѣйствительно, было въ 7 году до Р. Х., но онѣ подошли другъ къ другу не ближе 1°. Это значитъ, что обѣ планеты отстояли другъ отъ друга почти на два діаметра полной луны; 3 авг. 1911 г. наблюдалось замѣчательное соединеніе Марса съ Сатурномъ, при чемъ разстояніе между планетами достигало всего 21′, но и это разстояніе было еще слишкомъ велико, чтобы наблюдаемыя планеты могли слиться въ одну звѣзду для глаза. Къ тому же «соединеніе планетъ не есть еще «звѣзда», которая пускается въ путь по небу, чтобы указать дорогу странникамъ на землѣ», — какъ справедливо замѣчаетъ А. Ревиль.

Итакъ, ни одно изъ сдѣланныхъ предположеній не даетъ объясненія виѳлеемской звѣзды. Существуетъ еще предположеніе, что этой загадочной звѣздой могла просто быть одна изъ яркихъ планетъ въ эпоху своей наибольшей яркости.

Однако возражаютъ, что волхвы или маги, прекрасно знакомые съ астрологіей востока, не могли впасть въ такую грубую ошибку. Но мы думаемъ, что тотъ, кто хорошо знакомъ съ характеромъ предсказаній древней астрологіи, кто знаетъ, какъ составлялись гороскопы, не увидитъ здѣсь чего-либо страннаго. По понятіямъ астрологіи, каждый человѣкъ, рождающійся на землѣ, находится подъ покровительствомъ какой-нибудь планеты, при чемъ и его судьба опредѣляется тѣмъ или инымъ расположеніемъ планетъ въ опредѣленныхъ зодіакальныхъ созвѣздіяхъ въ моментъ его рожденія, имѣвшихъ также извѣстное отношеніе къ человѣческой судьбѣ.

Покойный русскій астрономъ-популяризаторъ Е. А. Предтеченскій предполагалъ, что Виѳлеемской звѣздой была планета Венера [1]) Дѣйствительно, яркость ея въ нѣ-

[1]) *Е. Предтеченскій.* Звѣзда волхвовъ — «Природа и Люди» 1896 г.

которые годы достигаетъ поразительнаго блеска, такъ что ее можно бываетъ видѣть даже днемъ, при полномъ блескѣ солнца, а ночью предметы, освѣщенные ею, отбрасываютъ даже легкую тѣнь на бѣлую стѣну. Обыкновенно въ это время Венеру многіе не свѣдующіе въ астрономіи принимаютъ за новую звѣзду. За примѣрами ходить далеко не надо: въ 1910 году, при ожиданіи кометы Галлея, многіе увидѣвши Венеру, принимали ее именно за ожидавшуюся комету и только говорили, что «не могли разсмотрѣть хвоста».

Наибольшая яркость Венеры наступаетъ черезъ каждыя восемь лѣтъ, но изъ этихъ періодовъ, въ свою очередь, выдѣляются нѣкоторые, когда Венера въ особенности поражаетъ своимъ блескомъ. Это случается очень рѣдко. Въ исторіи астрономіи за послѣднихъ два вѣка отмѣчено всего шесть такихъ случаевъ, именно—въ 1716, 1750, 1797, 1849, 1857 и 1889 гг. [1]). Въ сочиненіи св. Августина о «Царствѣ Божіемъ» (Civitas Dei) передается отрывокъ изъ произведенія Варрона, восходящій къ 1770 г. до Р. Х., въ которомъ сказано, что въ этотъ годъ блестящая вечерняя звѣзда Венера измѣнила свою яркость, свой видъ и свой путь. Наблюденіе это, по всей вѣроятности, и относится къ одной изъ эпохъ наибольшаго блеска Венеры [2]), при чемъ наблюдатель только по этому поводу могъ обратить вниманіе на своеобразное движеніе Венеры. Этотъ древній отрывокъ очень важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ даже не какая-нибудь новая, доселѣ невѣдомая звѣзда, а всѣмъ уже извѣстная планета, могла произвести сильное впечатлѣніе лишь однимъ усиленіемъ своего блеска.

[1]) *К. Фламмаріонъ.* Живописная астрономія, стр. 366.

[2]) *К. Фламмаріонъ.* Звѣздное небо и его чудеса, стр. 696.

II.

Такимъ образомъ, необычайно яркій блескъ Венеры могъ быть истолкованъ древними астрологами въ смыслѣ какого-либо особеннаго предзнаменованія. О возможности отождествленія Венеры съ Виѳлеемской звѣздой косвенно высказался не такъ давно и Н. А. Морозовъ, полагая, что этой загадочной звѣздой могла быть «какая-либо блестящая планета въ родѣ Венеры, прошедшая свой путь отъ Маговъ, т.-е. трехъ звѣздъ пояса Оріона въ группу Яслей въ созвѣздіи Рака» [1]). Здѣсь Морозовъ, очевидно, допускаетъ возможность вообще весь евангельскій разсказъ вмѣстѣ съ Магами и Яслями понимать астрально. Такое предположеніе было высказано уже давно Дюпюи и др. и въ немъ то, по всей вѣроятности, а не въ планетѣ Венерѣ лежитъ ключъ къ разгадкѣ Виѳлеемской звѣзды.

Астрономовъ давно уже поражало совпаденіе въ расположеніи нѣкоторыхъ созвѣздій на небѣ въ полночь на 25 декабря съ евангельскимъ повѣствованіемъ о рождествѣ Христа въ яслях и волхвахъ. Въ названіяхъ созвѣздій символически запечатлѣно событіе Рождества Христова. Въ это время на востокѣ появлялось созвѣздіе Дѣвы, говорившее о «рожденіи» благодѣтельнаго свѣтила; передъ восходомъ же Дѣвы на серединѣ неба уже стояли Ясли, а впереди Яслей шли съ «высоты востока» на западъ Три царя или волхва (созв. Оріона) [2]).

Въ послѣднее время сторонникомъ такого пониманія евангельскаго разсказа о Виѳлеемской звѣздѣ является А. Немоевскій. Онъ говоритъ, что и самое слово Виѳлеемъ,

[1]) *Н. Морозовъ.* Что можетъ принести намъ встрѣча съ кометой, публичная лекція, стр. 15.

[2]) *Фламмаріонъ.* Звѣздное небо и его чудеса, стр. 328; *A. Niemojewski.* Bóg Jezus. стр. 247—251.

по своему филологическому смыслу означаетъ «домъ хлѣба» (Bet-lachem) или созв. Дѣвы съ хлѣбнымъ колосомъ въ рукѣ [1]). Созвѣздія же зодіака у древнихъ астрологовъ носили названія домовъ.

Поэтому вполнѣ понятенъ и смыслъ астрологическаго отвѣта книжниковъ на вопросъ Ирода—«гдѣ должно родиться Христу?»—«въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ», т.-е. именно потому въ Виѳлеемѣ, что звѣзда его соотвѣтствуетъ «дому хлѣба», т.-е. созвѣздію Дѣвы.

Евангельскій разсказъ о трехъ волхвахъ, пришедшихъ на поклоненіе младенцу-Христу, лежавшему въ яслях, полный красоты и художественности, всегда привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе и имѣлъ своею цѣлью показать, что волхвы—эти всѣми признанные представители тогдашней науки, однако, почтительно склонились передъ новорожденнымъ Христомъ. Но если въ евангельскомъ разсказѣ имѣется опредѣленная дидактическая сентенція, то нужно ли считать его непремѣнно историческимъ событіемъ, а не простою притчею, религіознымъ учительнымъ миѳомъ?

Ученыхъ комментаторовъ Библіи уже давно занималъ вопросъ о невозможности согласованія двухъ повѣствованій о пребываніи Христа въ Виѳлеемѣ—по евангеліямъ Матѳея и Луки. Разсказъ о волхвахъ содержится, какъ извѣстно, только въ первомъ евангеліи, въ другихъ же его нѣтъ. «Попробуйте найти, говоритъ А. Ревиль [2]), въ повѣствованіи Луки подходящее мѣсто для включенія разсказа о пришествіи волхвовъ и его послѣдствіяхъ. По словамъ Матѳея, волхвы нашли Іосифа и Марію въ Виѳлеемѣ, откуда родители Іисуса никуда не выѣзжали со времени его рожденія, гдѣ они, слѣдовательно, все это время и

[1]) *A. Niemojewski.* Bog Jezus. стр. 251.

[2]) *А. Ревиль*, Іисусъ Назарянинъ, т. I, стр. 277.

жили, а затѣмъ сейчасъ же бѣжали въ Египетъ. Между тѣмъ, Лука предоставляетъ въ наше распоряженіе для вставки разсказа о посѣщеніи волхвовъ только сорокъ дней, съ момента рожденія Христа, такъ какъ, по его словамъ, Іосифъ и Марія, пришедши изъ Виѳлеема въ Іерусалимъ, вернулись оттуда прямо въ Назаретъ (Лук. II, 39). Какъ же волхвы могли менѣе, чѣмъ въ сорокъ дней сдѣлать всѣ свои наблюденія, всѣ приготовленія къ дальнѣйшему путешествію и прибыть съ далекаго востока?» Историческое значеніе разсказа о посѣщеніи волхвовъ отвергается также Э. Ренаномъ и нѣкоторыми другими изслѣдователями. Самые образы волхвовъ въ преданіяхъ являются не болѣе, какъ характеристиками трехъ отраслей человѣчества и самое ихъ происхожденіе покрыто туманомъ аллегоріи. Явились они изъ царскаго колѣна маговъ, обитавшихъ на горѣ Воусъ, по-гречески Ῥάος, по-санскритски Bhas, т.-е. на *горѣ свѣта* или, какъ читается въ книгѣ Сиѳа, горѣ побѣды, одной изъ символическихъ горъ, именуемыхъ Альборъ, которыя, по народнымъ преданіямъ, не были загрязнены водами потопа [1]). Но это конечно не мѣшало людямъ среднихъ вѣковъ сдѣлать ихъ историческими личностями и «останки ихъ» подъ именемъ трехъ царей Каспара, Мельхіора и Валтасара похоронить подъ сводами Кёльнскаго собора.

Сообразно съ такимъ пониманіемъ преданія о пришествіи волхвовъ, рѣшается вопросъ и о Виѳлеемской звѣздѣ. Не надо видѣть въ ней какого-либо особеннаго явленія, потому что мы имѣемъ дѣло не съ фактомъ историческимъ, а съ миѳомъ. Стремленіе прежнихъ астрономовъ во что бы то ни стало отыскать въ лѣтописяхъ астрономіи соотвѣтствующее Виѳлеемской звѣздѣ астрономическое событіе вело по ложной дорогѣ и потому-то Виѳлеемская

[1]) Звѣзда Мессіи—«Воскресное Чтеніе» 1864 г. № 45, стр. 1095.

загадка, несмотря на всѣ попытки, оставалась неразгаданной. Новый же методъ изслѣдованія привелъ къ опредѣленному результату.

Прежде всего самое греческое слово, стоящее въ евангеліи Матѳея, ἀστήρ, употреблялось одинаково какъ для обозначенія звѣзды, такъ и созвѣздія. Поэтому еще нужно рѣшить вопросъ, надо ли здѣсь понимать дѣйствительно звѣзду или какую-нибудь группу звѣздъ, созвѣздіе, которое древняя астрологія связывала съ именемъ Христа? А. Немоевскій думаетъ, что такой группой звѣздъ и было созв. Дѣвы съ ея яркой звѣздой Спикой или Колосомъ. Появленіе этого созвѣздія на востокѣ въ полночь на 25 декабря, когда въ первые вѣка христіанства нарождалось новое солнце—Христосъ (въ католическомъ гимнѣ на Рождество еще до сихъ поръ поется: «Sol novus oritur»), заставало Ясли, стоящими на меридіанѣ. Во время же восхода солнца «звѣзды Христа» или созв. Дѣвы поднимались къ югу и проходили меридіанъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ передъ этимъ былъ лежащій младенецъ въ Ясляхъ (Мѳ. II, 7) [1]). А Три царя Оріона уже зашли на западѣ, чтобы «отойти въ страну свою инымъ путемъ» (Мѳ. II, 12). Въ послѣднемъ выраженіи скрывается замѣчательная астральная аллегорія. Зашедшія на западѣ три звѣзды Оріона могли возвратиться въ страну своего восхода, на гору Воусъ, т.-е. на гору Свѣта и одержанной имъ побѣды надъ зимнимъ мракомъ (праздникъ непобѣдимаго солнца у римлянъ 25 декабря—Natalis Solis Invicti) только *инымъ путемъ*, а не прежнимъ, потому что всѣ звѣзды, скрываясь на западѣ, проходятъ къ востоку въ другой половинѣ звѣздной сферы, находящейся подъ нами.

А. Немоевскій приводитъ цѣлый рядъ указаній на то, что въ религіяхъ древняго міра опредѣленныя созвѣздія и

[1]) «Myśl Niepodległa» № 177: Gwiazdy bógów.

звѣзды были посвящены основателямъ этихъ религій и христіанство не представляетъ въ этомъ отношеніи какого-либо исключенія. Въ доказательство же того, что подъ звѣздой Христа надо разумѣть именно созв. Дѣвы, онъ приводитъ указаніе арабскаго писателя Абу-Мазара, который называетъ созв. Дѣвы невѣстой, не имѣвшей мужа, и приписываетъ даже ей имя Маріи. На небесныхъ картахъ вообще Дѣва иногда изображалась съ младенцемъ на рукахъ.

Въ старинной апокрифической книгѣ Сиѳа [1]) о Виѳлеемской звѣздѣ повѣствуется: «въ то время, когда пробилъ послѣдній часъ древнихъ временъ, явилась на тверди небесной звѣзда въ видѣ младенца, носящаго въ десницѣ крестъ, и возвѣстила волхвамъ исполненіе древняго пророчества».

А въ одномъ апокрифическомъ разсказѣ Виѳлеемская звѣзда, которую «будто бы римскіе язычники видѣли на небѣ во время рожденія Христа, при Августѣ Кесарѣ», представляется «въ видѣ дѣвы, держащей на рукахъ свѣтлаго младенца». Авторъ, цитирующій это и держащійся другого мнѣнія о Виѳлеемской звѣздѣ [2]), самъ того не подозрѣвая, совершенно справедливо замѣчаетъ по поводу этого апокрифическаго разсказа, что «во всѣхъ этихъ объясненіяхъ надобно признать не болѣе, какъ смѣсь миѳологіи, астрономіи и астрологіи,—а въ этой дѣвѣ, явившейся на небѣ или Астрею съ ея сыномъ или Дѣву, одинъ изъ знаковъ зодіака». Мы можемъ со своей стороны прибавить, что созв. Дѣвы, какъ это видно изъ атласа Байера 1603 г., дѣйствительно называлось Astrea.

[1]) Комментаріи на евангел. Матѳея: «Opus imperfectum».

[2]) Звѣзда Мессіи—«Воскресное Чтеніе» 1864 г., № 45, стр. 1109.

Духи и звѣри неба.

Когда просматриваешь какой-нибудь изъ старинныхъ атласовъ неба, то удивляешься, съ какой тщательностью и любовью къ дѣлу рисовались въ нихъ миѳологическія фигуры созвѣздій. Часто за этими фигурами почти невидно самихъ звѣздъ. Фламмаріонъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что «въ теченіе многихъ вѣковъ прямо совсѣмъ забывали звѣзды ради миѳологическихъ личностей». Но это вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какое важное значеніе придавали астрологи этимъ «миѳологическимъ личностямъ». «Имѣвшія во время своего возникновенія за долго до христіанской эры лишь символическое значеніе, говоритъ Н. Морозовъ, онѣ начали съ теченіемъ вѣковъ считаться дѣйствительными фигурами, невидимо начерченными, на кристаллическомъ небесномъ сводѣ или даже живыми существами, оказывающими чрезвычайно сильное вліяніе на всѣ земныя событія». Что созвѣздія считались живыми существами, обитающими на небѣ, въ этомъ убѣдило меня изученіе еврейской талмудической миѳологіи. Можно сказать, что почти всѣ главныя фигуры этой миѳологіи—почти вся талмудическая и каббалистическая ангеологія и демонологія, а также и христіанскія «чины ангельскія», выросшія изъ еврейской ангеологіи,—почти всѣ они астральнаго происхожденія по своему существу.

Въ своей «Лѣстницѣ Іакова» я уже останавливался на

томъ, что ангелы у евреевъ отождествлялись со звѣздами. Выраженіе «воинства небесныя» употребляется въ Библіи безразлично въ смыслѣ ангеловъ и звѣздъ; звѣзды сражаются съ людьми, какъ живыя существа (Суд. V, 20), сыны Божіи сходятъ на землю также подъ видомъ звѣздъ (Енох. LXXXVI—XC). Отсюда и византійскія представленія о томъ, что солнце, луна и звѣзды «отъ словесныхъ силъ теченіе и чинъ совершаютъ» и что «хожденіе звѣздамъ кругоносно отъ невидимыхъ ангеловъ строимо» (славянскій переводъ книги Космы Индикоплова). Въ средніе вѣка, и у насъ на Руси въ до-петровское время, это вѣрованіе было общераспространеннымъ и отразилось также въ народной миѳологіи. Въ Холмской Руси въ народѣ и до сихъ поръ еще говорятъ, что звѣзды—это ангелы Божіи, сидящіе на ступеняхъ неба съ зажженными свѣчами.

Въ талмудической миѳологіи говорится о двухъ главныхъ ангелахъ, завѣдывающихъ небесными свѣтилами—Галгаліэлѣ, ангелѣ солнца и Офаніэлѣ — ангелѣ луны [1]). Галгалъ и офанъ, какъ мы видѣли это выше (см. стр. 7), являются названіями армиллярной сферы и ея круговъ у древнихъ талмудистовъ, а отсюда и самой небесной сферы въ ея разныхъ положеніяхъ. Путемъ прибавленія къ этимъ корнямъ слова «елъ» или «el», означающаго божество, получаются особые ангелы, управляющіе небесной сферой и ея кругами, по которымъ движутся два главныхъ свѣтила—солнце и луна.

Каббалисты и талмудисты насчитываютъ десять общихъ видовъ ангеловъ: 1) Erellim — могущественные, 2) Ischim—мужи, 3) Bené haelohim—сыны Божіи, 4) Malachim—посланники, 5) Chaschmanim—раскаленные угольи,

[1]) *Я. Олесницкій.* Талмудическая миѳологія. «Тр. Кіев. Дух. Акад.» 1870 г. Апр. Стр. 206.

6) Tarschischim—драгоцѣнные камни, 7) Sehinanim, 8) Cherubim, 9) Ofanim и 10) Seraphim [1]). Изъ нихъ только Erellim, Ischim и Schinanim не имѣютъ ясно выраженнаго астральнаго значенія; природа же всѣхъ остальныхъ безусловно звѣзднаго характера. Bené haelohim—сыны Божіи по книгѣ Еноха спускаются въ видѣ звѣздъ на землю и обратившись въ людей, увлекаются дочерьми человѣческими и вступаютъ съ ними въ половое общеніе. Malachim—это тѣ самые небесные посланники, которые всходили и нисходили по лѣстницѣ Іакова, символизируя собою восходящія и нисходящія звѣзды въ суточномъ обращеніи небеснаго свода. Chaschmanim—раскаленные угольи, съ которыми сравниваются зодіакальныя животныя, описанныя у пророка Іезекіиля: «и видъ этихъ животныхъ былъ какъ видъ горящихъ углей» (Іезек. I, 13). Tarschischim — драгоцѣнные камни. Въ книгѣ Еноха часто упоминаются семь или шесть горъ изъ металловъ или драгоцѣнныхъ камней (наприм., Енох. VXIII, 6; LII, 2—9). Въ книгѣ Іезекіиля говорится также о присутствіи на горѣ Божіей херувима среди «огнистыхъ камней» (Іезек. XXVIII, 13—16). Горы Еноха, повидимому, однородны съ «огнистыми камнями» Іезекіиля и соотвѣтствуютъ по мнѣнію толкователей семи планетамъ и семи металламъ, извѣстныхъ древнимъ [2]). Семь небесъ магометанской космогоніи также соотвѣтствуютъ металламъ и драгоцѣннымъ камнямъ. Такъ, второе небо у нихъ состоитъ изъ расплавленнаго серебра, третье изъ краснаго рубина, четвертое изъ жемчуга, пятое изъ краснаго золота и шестое изъ блестящихъ рубиновъ [3]). Такимъ образомъ Tarschischim также имѣютъ астральный характеръ. Cherubim —

[1]) *Я. Олесницкій.* Талмудич. миѳологія. Стр. 204.
[2]) *А. Смирновъ.* Книга Еноха. Стр. 343.
[3]) *А. Архангельскій.* Мухаммеданская космогонія. Вопросъ 3.

зодіакальные херубы и Ofanim—круги армиллярной сферы извѣстны уже намъ по видѣнію Іезекіиля. Послѣдній, десятый, чинъ ангельскій носитъ названіе Seraphim. На еврейскомъ языкѣ seraph—означаетъ огненнаго змѣя, отъ глагола saraph—жечь, сожигать [1]). О такихъ огненныхъ змѣяхъ въ Библіи упоминается у пророка Исаіи (XIV, 29; XXX, 6) и въ разсказѣ о мѣдномъ змѣѣ, который очевидно и былъ не чѣмъ инымъ, какъ изображеніемъ серафима (Числ. XXI, 6—9). Seraphim'ы пророка Исаіи въ Вульгатѣ переведены: igniti volucres serpentes, т.-е. огненные летучіе змѣи, и въ нашихъ славянскихъ переводахъ—«зміи или аспиды парящіе». Эпитеты «огненные» и «парящіе» конечно не могутъ быть приложимы къ обыкновеннымъ змѣямъ и тутъ надо бы скорѣе видѣть или змѣйки молніи или огненные болиды. А такъ какъ Seraphim часто упоминаются и теперь даже наряду съ Cherubim, то не проще ли будетъ видѣть въ тѣхъ и другихъ фигуры созвѣздій. Если Cherubim смѣшанный образъ быка, льва, орла и человѣка четырехъ зодіакальныхъ созвѣздій, то Seraphim, быть можетъ, соотвѣтствуютъ созвѣздіямъ Дракона, Змѣя, Гидры, Левіаѳана (кита), змѣевиднымъ волосамъ Медузы и Скорпіону. Во всякомъ случаѣ тотъ или иной астральный характеръ Seraphim несомнѣненъ.

Всѣ эти Cherubim и Seraphim, Ofanim и Malachim и прочіе чины ангельскіе были живыми и реальными существами у талмудистовъ. «Въ нихъ былъ духъ жизни», какъ сказано у Іезекіиля. Это не простые символы, какъ мы понимаемъ теперь фигуры созвѣздій, а дѣйствительно одушевленныя существа. Въ греческой миѳологіи Фаэтонъ проситъ Феба пустить его прогуляться въ колесницѣ по солнечному пути на небѣ. Фебъ говоритъ ему: «Не думай,

[1]) *М. Сибирцевъ.* Опытъ библейско-естественной исторіи. Спб. 1867. Стр. 310.

что ты встрѣтишь по пути солнца прекрасныя рощи, города, храмы; тамъ животныя, страшныя видомъ, такъ быкъ грозитъ своими рогами, стрѣлокъ—лукомъ, левъ—своею пастью, скорпіонъ и ракъ своими страшными клешнями». Почти то же повторяется и у талмудистовъ въ разсказѣ о вознесеніи Еноха на небо. Чтобы взять Еноха съ земли, Богъ послалъ великаго херувима съ огненной колесницею и огненными конями, которые и принесли его на высшее небо. Но лишь только явился Енохъ на небѣ, какъ зашипѣли священные звѣри, возстали херувимы, офанимы и серафимы и стали говорить: «откуда здѣсь запахъ человѣка, рожденнаго женою?» И отвѣчалъ Богъ и сказалъ: «слуги мои, войско мое, херувимы мои! не оскорбляйте вы этого человѣка, п. ч. онъ одинъ изъ всѣхъ дѣтей моихъ заслуживаетъ моей награды». Заступничество Ягве не спасло, однако, Еноха и прежде чѣмъ вступить въ свою великую должность, онъ вынужденъ былъ вынести сильное притѣсненіе, особенно со стороны ангела Анпіела [1]).

Очень видную роль въ талмудической миѳологіи играетъ ангелъ Метатронъ, отчасти независимый даже отъ самаго Ягве, царь надъ всѣмъ небеснымъ воинствомъ. Онъ называется также княземъ присутствія, потому что постоянно видитъ лице Божіе и о немъ Ягве сказалъ: «въ немъ мое имя» (Исх. XXIII, 21). Свое имя онъ получилъ вѣроятно по той же причинѣ, находясь постоянно около трона Ягве — μετὰ τὸν θρόνον θεοῦ. Въ Талмудѣ различается древній и новый Метатронъ; онъ древенъ, когда черезъ 900 твердей приноситъ къ Богу молитвы еврейскія; но когда, сложивши въ вѣнокъ Божій эти молитвы, онъ возвращается назадъ, удовлетворивши человѣческимъ про-

[1]) *Я. Олесницкій.* Талмудическая миѳологія. Стр. 211, 216.

шеніямъ, его видъ дѣлается снова молодой и новый [1]). Въ этой легендѣ вращеніе по вѣнку (кругу) отъ стараго вида къ молодому несомнѣнно придаетъ астральный и именно лунный характеръ Метатрону, какимъ онъ повидимому и былъ въ древнее время, когда самъ Ягве считался луннымъ божествомъ. Но въ эпоху развитія солнечныхъ культовъ измѣнился и характеръ Метатрона. Его стали смѣшивать съ Енохомъ — явно солнечнымъ божествомъ, о чемъ говоритъ, между прочимъ, и число лѣтъ его жизни — 365 — по числу дней солнечнаго года. Въ разсказахъ о Метатронѣ-Енохѣ повѣствуется, что Богъ далъ ему смотрѣніе надъ всею огненною колесницею и надъ всѣми потребностями его божественнаго величія. Для этого онъ обратилъ плоть Еноха въ пламя и жилы его въ нити горящія, а кости его въ раскаленные угли; рѣсницамъ его далъ блескъ жара и глазнымъ яблокамъ его видъ свѣтящихся точекъ, волосы на головѣ его сдѣлалъ языками огня и всѣ его члены огненными горящими факелами, такъ что все тѣло его стало огромнымъ огненнымъ пространствомъ. Отъ рукъ его сыплются искры и происходятъ пожары, вокругъ него вѣтеръ, вихрь и буря. Около небесной рѣки Диннуръ есть возвышенное мѣсто и на немъ стоитъ лѣстница, которую видѣлъ Іаковъ, достигающая отъ земли до неба; съ этой лѣстницей можетъ управиться только Метатронъ [2]).

Въ этомъ миѳѣ солнечный характеръ Метратона-Еноха уже внѣ всякаго сомнѣнія. Выше мы уже упоминали о сходныхъ чертахъ въ описаніи вознесенія Еноха съ греческимъ разсказомъ о Фебѣ и Фаэтонѣ. Упоминаніе о лѣстницѣ Іакова — Млечномъ Пути, съ которой можетъ управиться только Метатронъ, невольно напоминаетъ разсказъ о происхожденіи Млечнаго Пути, какъ слѣда пожара, произведеннаго Фаэтономъ, когда колесница солнца, управляемая этимъ неопытнымъ возницей, опрокинулась и скользя по небу бокомъ чуть не произвела пожара всей Вселенной [1]). Вотъ почему колесницей солнца завѣдуетъ Фебъ, какъ и въ талмудическомъ миѳѣ Богъ далъ Метатрону-Еноху «смотрѣніе надъ всей огненной колесницей». Замѣчательно, что отзвукъ этихъ миѳовъ сохранился даже въ народномъ названіи Млечнаго Пути Божьей дорогой, по которой самъ Богъ и пророкъ Илья ѣздятъ на колесницѣ, везомой огненными конями [2]). Но здѣсь уже вмѣсто Еноха появляется Илья, также взятый на небо въ огненной колесницѣ.

Изъ сонма злыхъ духовъ неба большинство также имѣютъ астральный характеръ. Такъ, напримѣръ, Самаела или Сатана въ Талмудѣ прямо отожествляется съ планетой Марсомъ. Любопытенъ также Кетевъ—бѣсъ полуденный, господствующій отъ начала 4 часа пополудни до конца 9-го. Видъ его по описаніямъ талмудистовъ совершенно особенный: голова у него телячья, изъ средины лба выходитъ одинъ рогъ, а самъ онъ круглый, какъ бочка, и не ходитъ по землѣ, а катится. Его нельзя видѣть глазами—кто увидитъ его, человѣкъ или животное, тотчасъ умираетъ. Полное господство его на землѣ отъ 17 іюня до 9 іюля [3]). Надо думать, что подъ бѣсомъ полуденнымъ разумѣется солнечный ударъ. Несмотря на фантастическое, вѣроятно уже позднѣйшее, описаніе этого бѣса, астральное воображеніе, однако помѣщало и его на звѣздной тверди. Въ атласѣ Байера 1603 г. мы въ числѣ названій созвѣздія Стрѣлы встрѣчаемъ: Daemonaliis Termo Meridianus—т.-е. Демона полуденнаго времени. Теперь намъ

[1]) *Я. Олесницкій.* Талмудич. миѳологія. Стр. 209—210.
[2]) Ibid.

[1]) *Фламмаріонъ.* Звѣздное небо и его чудеса. Стр. 164.
[2]) *А. Ермоловъ.* Народн. сельско-хоз. мудрость. Стр. 309.
[3]) *Я. Олесницкій.* Талмудич. миѳологія, стр. 230—231.

станетъ понятнымъ и выраженіе псалма XC, 6: «не убоишься ужасовъ въ ночи. *стрѣлы* летящей днемъ, язвы ходящей во мракѣ и *бѣса полуденнаго*». Надо замѣтить, что въ періодъ второй половины іюня и первой іюля созвѣздіе Стрѣлы въ полдень бываетъ въ нижней своей кульминаціи и такимъ образомъ является діаметрально противоположнымъ полуденному солнцу.

Изъ другихъ злыхъ духовъ на seirim'ахъ, или косматыхъ козлообразныхъ существахъ я уже останавливался подробно въ своемъ «Страшомъ Судѣ» (стр. 8—10) и отожествлялъ какъ ихъ, такъ и главнаго изъ этихъ демоновъ Azazel'я съ зодіакальнымъ созв. Козерога. Въ подтвержденіе моихъ доводовъ А. Немоевскій указываетъ, что епископъ Зенонъ изъ Вероны, въ одномъ изъ своихъ поученій къ оглашеннымъ, изъясняя знаки зодіака въ христіанскомъ духѣ, относительно Стрѣльца и Козерога говоритъ: «Стрѣлецъ (главный діаволъ) посылаетъ иногда на грѣшниковъ безобразнаго Козерога, и когда черезъ блѣдныя губы меньшаго рогатаго (т.-е. Козерога) изъ кипящихъ его жилъ плюетъ (ядъ), то скверно бѣснуется во всѣхъ членахъ пойманнаго (грѣшника), который отъ страха гибнетъ. Иныхъ доводитъ до безумія, другихъ до бѣшенства. Иныхъ дѣлаетъ убійцами, иныхъ чужеложниками, еще иныхъ богохульниками, еще иныхъ ослѣпляетъ похотью. Разнообразны и безчисленны хитрости, которыя (онъ) употребляетъ» [1])

Такимъ образомъ ясно, что три почти сосѣднихъ созвѣздія на небѣ — Стрѣлецъ, Козерогъ и Стрѣла у древнихъ астрологовъ были символами злыхъ духовъ и ада, изъ которыхъ Стрѣлецъ со своимъ смертоноснымъ лукомъ являлся главнымъ демономъ.

[1]) «Myśl Niepodległa» 1911. № 184. O dwunastu znakach Sw. Zeno z Werony; № 191—разборъ книги «Страшный Судъ» стр. 1667.

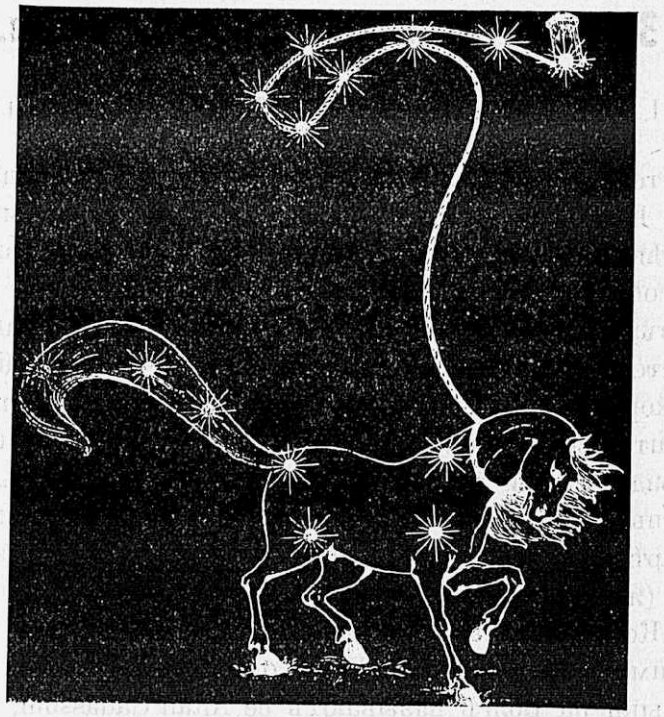
Звѣздная миѳологія народовъ Россіи.

I. Полярная звѣзда, Малая и Большая Медвѣдицы.

Суточное обращеніе близполюсныхъ созвѣздій вокругъ Полярной звѣзды было замѣчено первобытнымъ человѣкомъ, конечно, на раннихъ ступеняхъ его развитія. Въ особенности оно было хорошо замѣтно выше тропиковъ, гдѣ Полярная звѣзда стоитъ высоко надъ горизонтомъ. Поэтому-то всѣ народности, населяющія Россію, хорошо знакомы съ Полярной звѣздой и считаютъ ее центромъ звѣзднаго міра; обращеніе же вокругъ нея созвѣздій Малой и Большой Медвѣдицъ повело къ разнообразнымъ миѳологическимъ сказаніямъ и легендамъ. Въ словарѣ Даля приводится названіе Полярной—Темиръ-казыкъ (желѣзный колъ), вокругъ котораго по мнѣнію кайсаковъ Конь (Большая Медвѣдица) ходитъ на приколѣ. Уйгурское имя Полярной—Altin Kazuk означаетъ «золотой колъ». Калмыки на Волгѣ называютъ ее Altan Gadassum, что то же означаетъ золотой колъ. Подъ именемъ «колъ-звѣзды» Полярная извѣстна и среди русскихъ въ Семипалатинск. и Терской обл. Енисейскіе остяки называютъ Полярную Нуа гехіа — Божій гвоздь или рычагъ, на которомъ вертится все небо. У эстовъ она называется Nord nagel или Pöhja-nael — гвоздь сѣвера. Слово pöhi — сѣверъ въ то же время означаетъ собою и дно. Небесный сводъ народное воображеніе рисуетъ въ видѣ котла, верхушку дна кото-

раго занимаетъ Полярная звѣзда. Такимъ образомъ Põhjanael буквально означаетъ «гвоздь дна» [1]).

«Въ головѣ дикаря, говоритъ Г. Н. Потанинъ, могла явиться идея о зависимости существованія Вселенной отъ Полярной и сосѣднихъ съ нею звѣздъ; еслибы этотъ колъ былъ выдернутъ, семь прикрѣпленныхъ къ нему звѣздъ



«Конь на приколѣ у желѣзнаго кола»—созв. Б. Медвѣдицы по кайсацкимъ представленіямъ.

сорвались бы съ своего мѣста, порядокъ движенія звѣздъ нарушился бы и міръ постигла бы гибель. Отсюда по-

[1]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки сѣверо-западной Монголіи. Спб. В. IV. 1883. Стр. 734—735; «Этн. Сборн.» VI, 6; «Этн. Обозр.» 1891 г. № 3, стр. 51; *Dr. J. Hurt.* Eesti astronomia. Юрьевъ. 1899 г.

вѣрья и легенды о кончинѣ міра, связывающія ее съ Большой Медвѣдицей». Киргизы видятъ въ Бол. Медвѣдицѣ семь волковъ, гонящихся за иноходцами, когда догонятъ, то настанетъ конецъ міра. Минусинскіе татары вѣрятъ, что когда семь собакъ съ желѣзными когтями сорвутся съ желѣзныхъ цѣпей, настанетъ конецъ міра. Повидимому, это послѣднее повѣрье является отголоскомъ мифа, записаннаго въ книгѣ Еноха: «Было ужасно то, что я видѣлъ тамъ: семь звѣздъ, какъ великія горящія горы и какъ духи... И Богъ разгнѣвался на нихъ и связалъ ихъ до времени, когда окончится ихъ вина, — въ годъ тайны» (Енох. XVIII, 13, 16). По южно-русскому повѣрью на небѣ есть три сестры заряницы, приставленныя сторожить Пса, который прикованъ у Малой Медвѣдицы на желѣзную цѣпь и хочетъ перегрызть ее. Когда перегрызетъ, настанетъ конецъ міра.

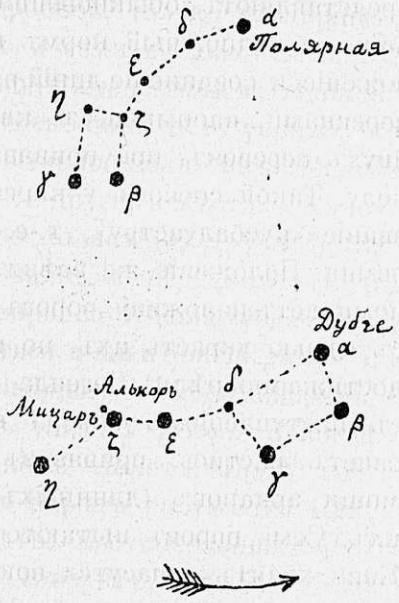
У осетинъ Полярная звѣзда почти такъ же, какъ и у кайсаковъ, называется Аксакъ-Темуръ и считается злымъ человѣкомъ. Въ давнія времена, когда ангелы ходили вмѣстѣ съ людьми, жилъ Аксакъ-Темуръ. Въ опредѣленное время дня онъ ходилъ за водою. Жили въ то же время семь братьевъ простяковъ (Ладзäртä — Большая Медвѣдица) и ихъ сильно притѣснялъ Аксакъ-Темуръ. Они отправились къ Водяному (Дондедтыръ) и чтобы расположить его къ себѣ, взяли у него питомца (эмцега) для выкормленія, полагая, что Аксакъ-Темуръ, боявшійся Водяного, оставитъ ихъ въ покоѣ. Однако Аксакъ-Темуръ пришелъ къ нимъ и убилъ ихъ воспитанника. Братья пожаловались Водяному. Тотъ сказалъ имъ, что Аксакъ-Темуръ въ извѣстное время приходитъ къ водѣ, гдѣ они могутъ его подкараулить. Но Аксакъ-Темуръ какъ-то провѣдалъ ихъ планы и пересталъ ходить къ водѣ. Братья начали ежедневно ходить къ водѣ, чтобы накрыть Темура. Только къ утру они убѣждаются, что онъ не при-

детъ и направляются къ нему, но разсвѣтъ скрываетъ его отъ ихъ глазъ. Легенда эта записана только у осетинъ, названіе же звѣздъ Б. Медвѣдицы семью братьями распространено вообще на Кавказѣ и въ Крыму. Такъ, у дагестанскихъ татаръ это Ерды-Кардашъ, у ингушей—Уоръ-вожъ, у армянъ въ Ѳеодосіи въ Крыму—Охтну-ахпаръ—всѣ эти названія означаютъ «семь братьевъ» [1]).

Осетинская легенда оказывается въ высшей степени интереснымъ астральнымъ разсказомъ и по своему происхожденію должна быть отнесена къ глубокой древности, такъ какъ въ ней сохранился отзвукъ старинныхъ преданій о томъ, что въ давнія времена, «когда ангелы ходили вмѣстѣ съ людьми», нынѣшняя Полярная звѣзда не стояла неподвижно въ центрѣ звѣзднаго міра, а такъ же, какъ и другія звѣзды, «въ извѣстное время приходила къ водѣ», т.-е. описывая круги около полюса—поднималась надъ горизонтомъ и спускалась къ нему, что происходило за нѣсколько тысячъ лѣтъ до нашей эры. Надо полагать, что осетинская легенда зародилась гдѣ-нибудь на юго-восточномъ побережьѣ Чернаго или на юго-западномъ Каспійскаго морей, т.-е. въ нынѣшнихъ приморскихъ частяхъ Закавказья, откуда всѣ незаходящія сѣверныя созвѣздія во время своей нижней кульминаціи дѣйствительно кажутся «приходящими къ водѣ», которая занимаетъ собою всю сѣверную область кругозора закавказскихъ приморскихъ горцевъ. Легенда отмѣчаетъ собою ту эпоху, когда Аксакъ-Темуръ «пересталъ ходить къ водѣ» и слѣдовательно сдѣлался неподвижной Полярной звѣздой. И тщетно семь братьевъ (Большая Медвѣдица) ежедневно спускаются караулить его къ водѣ. Утромъ на разсвѣтѣ звѣзды блѣднѣютъ и скрываются, а вмѣстѣ съ ними скрывается и Аксакъ-Темуръ, прежде чѣмъ успѣютъ померкнуть зоркія (яркія) очи семи братьевъ.

[1]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 711, 714, 735 стр.

Выше мы уже сказали, что у киргизъ Полярная звѣзда носитъ названіе Темиръ-казыка. Двѣ другихъ яркихъ звѣзды Малой Медвѣдицы носятъ у нихъ названіе: β — Ак-базатъ—бѣлая сивка и γ — Кокъ-базатъ — сѣрая сивка. Звѣзды же Большой Медвѣдицы носятъ названіе Жети-каракчи, т.-е. семь воровъ. Точно также и у татаръ Симбирской губ. двѣ звѣзды Малой Медвѣдицы называются Коганъ и Саратъ —сивая и соловая лошади, а семь звѣздъ Б. Медвѣдицы—Джедигенъ [1]). Остальныя неяркія звѣзды М. Медвѣдицы являются «аркаломъ», къ которому привязаны обѣ пасущіяся лошади.



Малая и Большая Медвѣдицы (стрѣлкой обозначено направленіе движенія Б. Медвѣдицы около Полярной).

Наиболѣе обстоятельное описаніе легенды, связанной съ этими названіями у киргизъ, доставилъ намъ А. Б. Байтурсуновъ черезъ секретаря Оренбургскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія Н. М. Трегубова: «стоитъ неподвижно, словно вбитый въ землю колъ — Полярная звѣзда. Отъ нея веревкою (правильнѣе—цѣпью) тянется рядъ звѣздъ, у котораго на раздвоенныхъ концахъ на-

[1]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. II. 125; IV, 711. Въ первомъ случаѣ авторъ ошибочно считаетъ Акъ-базатъ и Кокъ-базатъ Кастеромъ и Поллуксомъ.

ходятся двѣ звѣзды — одна свѣтлая, а другая блѣдноватая. При воображеніи послѣднихъ конями, Полярной же звѣзды коломъ и расположенныхъ между ними рядовъ звѣздъ веревками, получается такая же картина, какую представляютъ обыкновенно отпускаемые киргизами на ночь на подножный кормъ кони на привязи. Даже расположеніе и соединеніе линій рядовъ звѣздъ, воображаемыхъ веревками, напоминаетъ киргизскій способъ соединенія двухъ веревокъ, при привязываніи двухъ коней къ одному колу. Такой способъ у киргизовъ носитъ спеціальное названіе «кусбалуастру», т.-е. связать на подобіе птичьяго ремня. Положеніе же звѣздъ въ Большой Медвѣдицѣ напоминаетъ положеніе воровъ, слѣдящихъ издали за конями съ цѣлью украсть ихъ, но встрѣчающимъ препятствія къ достиженію цѣли. Легенда гласитъ, что хозяинъ коней съ наступленіемъ вечера выводитъ ихъ въ поле и пускаетъ пастись, привязавъ къ желѣзному колу при помощи аркановъ (длинныхъ веревокъ), а самъ караулитъ ихъ. Семь воровъ пытаются украсть коней, но не могутъ. Кони ходятъ и пасутся вокругъ кола, и воры не отстаютъ отъ нихъ, слѣдя за ними. Въ ожиданіи удобнаго для совершенія кражи момента, воры ходятъ всю ночь, но цѣли не достигаютъ. Съ наступленіемъ дня хозяинъ уводитъ коней домой, и воры уходятъ. Такъ дѣлается это отъ сотворенія міра. Когда воры украдутъ коней, то наступитъ конецъ міра».

Послѣдній аккордъ легенды, какъ видимъ, навѣянъ опять мыслью о зависимости существованія Вселенной отъ Полярной—являющейся «Божьимъ гвоздемъ» и рычагомъ міра. Не даромъ китайскими писателями употреблялось выраженіе «держать въ своей рукѣ оконечность Медвѣдицы» — въ смыслѣ царствовать, управлять. А въ одной шведской хроникѣ образъ Тора имѣлъ въ рукѣ семь звѣздъ. Въ Апокалипсисѣ Іоанна «Подобный сыну человѣческому» также держалъ въ десницѣ своей семь звѣздъ (Апок. I, 15).

Представленіе Б. Медвѣдицы въ видѣ коня, ходящаго на приколѣ вокругъ полюса неба явилось, очевидно, простымъ отголоскомъ болѣе подробной, только что приведенной легенды о двухъ коняхъ и семи ворахъ. Въ Малороссіи Б. Медвѣдица извѣстна подъ именемъ Воза, лошади котораго (η, ζ и ε) понесли, выскочили изъ упряжи и разбѣжались въ разныя стороны (сообщеніе изъ Черниговской губ. Н. Д. Писаревой). Въ другихъ мѣстахъ Малороссіи говорятъ: «Визъ—четверо колисъ (α, β, γ и δ), та трое коней у простяжъ. Мижъ крайнимъ переднимъ (η) и другымъ конемъ (ζ) е маненька зирочка вудыла (уздечка—Алькоръ); колы воны перейийдъяться, тоди и конець вику» [1]). Въ Екатеринославской губ. относительно Алькора говорятъ, что это «зіньске щеня» грызетъ уздечку у коня и когда перегрызетъ, тогда и свѣту конецъ минетъ. Подъ именемъ «зіньске щеня коло коня» народъ разумѣетъ слѣпыша (Spalax typhlus) изъ семейства кротообразныхъ (сообщеніе В. П. Быкова). Брэмъ говоритъ, что у этого звѣрька «глаза, величиною съ маковое зерно, почти не видны». Очевидно, это и дало поводъ народу сравнивать еле-еле видимую «маненьку зирочку»—Алькоръ въ Б. Медвѣдицѣ съ глазомъ слѣпыша.

Разное положеніе Воза на небѣ лѣтомъ и зимою также подмѣчено въ Малороссіи. «Візъ якъ заходе середъ лита, то киньми (конями) стоитъ у гору, а къ свитови киньми повертается у низъ» [2]). «Перекинула воза» — опредѣляютъ время по перемѣщенію этого созвѣздія вокругъ полюса неба въ Полтавской губ. (сообщеніе М. А. Метакса). Въ сочиненіяхъ Квитка встрѣчается такое выра-

[1]) «Сборникъ Харьковск. Ист.-Филолог. Общ.» т. II, в. 2. Стр. 148.
[2]) Ibid.

женіе: «глянувъ на зорі, аж Віз уже докочується геть-геть». Котляревскій въ Энеидѣ писалъ: «Візъ на небі внизъ повертавсь». Въ Средней Россіи Б. Медвѣдицу также зовутъ иногда Возомъ, Телѣгой, Возницей (Курск. губ.) У крымскихъ татаръ это—Мажаръ—тоже телѣга. На сѣверѣ Россіи латыши называютъ ее—Кривораттъ, т.-е. косая телѣга (Виндавск. у.), эсты—Wana wanker—старая телѣга [1]) и Телѣга Педо, при чемъ α, β, γ и δ образуютъ четыре колеса, ε — дышло телѣги, ζ — вола, η — хозяина телѣги. Про нее существуетъ такое преданіе. Нѣкто Педо (Peedo) проходилъ со своей телѣгой лѣсомъ. На вола напалъ волкъ, хотя Богъ запрещаетъ ему нападать на домашнихъ животныхъ, когда они исполняютъ работу. Чтобы волкъ впредь не нарушалъ запрещенія, Богъ запрягъ волка рядомъ съ воломъ въ телѣгу и помѣстилъ весь этотъ кортежъ на небѣ, въ поученіе будущимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ рядомъ съ воломъ (Мицаръ) видимъ волка — маленькую звѣздочку Алькоръ. Такъ какъ волкъ не хочетъ тянуть телѣгу рядомъ съ воломъ, а стремится убѣжать въ лѣсъ, то выходитъ, что хозяинъ, волъ и дышло образуютъ ломанную линію, обращенную выпуклостью въ сторону волка—Алькора [2]).

Въ другихъ мѣстахъ Россіи Б. Медвѣдицу называютъ Колясочкой (Курск. г.), Колесницей (Орловск. г.), Колесницей царя Давида, на которой души праведныхъ въ рай отвозятся (Тульск. г.) [3]). Въ нѣкоторыхъ народныхъ заговорахъ говорится о «солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ и небесной колесницѣ». Вообще нужно замѣтить, что названія Возъ и Колесница не представляютъ собою чего-либо особеннаго и ведутъ свое начало съ глубокой древности Подъ

[1]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 711, 713.
[2]) *J. Hurt.* Eesti astronomia.
[3]) *Ермоловъ.* Народн. мудрость. Стр. 310, 408.

такимъ названіемъ Б. Медвѣдица извѣстна почти у всѣхъ народовъ. Такъ, во Франціи это Char, а въ народѣ Давыдова колесница. Старое германское названіе ея Heerwagen означаетъ телѣгу. По-латыни она называлась Plaustrum, Plostrum и Plaustriluca, по-гречески Ἁμαξα — всѣ эти названія по переводу означаютъ возъ, телѣгу, повозочку [1]). Въ Китаѣ еще тысячелѣтія тому назадъ ее называли Ти-че, т.-е. царева колесница [2]).

Въ Сибири и на сѣверѣ Россіи встрѣчаемся уже совершенно съ новымъ названіемъ Б. Медвѣдицы. По-черемисски это Шордо-шюдюрь, т.-е. Лось-звѣзда; у тунгусовъ — Tôki, у инородцевъ живущихъ по нижней и верхней Оби (вѣроятно—самоѣдовъ) это созвѣздіе называется Портъ и Пенкъ—всѣ эти названія означаютъ лося. Подъ именемъ Лося созвѣздіе извѣстно и среди русскихъ въ Иркутской, Олонецкой, Нижегородской и даже Псковской губ. Остяки различаютъ у этого Лося голову (η), два глаза—«ка-семь» (ζ и ε), двѣ руки (?)—«ка-кетъ» (δ и γ) и двѣ ноги «ка-куръ» (β и α). Созвѣздіе служитъ имъ для предсказанія погоды. «Лось сжался въ кучу» — говорятъ они и ожидаютъ большихъ морозовъ—если семь звѣздъ Медвѣдицы кажутся какъ бы сближенными. Наоборотъ—«Лось растянулся»—значитъ будетъ тепло и буранъ. Кто наблюдалъ созвѣздія, тотъ хорошо знаетъ, что у горизонта фигуры ихъ кажутся широко разставленными, тогда какъ ближе къ зениту, наоборотъ, они кажутся гораздо меньше. Происходитъ это отъ разныхъ атмосферическихъ условій у горизонта и вдали отъ него. Несомнѣнно, большое значеніе тутъ имѣетъ различное состояніе атмосферы отъ метеорологическихъ причинъ и быть можетъ существуетъ нѣкоторая зависимость интенсивности этого явле-

[1]) *Joannis Bayeri.* Uranometria 1603 г.
[2]) *Фламмаріонъ.* Звѣздное небо. Стр. 90

нія отъ большей или меньшей прозрачности воздуха, что и служитъ указаніемъ остякамъ на перемѣну погоды. У черемисъ «Лось-звѣзда» настолько популярна, что существуетъ даже своеобразная скороговорка-молитва: «если я произнесу семь разъ—Шордо-шюдырь шымъ гана (семь Лосьихъ звѣздъ), то (за это) получу благодѣяніе (свыше) [1]).

Въ Анадырскомъ краѣ разсказывается цѣлая легенда о Лосѣ—Большой Медвѣдицѣ. Это созвѣздіе нѣкогда было будто бы общественнымъ звѣремъ подъ именемъ Сохатый и ходило по землѣ. Въ то время жили три брата и три сестры. Однажды братья съ сестрами пошли въ лѣсъ охотиться. Когда они увидѣли Сохатаго, то погнались за нимъ на лыжахъ; но испуганный звѣрь сначала побѣжалъ по землѣ, а потомъ началъ отдѣляться отъ земли и побѣжалъ по воздуху, и ловцы пошли за нимъ по воздуху; наконецъ поднялись до неба — и до сего времени догоняютъ Сохатаго по небу [2]).

Эта легенда чрезвычайно интересна. Мы знаемъ, что населеніе Анадырскаго края пестрое: здѣсь обитаетъ много пришельцевъ изъ болѣе южныхъ областей, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Полярная звѣзда стоитъ не такъ высоко надъ горизонтомъ, какъ на крайнемъ сѣверѣ, и потому Большая Медвѣдица въ болѣе южныхъ областяхъ во время своей нижней кульминаціи проходитъ близко къ горизонту. Поселенцы, пришедшіе оттуда въ Анадырскій край и, очевидно, знавшіе это созвѣздіе, не могли не обратить вниманія на то, что здѣсь во время нижней кульминаціи оно стоитъ гораздо выше надъ горизонтомъ, какъ бы отдѣляется отъ горизонта. И вотъ, сложилась легенда: нѣкогда этотъ звѣрь ходилъ по землѣ, а пришли за нимъ

[1]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 712–714 стр.

[2]) «Записки Общества изученія Амурскаго Края». Т. II. Анадарскій край. Стр. 121–122.

на сѣверъ и стали охотиться на него, онъ взялъ и поднялся на воздухъ. Фантазія перенесла затѣмъ и самихъ охотниковъ на небо, при чемъ ихъ видятъ въ звѣздахъ, слѣдующихъ за Сохатымъ и никогда не могущихъ его догнать. Такимъ образомъ, легенда имѣетъ астрономическій и этнографическій смыслъ. Отголоски этой легенды повидимому имѣются въ зырянскомъ названіи Б. Медвѣдицы Лампатуj, что значитъ лыжный слѣдъ, а также въ черемисскомъ разсказѣ о Лосѣ съ четырьмя дѣтенышами и охотникѣ съ собакой. Послѣдніе осуждены вѣчно скитаться по небу вслѣдъ за своими жертвами, потому что большимъ преступленіемъ для охотника у черемиссъ считается умертвить Лося съ маткой [1]). Такъ какъ Медвѣдица движется вокругъ полюса впередъ своими четырьмя звѣздами, то охотникъ и собака (очевидно η и ζ), дѣйствительно слѣдуютъ за Лосемъ съ его дѣтьми.

У киргизъ также существуетъ легенда очень близкая къ только-что приведеннымъ. Ее разсказывалъ одинъ киргизъ изъ Тарбагатая Г. Н. Потанину [2]). Три звѣзды созвѣздія стоящія рядомъ (вѣроятно η, ζ и ε) называются у нихъ Ушьаркаръ, т.-е. тремя каменными баранами. Другія три (вѣроятно—γ, β и α) Ушьмэргэнъ—тремя охотниками. Седьмая звѣзда (вѣроятно δ, менѣе яркая и отдѣляющая барановъ отъ охотниковъ)—Мултукнынгъ огы, т.-е. ружейная пуля. Охотники прежде были на землѣ; не было отъ нихъ прохода ни одному звѣрю, ни одной птицѣ. Аркары—бараны жаловались на это Богу и были по аркану подняты на небо; охотники тоже поднялись по аркану на небо, но были прокляты.

[1]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 713, 942.

[2]) Ibid. II, стр. 124. *Г. Н. Потанинъ* относитъ эту легенду къ Оріону, но изъ самой же легенды и расположенія семи звѣздъ, а также упоминанія объ арканѣ (см. выше «конь на приколѣ») совершенно ясно, что рѣчь идетъ о Большой Медвѣдицѣ.

Названіе Большой *Медвѣдицы*, подъ которымъ она извѣстна во всей астрономической литературѣ, совершенно чуждо нашимъ крестьянамъ, если не считать упоминаемаго у Потанина для Новгородск. губ. — «Медвѣжатники» [1]), которое могло быть позднѣйшимъ культурнымъ заимствованіемъ. Въ «Сказаніяхъ Русскаго Народа» И. П. Сахарова Б. Медвѣдицѣ присваивается названіе, обыкновенно соединяемое съ Плеядами — «Сажаръ-звѣзда» (см. ниже), но смыслъ относимаго къ ней повѣрья говоритъ о Медвѣдицѣ: «это созвѣздіе благопріятствуетъ охотникамъ отыскивать звѣрей и медвѣди живутъ подъ его защитой. За воровство и кражи Сажары наводятъ сонъ на медвѣдей на всю зиму. Когда Сажары глядятъ на землю (?), тогда медвѣди бываютъ смирны и не нападаютъ на человѣка. Основываясь на этомъ, охотники пускаются въ лѣсъ только при появленіи Сажаръ» (стр. 62).

У нашихъ инородцевъ, однако, есть уже несомнѣнные слѣды сравненія этого созвѣздія съ Медвѣдемъ. Такъ, остяки на Енисеѣ называютъ его Форрэдя. Мрачное же божество, положившее по ихъ повѣрьямъ начало шаманству, носитъ названіе Паридэ-нумъ и въ то же время медвѣдь по-юрацки называется парыдина. У мордвы-эрзи Б. Медвѣдица называется Некше-пазынъ-овто, т.-е. Медвѣдь бога Некше. Некше — богъ, управляющій пчельникомъ, т.-е. міромъ и богъ настоящихъ пчелъ. Онъ ѣздитъ на медвѣдѣ, большомъ любителѣ меда. У коряковъ Б. Медвѣдица называется Елус-Кыингъ, а каинга означаетъ медвѣдя. По мнѣнію Потанина татарскія имена Б. Медвѣдицы Итыганъ, Джетыганъ, Едихань, Жидигянъ, охватывающія татарскія племена отъ восточнаго Саяна и восточнаго конца Тянь-Шаня до Камы, Волги и южнаго берега Крыма, суть только варіаціи монгольскаго *утыган* и всѣ означаютъ медвѣдя [1]).

Сохранившіеся слѣды сравненія нашего созвѣздія съ медвѣдемъ у остяковъ, мордвы, коряковъ, а также у татаръ ведутъ свое начало вѣроятно съ отдаленнѣйшихъ временъ, потому что названіе созвѣздія Медвѣдемъ было повидимому изначальнымъ. Латинское названіе его Arctos означаетъ медвѣдя. Называлось оно также именами горъ въ Аркадіи—Parrhasis, Maenalis, Erymanthis [2]), на вершинахъ которыхъ водились медвѣди, откуда получила свое названіе кажется и сама Аркадія (arctos). У арабовъ α Б. Медвѣдицы называлась Dubhe, а само созвѣздіе Dubhe-acbar. Корень же dubb означаетъ медвѣдя. Ленорманъ ставитъ въ связь съ этимъ названіемъ халдейское (по Гезихію) Δαβουλη. Наконецъ, въ Ригведѣ слово rkshâs означаетъ и звѣзду и медвѣдя [3]).

На сѣверномъ побережьи Чернаго моря Б. Медвѣдица извѣстна подъ именемъ «Пастуха съ гирлигой» [4]). Гирлига—это длинная съ клюкой палка овечьяго пастуха [5]). Это названіе, быть можетъ, ведетъ свое начало отъ сосѣдняго созв. Волопаса, который у древнихъ считался «стражемъ семи воловъ»; онъ рисовался на небесныхъ картахъ съ пастушеской клюкой въ рукахъ. Вѣроятно это же созвѣздіе Волопаса или по крайней мѣрѣ яркая звѣзда его Арктуръ, находящаяся на продолженіи хвоста Б. Медвѣдицы, у качинскихъ татаръ называется «старикомъ охотникомъ, который гонялся за семью лисицами на землѣ и загналъ ихъ такъ далеко, что попалъ съ ними на небо.

[1]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 714.

[1]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. II, 28 прим.; IV. 712, 713, 717.
[2]) *J. Bayeri.* Uranometria.
[3]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, стр. 714, 715.
[4]) «Вѣстн. Европы» 1911 г. Октябрь. Разсказъ: «У воды».
[5]) *Б. Д. Гринченко.* Словарь украинскаго языка. Кіевъ 1907. Т. I, стр. 349.

Тамъ лисицы сдѣлались семью звѣздами и охотникъ тоже сталъ звѣздою, которая находится на востокъ (sic!) отъ семизвѣздицы» [1]).

Изъ другихъ названій Б. Медвѣдицы у нашихъ инородцевъ обращаетъ на себя вниманіе сравненіе фигуры этого созвѣздія со столомъ или полатями. У вотяковъ ее иногда называютъ Джекъ-кукъ, что означаетъ столъ на четырехъ ножкахъ. У якутовъ—Арангасъ сулусъ, т.-е. навѣсъ-звѣзда; арангасъ — навѣсъ или скирда на столбахъ, на которой древніе якуты клали трупы почитаемыхъ покойниковъ въ гробахъ. У монголовъ Б. Медвѣдица—Октогоинъ-долонъ-бурхынъ, а октогоинъ-долонъ-шире по-монгольски означаетъ семь небесныхъ троновъ: такъ будто бы назывался высшій классъ въ линіи тибетскихъ князей или семи древнихъ тибетскихъ царей [2]).

У нашихъ крестьянъ Б. Медвѣдица называется помимо Воза и Колесницы еще Кастрюлей или Ковшемъ. Собственно говоря, фигура созвѣздія больше всего похожа именно на кастрюлю или ковшъ, чѣмъ на что-либо другое, съ чѣмъ ее сравниваютъ. И дѣйствительно, еще въ Китаѣ, уже съ глубокой древности Медвѣдицу называли Пе-теу, т.-е. мѣра хлѣбная или ковшъ, совокъ, при чемъ три звѣзды хвоста назывались Пеи—ручка хвоста. Изъ собраннаго мною матеріала подобныя названія отмѣчены: Ковшъ—въ Петербургск. губ. (сообщеніе М. А. Преображенскаго), въ Рязанской и Костромской гг. и Кастрюля—въ Минской губ. (сообщеніе Л. Мицкевича). Въ словарѣ Даля и у Потанина указывается еще названіе Медвѣдицы Коромысломъ: «Коромыселъ докачался»—такъ крестьяне опредѣляютъ время по положенію этого созвѣздія.

[1]) *Н. Поповъ.* Повѣрья и нѣкоторые обычаи качинскихъ татаръ. «Изв. Геогр. Общества». XX, 1884 г. стр. 646.

[2]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 710, 942 стр.; «Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр. при Казанск. унив.». Т. III, стр. 225.

Помимо Лося, Лисицъ и Медвѣдя семь звѣздъ сѣвера считаются и другими животными. У эстовъ это Rootsikabu, т.-е. шведскій быкъ, на Кавказѣ у лаки—Арулъ-цуку, т.-е. семь козъ, у аварцевъ—Уарани тцоби, т.-е. верблюжьи звѣзды [1]).

Малую Медвѣдицу вообще знаютъ гораздо меньше, чѣмъ Большую. Выше мы видѣли, что у киргизъ она является арканомъ съ двумя лошадьми. Въ Малороссіи иногда называютъ ее «Пасіка» [2]). Въ Бессарабіи въ ней также видятъ «пасѣки и пчеловодовъ, водовозовъ и даже разные посѣвы, иногда же называютъ ее Курицей съ цыплятами, а четыре звѣзды ея воловьимъ возомъ» [3]).

II. Плеяды.

«Пора вставать молотить — Висажары уже высоко на небѣ» говорятъ крестьяне средней Россіи осенью, вставая по утрамъ и поглядывая на звѣздное небо. «Висажары»—это Плеяды, второе созвѣздіе послѣ Медвѣдицы, изъ пользующихся извѣстностью въ народѣ. Великорусское названіе его является, повидимому, испорченнымъ малороссійскимъ названіемъ того же созвѣздія «Волосожары» или «Стожары». Стожаръ это стогъ сѣна; стожарить значитъ—нагромождать, наваливать. Волосожары—это пукъ, копна волосъ. Плеяды, дѣйствительно, представляютъ со-

[1]) *Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 713, 714 стр.

[2]) *Булашевъ.* Космогонич. украинск. воззрѣнія. Стр. 304.

[3]) «Деревня и Новая Россія» 1876 г. № 11. Авторъ какъ-то неувѣренно относитъ всѣ эти названія къ М. Медвѣдицѣ. Вѣроятно тутъ смѣшаны вообще бессарабскія названія созвѣздій. Курица съ цыплятами вѣроятно относится къ Плеядамъ (см. ниже), а подъ четырьмя звѣздами воловьяго воза вѣроятно разумѣются четыре звѣзды Б. Медвѣдицы, тѣмъ болѣе что у черногорцевъ звѣзды Б. Медвѣдицы называются «Попове волове». (Срав. Septem triones—семь воловъ у римлянъ. *Фламмаріонъ.* Звѣздное небо. Стр. 90).

бою группу тѣсно скученныхъ звѣздъ на небольшомъ участкѣ неба.

Названіе Плеядъ Волосожарами очень стариннаго происхожденія. Русскіе книжники до-Петровскихъ временъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было перевести греческое названіе созвѣздія πλειας, употребляли названіе власожельцы, власожелици (см. словари Востокова и Срезневскаго) или Волосыни [1]). У черногорцевъ Плеяды также носятъ похожее названіе: Влашиче и про нихъ даже поется въ одной пѣснѣ:

Сунце игра преко ведра неба,
А Влашичи преко влашке земле.
У Влашича чудно коло игра:
У то коло деветъ стрвица [2]).

Здѣсь игра солнца передъ ведромъ (хорошей погодой) повидимому противополагается игрѣ Плеядъ передъ ненастьемъ на землѣ, потому что появленіе Плеядъ, какъ это увидимъ ниже, обыкновенно служило указаніемъ на приближающійся періодъ дождей.

Относительно Висажаръ у русскихъ крестьянъ существуютъ разнообразныя повѣрья и легенды. Такъ, въ Тульск. губ. говорятъ, что Висажары явились на небѣ съ того времени, какъ замучили сорокъ братьевъ за вѣру Христову [3]). Въ Курской губ. говорятъ, что Господь сотворилъ сначала всѣ звѣзды такими частыми, какъ Висажары и видъ на звѣзды былъ восхитительный. Но вотъ однажды ночью ѣхали по дорогѣ люди и заговорили между собою: «такъ эти Висажары мы съ дѣдушкою сажали» и потомъ во время этого разговора они попадали въ глубокій оврагъ и искалѣчились, а Господь началъ бить ихъ

[1]) Учен. Записки 2 отд. Акад. Наукъ. II, 2. Стр. 306.

[2]) *П. А. Ровинскій.* Міросозерцаніе Черногорскаго народа. «Изв. Геогр. Общ.» XXII, 1886 г. в. V.

[3]) *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 310.

съ неба кнутомъ приговаривая: «не смотрите по небесамъ, а смотрите по колесамъ». Съ тѣхъ поръ и появились на свѣтѣ калѣки, а звѣзды стали рѣдкими, только одни Висажары оставилъ Господь частыми для памяти (сообщеніе Р. Е. Кузякина).

Относительно Плеядъ существуетъ также повѣрье, что онѣ населены духами и въ послѣдній день новолунія у нихъ бываетъ праздникъ [1]). Это повѣрье возникло вѣроятно потому, что въ періодъ новолунія, за отсутствіемъ свѣта луны, ослабляющаго блескъ звѣздъ, группа Плеядъ въ особенности отличается сильнымъ блескомъ.

Скученность звѣздъ въ группѣ Плеядъ съ давнихъ временъ давала поводъ сравнивать ее съ гнѣздомъ птицы. Въ Малороссіи Плеяды называютъ поэтому Квочкою, иногда Квочкой з курчатами [2]), т.-е. насѣдкой съ цыплятами, въ средней Россіи — Птичьимъ гнѣздомъ (Курск., Орловск., Оренбургск. г.г.), въ сѣверной Россіи — Утинымъ гнѣздомъ (Петерб. г. — сообщеніе М. А. Преображенскаго), Утичьимъ гнѣздомъ (Сибирь, Вятск. губ.), у зырянъ Чежь-котыръ, т.-е. табунъ утокъ [3]). Русское названіе «Утиное гнѣздо» существуетъ и у нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ; у датчанъ Плеяды также называются «Вечерней курицей», у французовъ La poussinnière, въ Лотарингіи— La couveuse [4]). Въ атласѣ Байера 1603 г. встрѣчаемъ подобное же латинское названіе Massa gallinae, а на планисферѣ Киршера надъ Плеядами изображена курица, само же скопленіе звѣздъ представляетъ куриный выводокъ [5]). Наконецъ, еще арабы называли Плеяды

[1]) *И. П. Сахаровъ.* Сказанія Русскаго Народа. Стр. 62.

[2]) *Черкасенко.* Про небо. II, 26 стр.

[3]) *Потанинъ.* Очерки Монголіи, IV, 942 стр.

[4]) *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 408.

[5]) *Фламмаріонъ.* Исторія неба. Стр. 102.

Даджа джо-аль-самà ма баначи, т.-е. небесной насѣдкой съ цыплятами [1]).

У крестьянъ часто насѣдку усаживаютъ въ гнѣздо, дѣлаемое въ рѣшетѣ. Поэтому-то у великоруссовъ Плеяды иногда называются Рѣшетомъ или Рѣшеткой, на что намекаетъ разумѣется и скученность звѣздъ. Это же сравненіе встрѣчается также у вотяковъ — Шерпужъ-кижели, т.-е. рѣшето-звѣзда, у чувашей — Ала сялтяръ [2]), у финновъ—Seulaiset. У эстонцевъ Плеяды называются Новымъ Рѣшетомъ, а также Яслями Іисуса въ отличіе отъ Стараго Рѣшета или Яслей Моисея (группа Praesepe въ созв. Рака) [3]). У русскихъ крестьянъ Плеяды называются также Ситомъ, Ситочкомъ (Гродненск. губ.—сообщеніе А. С. Новицкаго), равнымъ образомъ какъ и у инородцевъ—Илекъ-ондозъ т.-е. сито-звѣзда у татаръ Симбирск. губ, на Кавказѣ у аварцевъ—Цалку, у казикумыковъ—Курчлю [4]).

Интересное преданіе о Плеядахъ и Большой Медвѣдицѣ разсказывается у киргизъ. У нихъ Плеяды называются Уркöръ или Хўркäръ и считаются сестрами. Одинъ изъ семи воровъ или разбойниковъ Джиты-каракши (см. выше стр. 135) укралъ младшую сестру Хўркäръ и помѣстилъ ее къ себѣ. Все это видно на небѣ съ древнихъ временъ [5]). По другому варіанту этого преданія у Уркера единственная дочь была похищена звѣздами Жети каракши; поэтому онѣ боятся Уркера и бѣгутъ отъ него, о чемъ и поется въ киргизской пѣснѣ:

[1]) *Фламмаріонъ*. Звѣздное небо. Стр. 250.

[2]) «Изв. О-ва Археол., Исторіи и Этногр. при Казанск. универ.» III, стр. 226, XIII, в. 3, стр. 149.

[3]) *J. Hurt*. Eesti astronomia.

[4]) *Потанинъ*. Очерки Монголіи. IV, стр. 729, 730.

[5]) «Изв. О-ва Археолог., Истор. и Этногр. при Казанск. унив.» XIV, в. 3. стр. 369.

Что это за звѣзда,
У которой верблюды тянутся каравaномъ?
Это Уркоръ, звѣзда,
У которой единственную дочь похитили
Вонъ тѣ семь разбойниковъ [1]).

Подобная же легенда передается и у монголовъ, которые говорятъ, что Долонъ-бурханъ, т.-е. Б. Медвѣдица (см. с. 144) укралъ одну звѣзду изъ созвѣздія Мэчитъ (Плеядъ); это та звѣзда, которая находится въ срединѣ Б. Медвѣдицы и свѣтитъ слабѣе другихъ; она считается богомъ воровъ и этой звѣздѣ будто-бы молится монгольскій воръ объ успѣхѣ своего предпріятія [2]). Рядомъ съ этими легендами можно указать на осетинское созвѣздіе изъ семи звѣздъ Авд-хои, т.-е. семь сестеръ, о которомъ они говорятъ, что одна изъ этихъ сестеръ поблѣднѣла [3]).

Сопоставляя всѣ эти легенды вмѣстѣ, я пришелъ къ интересному заключенію. Повидимому въ нихъ говорится объ исчезновеніи одной звѣзды въ Плеядахъ, которая въ фантазіи киргизъ есть именно та самая слабенькая звѣздочка (Алькоръ), которая видна около средней звѣзды хвоста Б. Медвѣдицы—около одного изъ семи разбойниковъ, похитившихъ ее, а въ фантазіи монголовъ «находится въ срединѣ Б. Медвѣдицы и свѣтитъ слабѣе другихъ», т.-е. δ этого созвѣздія. Если осетины говорятъ, что одна изъ «семи сестеръ» поблѣднѣла, то киргизы въ Тарбагатаѣ и Алтаѣ насчитываютъ въ созв. Уркеръ только шесть звѣздъ [4]). Нормальное зрѣніе видитъ въ Плеядахъ

[1]) Киргизско-русскій словарь. Оренбургъ. 1897 г.: «Уркоръ».

[2]) *Потанинъ*. Очерки Монголіи. II, 125.

[3]) Ibid., IV, 714. *Потанинъ* относитъ это созвѣздіе къ Б. Медвѣдицѣ, вѣроятно потому только, что рѣчь идетъ о семизвѣздіи, но то обстоятельство, что здѣсь говорится о сестрахъ, а не братьяхъ и сопоставленіе съ предыдущимъ убѣждаетъ меня въ томъ, что здѣсь разумѣются Плеяды.

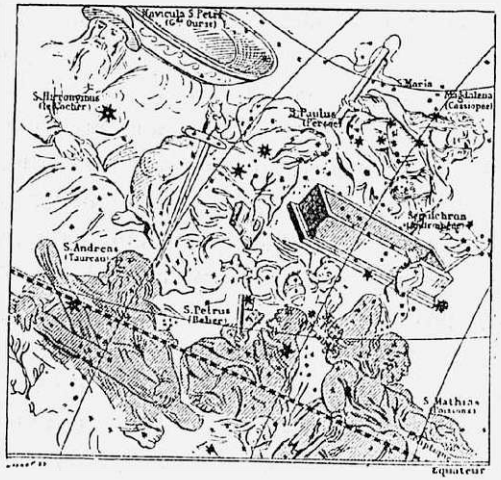
[4]) *Потанинъ*. Очерки Монголіи. II, 124.

обыкновенно шесть скученныхъ звѣздъ, но ихъ считалось семь уже въ глубокой древности. Овидій говорилъ: «Плеядъ всего считается семь, но видно бываетъ обыкновенно только шесть. Одна изъ нихъ не въ состояніи была вынести зрѣлища пожара Трои и закрыла свое лицо рукою» [1]). Можно думать, что эта седьмая, видимая теперь только въ бинокль или особенно острымъ глазомъ, въ болѣе древнее время, въ эпоху, съ которой связывали миеъ о Троянской войнѣ, была ярче и могла наблюдаться нормальнымъ зрѣніемъ. Очевидно, киргизскія, монгольскія и осетинскія легенды помнятъ это время, когда произошло похищеніе младшей сестры Уркера и фантастическое перенесеніе ея къ Жети-каракши. Существуетъ подобная легенда и у кабардинцевъ на Кавказѣ, но только уже сильно переиначенная и очевидно позднѣйшій варіантъ. У нихъ знаютъ звѣзды семи братьевъ Вагозашибль (Б. Медвѣдица), у которыхъ есть «каныръ», т.-е. воспитанникъ или пріемышъ (очевидно Алькоръ); попалъ онъ къ нимъ слѣдующимъ образомъ Одинъ князь отправилъ своего ребенка къ аталыкамъ въ «каны» т.-е. на воспитаніе и вотъ въ то время, когда везли его туда—Вагоба (Плеяды) напали и хотѣли убить ребенка, но подоспѣли семь братьевъ и спасли мальчика [2]).

Киргизы внимательно слѣдятъ за созвѣздіемъ Уркера—Плеядами и хорошо знаютъ, что въ лѣтніе мѣсяцы оно не видно. «Уркöръ спускается въ это время на землю»—говорятъ они. Скрываются Плеяды въ маѣ и не бываютъ видны по ихъ наблюденіямъ 40 дней; по истеченіи же этого времени снова восходятъ на востокѣ на южной сторонѣ Кусъ-джолъ, т.-е. Млечнаго Пути (см. ниже). Когда восходитъ Уркöръ — непремѣнно бываетъ дождь и

[1]) *Фламмаріонъ.* Звѣздное небо. Стр. 263—264.
[2]) *Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 714.

вѣтеръ [1]). Послѣдняя примѣта, повидимому, не отмѣчаетъ дѣйствительно будто бы подмѣченную связь ихъ предутренняго восхожденія съ перемѣной погоды, а является простымъ отголоскомъ болѣе древней примѣты, существовавшей у другихъ народовъ, когда предутренній восходъ Плеядъ и Гіадъ, дѣйствительно совпадалъ въ тропическихъ странахъ съ наступавшимъ періодомъ дождей.



Созвѣздіе ап. Петра съ ключами среди другихъ христіанскихъ звѣздныхъ группъ.

Такимъ же отголоскомъ этой древней примѣты является и русское повѣрье о Плеядахъ, сохранившееся въ Воронежской губ., гдѣ Плеяды, это «Петровы ключи», которыми св. Юрій открываетъ небо и дождь [2]). Замѣчательно, что на одной старинной небесной картѣ «Coeli stellati christiani» на мѣстѣ созв. Овна изображенъ ап. Петръ съ ключами въ рукѣ, которые онъ держитъ въ направленіи

[1]) *Потанинъ.* Очерки Монголіи. II, 126.
[2]) Ibid.; *Ермоловъ.* Народн. мудрость. Стр. 408.

къ Плеядамъ [1]). Это одна изъ тѣхъ христіанскихъ астрономическихъ картъ, которыми, начиная съ VIII в. Беда, а затѣмъ нѣсколько теологовъ и астрономовъ хотѣли уничтожить боговъ Олимпа на звѣздномъ небѣ. Народное названіе въ Воронежской губ., въ связи съ дождевымъ значеніемъ Плеядъ, Петровыми ключами явно говоритъ, что оно заимствовано изъ какихъ-то западныхъ источниковъ, имѣвшихъ ясную теологическую окраску и еще лишній разъ подтверждаетъ мои выводы о стороннемъ происхожденіи большинства астральныхъ примѣтъ и повѣрій въ нашемъ русскомъ фольклорѣ.

Седьмую звѣзду въ Плеядахъ, измѣнившуюся въ блескѣ настолько, что ее считали пропавшей, впослѣдствіи многіе, особенно съ хорошимъ зрѣніемъ, все-таки находили и отсюда, вѣроятно, пошелъ разсказъ, сохранившійся у мусульманъ, а также и черногорцевъ о *семи* братьяхъ — Плеядахъ или *шести* братьяхъ съ собакой, заснувшихъ въ пещерѣ и проспавшихъ нѣсколько сотенъ лѣтъ. Когда они пробудились и почувствовали себя голодными, то послали одного въ городъ купить хлѣба, но онъ заплатилъ монетой, давно уже вышедшей изъ употребленія и тѣмъ привелъ всѣхъ въ удивленіе [2]). Это появленіе старинной монеты, уже вышедшей изъ употребленія нѣсколько сотенъ лѣтъ назадъ, быть можетъ и является аллегорическимъ представленіемъ седьмой звѣзды въ Плеядахъ, считавшейся уже давно погибшей, но теперь послѣ многовѣкового ея «сна» вновь отысканной какимъ-нибудь зоркимъ наблюдателемъ.

Осетины на Кавказѣ называютъ Плеяды Авд-хоjі, т.-е. семь сестеръ или Ямбырдтӕ—собраніе, сборище, иногда Нартъ-ӕмбыртӕ, т.-е. собраніе нартовъ. Осетины представляютъ себѣ это созвѣздіе состоящимъ изъ замкнутаго круга: это пирующіе нарты. Наиболѣе яркая звѣзда въ центрѣ (Альціона) — это бочка съ виномъ; нѣсколько звѣздъ внутри круга — это разносчики вина. Къ такому сближенію вѣроятно повело то обстоятельство, что у кюринцевъ во время пировъ гости дѣлились на группы по семи. Кабардинцы называютъ Плеяды: Вагоба, т.-е. многозвѣздіе. У мордвы это группа изъ семи звѣздъ—Сисэмъ-дяшутъ (Пензенск. г.) или Сисэмъ-озяетъ, т.-е. семь воробьевъ (Нижегородск. г.). Въ Ярославской губ. русскіе крестьяне также называютъ Плеяды Седмицами (сообщеніе Е. А. Смирновой).

Въ М. Медвѣдицѣ, какъ мы говорили выше, въ Малороссіи и Бессарабіи крестьяне видятъ Пасѣку и пчеловодовъ. Въ Плеядахъ же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усматриваютъ Улей (д. Коркіомяки Петербургск. у. на границѣ съ Финляндіей—сообщеніе М. А. Преображенскаго), а мордва считаетъ ихъ Роемъ (Веле) и деревней, гдѣ живетъ Нешкепазъ въ стекляннномъ (ледяномъ) дворцѣ. Нешке-пазъ, какъ это мы видѣли выше, является богомъ, управляющимъ пчельникомъ.

У нѣкоторыхъ племенъ Плеяды посвящены коровѣ. Такъ, у сартовъ они называются Ухыръ, что по-монгольски означаетъ корову, у чувашей это Teiko—коровье сердце. Нарымскіе инородцы на Оби видятъ въ Плеядахъ Нюнъ-олъ-иморкъ, т.-е. заячью голову. Зыряне называютъ Плеяды Воj кодзулъ—ночная звѣзда или Гурjыл кодзул—надголовная звѣзда. Изъ русскихъ названій въ собранномъ мною матеріалѣ значатся еще слѣдующія: Грудки (Вятск. г. Малмыжск. у.), Кучки (Нижегородск.), Попова семья (Казанск. г. Чебоксарск. у.) [1]) и Баби (русское:

[1]) *Фламмаріонъ.* Исторія неба. Стр. 103.
[2]) *Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, Стр. 731.

[1]) *Потанинъ.* Очерки Монголіи. II, 125; IV, 730, 942 стр.

бàбы) [1]). Это послѣднее названіе существуетъ и у поляковъ—Baby.

III. Оріонъ.

Въ созвѣздіи Оріона болѣе всего бросаются въ глаза не столько яркій Ригель и кровавая Бетельгейзе, сколько его поясъ, состоящій изъ трехъ звѣздъ одинаковой яркости и удивительно равномѣрно отстоящихъ одна отъ другой, что и дѣлаетъ эту звѣздную группу особенно примѣтной среди другихъ даже для человѣка случайно взглянувшаго на небо въ направленіи этого созвѣздія. Вотъ почему всѣ народныя названія относятся въ большинствѣ случаевъ именно къ этой части созвѣздія Оріона, тогда какъ остальныя красоты его отходятъ на задній планъ.

Старинное русское народное названіе пояса Оріона вѣроятно было «Дѣвичьи зори», теперь уже кажется почти нигдѣ не встрѣчающееся. О немъ упоминаетъ И. П. Сахаровъ въ своихъ «Сказаніяхъ Русскаго Народа», а за нимъ и Даль въ своемъ словарѣ, но ни тотъ, ни другой не даютъ научнаго опредѣленія этого названія, а замѣчаютъ неопредѣленно: «Дѣвичьи зори — линія звѣздъ по Млечному Пути» или «три звѣзды подлѣ Млечнаго Пути». Просмотрите на звѣздной картѣ весь Млечный Путь и вы нигдѣ не найдете на немъ или возлѣ него столь ясно и отчетливо выдѣляющихся трехъ звѣздъ въ линію, какъ поясъ Оріона, дѣйствительно расположенный возлѣ Млечнаго Пути [2]). О нихъ существовало преданіе, что это были три сестры, раньше жившія на землѣ и отличавшіяся своею нелюдимостью. Ни съ кѣмъ онѣ не

[1]) *Б. Д. Гринченко.* Словарь украинскаго языка.

[2]) Есть еще три звѣзды Орла (β, α γ), но это лѣтнее созвѣздіе, а Дѣвичьи зори видны зимою (4 января по нимъ гадаютъ).

хотѣли знаться, никого не звали къ себѣ въ гости. Напрасно женихи засылали къ нимъ свахъ. Сестры упорно молчали и такъ и остались на весь свой вѣкъ дѣвушками. За это они были прокляты послѣ своей смерти и осуждены свѣтить на небѣ въ видѣ трехъ красныхъ пятнышекъ-звѣздъ: «досталось имъ весь вѣкъ горѣть зорями»— прибавляетъ легенда [1]). Отсюда и названіе «Дѣвичьихъ зорь», потому что онѣ никогда не увидятъ конца своему дѣвству, которое сравнивается съ безконечной зарей, не завершающейся восходомъ Солнца-жениха.

Въ связи съ этимъ повѣрьемъ у крестьянъ существовало гаданье по Дѣвичьямъ зорямъ вечеромъ 4 января. Выходя на дворъ изъ избы дѣвушки смотрѣли на небо и если приходилось такъ, что Дѣвичьи зори были спереди, тогда дѣвушки съ горемъ уходили, потому что это предвѣщало еще одинъ томительный годъ дѣвичьей жизни. Если же оказывалось, что Сажары находятся съ правой руки, то гаданіе предвѣщало уже исполненіе задуманнаго [2]). Такое положеніе Сажаръ наступаетъ въ началѣ января ближе къ полуночи, когда вслѣдствіе суточнаго движенія неба Плеяды, находящіяся въ началѣ вечера надъ поясомъ Оріона, спускаются ниже и правѣе трехъ звѣздъ этого пояса или Дѣвичьихъ зорь.

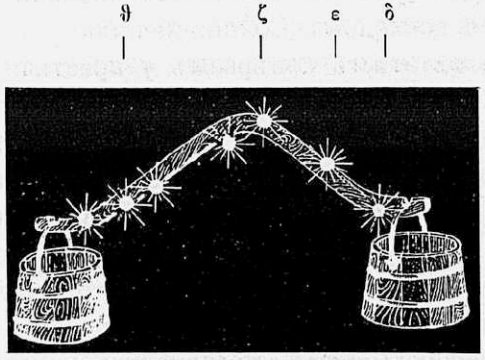
Отголоски преданія о Дѣвичьихъ зоряхъ сохранились, повидимому, также въ южнорусскомъ повѣрьѣ о трехъ сестрицахъ-зоряницахъ, приставленныхъ сторожить пса, прикованнаго на желѣзной цѣпи у М. Медвѣдицы (см. выше с. 133). У осетинъ три звѣзды Оріона прямо называются Арта-хои, т.-е. тремя сестрами, ищущими потеряннаго брата — Полярную звѣзду. Греки въ Θеодосіи въ Крыму называютъ три звѣзды Оріона Тріа дельфи, т.-е. три брата [3]).

[1]) *И. Сахаровъ.* Сказанія Русскаго Народа. Стр. 62.

[2]) *И. Сахаровъ.* Дневникъ Русскаго Народа. II, 5 стр.

[3]) *Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 737, 724 стр.

Въ наше время три звѣзды Оріона (ζ, ε и δ) крестьяне называютъ Коромысломъ въ Арханг. [1]) и Минск. г. (сообщеніе Л. Мицкевича) или Коромыслицей (Сѣвск. у. Орловск. губ.—запись автора). Повидимому, чтобы вообразить себѣ коромысло, надо принять въ расчетъ еще ϑ—туманность Оріона и сосѣднія съ нею звѣзды, находящіяся подъ средней изъ трехъ, стоящихъ въ рядъ. Пользуясь этимъ моимъ указаніемъ художникъ г. Муса Хаджи-Касумовъ



Коромысло—поясъ Оріона.

изобразилъ это небесное коромысло на прилагаемомъ рисункѣ. При этомъ надо замѣтить, что горизонтальное положеніе коромысло принимаетъ только при заходѣ Оріона.

Подъ именемъ Коромысла звѣзды Оріона извѣстны также у татаръ и черемисъ. Татары въ Вятск. г. называютъ ихъ Кіонто-жондозъ, а въ Симбирской—Квендеöндöзъ. Эти названія означаютъ «коромысло-звѣзду» [2]). У черемисъ это Витьвара, что означаетъ коромысло и вообще вещь носимую черезъ плечо [3]).

[1]) *Ермоловъ*. Народн. мудрость. Стр. 311.

[2]) *Потанинъ*. Очерки Монголіи. IV, 723.

[3]) «Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр. при Казанск. Унив.» III, стр. 200. *Г. Н. Потанинъ* сравниваетъ названіе Витьвара съ вотскимъ

У вотяковъ поясъ Оріона называется Тарази, т.-е. вѣсы. Точно также по-киргизски вѣсы — таразы, именно вѣсы близкія по формѣ къ коромыслу [1]). Собственно говоря, между коромысломъ и вѣсами небольшая разница и у всякихъ вѣсовъ поперечная часть ихъ называется коромысломъ вѣсовъ. Только вмѣсто ведеръ надо вообразить чашки. Названіе пояса Оріона вѣсами встрѣчается также на Кавказѣ, гдѣ у грузинъ это Сасцари, у закавказскихъ армянъ — Кшеркъ, у закавказскихъ турокъ — Тарази [2]). Кстати можно замѣтить, что въ Средней Россіи (наприм., въ Орловск. г.) вѣсы въ лавкахъ въ народѣ называются «терезами». У киргизъ относительно созв. Тарази говорится, что оно восходитъ спустя 20 дней послѣ Уркера (см. с. 148) и послѣ ихъ восхода бываетъ дождь. Три звѣзды Оріона называются у нихъ еще Колъ-таразы, т.-е. ручные вѣсы, въ отличіе отъ другихъ трехъ сосѣднихъ звѣздъ (?)—Пудъ-таразы, т.-е. большіе вѣсы [3]).

Въ Сибири поясъ Оріона называютъ Кичигами. Кичига это—ручное орудіе для околачиванія льна, рѣже—молотьбы хлѣба, состоитъ изъ шеста, нижній конецъ котораго загнутый, толстый и плоскій. Иногда же кичигою служитъ древесный сукъ съ тяжелымъ обрубкомъ древеснаго ствола. Названіе это для Оріона отмѣчено въ слѣдующей области: Уралъ, Соликам., Оренб., Кунгур., Камч., Тобол., Челяб., Забайкал., Вятск., Поморск. Арханг. г. Въ Вятской

бутьмаръ—перевязь и отсюда дѣлаетъ догадку: «не было ли названіе созвѣздія первоначальнымъ (т.-е. въ смыслѣ перевязи или пояса Оріона. *Д. С.*), и только впослѣдствіи уже перешедшимъ въ коромысло?» *С. К. Кузнецовъ* сомнѣвается въ такомъ словопроизводствѣ (loc. cit. стр. 414), потому что слово Витьвара состоитъ изъ вуд—вода и варà—палка, т.-е. палка для ношенія воды.

[1]) Ibid.

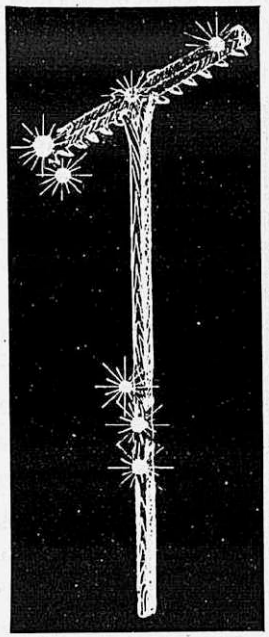
[2]) *Потанинъ*. Очерки Монголіи. IV, 723, 724 стр.

[3]) Ibid. II, 126 стр.

губ. названіе «Кичиги» настолько распространено, что встрѣчается даже въ народной пѣснѣ:

Ужъ ты зоренька вечерняя,
Ты кичига полуночная!
Ты зачѣмъ рано въ восходъ взошла? [1]).

Замѣчательно, что у венгровъ названіе Оріона Kaszahugy очень похоже на наше русское [2]). Въ Ярославск. губ. (Любимск. у.) Е. А. Смирнова отмѣтила названіе пояса Оріона—Коряга, т.-е. кривой пень, что въ сущности близко подходитъ къ кичигѣ.



Грабли—поясъ Оріона.

Три звѣзды Оріонова пояса вообще почему-то даютъ поводъ народу сравнивать ихъ со всевозможными земледѣльческими орудіями. Въ южной Россіи ихъ называютъ напримѣръ, Граблями [3]), равнымъ образомъ какъ и у эстонцевъ, у которыхъ кромѣ самихъ Граблей различаютъ еще Цѣпъ для молотьбы, составляемый γ, α и χ Оріона [4]). Малороссы видятъ въ Оріонѣ Косы [1]) или Косарей [2])—(Гродненск. г.—сообщеніе С. А. Новицкаго), равнымъ образомъ какъ и нѣкоторые южно-славянскіе народы. У нѣмцевъ это тоже три косаря — Die drei Möder, хотя въ старину они назывались въ Германіи Тремя плугами [3]).

Изъ другихъ названій Оріона въ собранномъ у меня матеріалѣ имѣются слѣдующія: Три царя (Камч., Оренбург., Челяб. у.у.); Трицарь (Сибирь и Камчатка) [4]); Кащеговы зубы (Елаб. у.); Сидцы (Минск. г. — сообщеніе Л. Мицкевича); Ритциль - у тлаль — звѣзды равно—у аварцевъ; Сатиботжильки, т.-е. чурекъ (хлѣбъ въ видѣ тонкой лепешки) женщины Сати—у ингушей; Ваголукумъ, т.-е. четвероугольная лепешка—у кабардинцевъ; Уастырги бäхъ—трехногій конь св. Георгія—у осетинъ; Rau—китъ у чукчей, Пинэ—собака, посвященная Шайтану—у мордвы; Три плавательныя сѣти — у нарымскихъ инородцевъ на Оби; Три маралухи, т.-е. три оленьихъ самки—это смыслъ большинства инородческихъ названій въ Сибири [5]).

Въ заключеніе приводимъ еще церковнославянскія названія Оріона: крѫжилѩ (словарь Востокова) и крѹжилиѥ (словарь Срезневскаго), которыми русскіе переводчики передавали встрѣчающееся въ священныхъ книгахъ ὡρίων. Это славянское слово по мнѣнію Потанина очень близко стоитъ къ Grizulo rotas—литовскому названію Б. Медвѣдицы, что означаетъ колесницу Грижуля [6]).

[1]) Словарь русскаго языка Акад. Наукъ подъ ред. *Д. К. Зеленина* IV, 3 в. Спб. 1909.

[2]) *Потанинъ*. Очерки Монголіи IV, 723.

[3]) *Фламмаріонъ*. Звѣздное небо. Стр. 403 (добавл. *Е. Предтеченскаго*); *Stoïan*. Connaissances astronomiques des paysans russes. «Bul. Société Astr. de France» 1909, p. 505.

[4]) *J. Hurt*. Eesti astronomia. Прилагаемый здѣсь рисунокъ граблей составленъ на основаніи данныхъ D-га Гурта.

[1]) *Верхратскій*. Про говор галицких лемків. Львів. 1902, с. 427.

[2]) *Черкасенко*. Про небо, ч. II, с. 25; *Раковський*. Про землю, сонце і звізди, с. 24, 89, 90.

[3]) *Ермоловъ*. Сельско-хоз. мудрость. Стр. 408.

[4]) «Москвитянинъ» 1842 г. ч. II и III, с. 243.

[5]) *Потанинъ*. Очерки Монголіи. IV, 723—725 стр.

[6]) Ibid.

IV. Млечный Путь.

Прежде, чѣмъ человѣкъ сталъ соединять яркія звѣзды въ группы – созвѣздія, его вниманіе должно было остановиться на самой замѣчательной особенности звѣзднаго неба—на Млечномъ Пути. Поэтому-то въ миѳологіяхъ всѣхъ народовъ эта бѣловатая полоска небеснаго свода издавна повела къ разнообразнымъ догадкамъ и сказаніямъ, около нея сложился цѣлый циклъ разнородныхъ вѣрованій и легендъ. У нашего народа Млечный Путь также пользуется большимъ вниманіемъ. Крестьяне зовутъ его «Дорогами» или «Поясомъ» (словарь Даля).

Въ Холмской Руси дорога эта является путемъ, по которому души праведныхъ попадаютъ на небо (Подольск. г.). Крестьяне Тульск. губ. вѣрятъ, что въ заутреню Свѣтлаго Воскресенія праведники встаютъ изъ гробовъ и въ это время Млечный Путь спускается на землю и указываетъ имъ дорогу въ царствіе Божіе [1]).

Въ Курской губ. Млечный Путь называютъ Святой дорогой, начинающейся тамъ, гдѣ за-моремъ земля сходится съ небомъ и по ней-то души усопшихъ и восходятъ на небо. Частыя звѣзды на этомъ пути — это все души, идутъ и толпятся—много ужъ очень собралось ихъ (сообщеніе Р. Е. Кузякина).

Въ Люблинск. и Волынск. губ. говорятъ, что Млечный Путь это—дорога, одна половина которой (до пересѣченія по срединѣ) ведетъ въ рай, а другая въ адъ, а звѣзды—это ангелы Божіи, которые сидятъ на ступеняхъ неба съ зажженными свѣчами въ рукахъ [2]).

Всѣ эти воззрѣнія оказываются очень древними. У

[1]) *Ермоловъ.* Народн. мудрость. Стр. 408, 409.

[2]) *Булашовъ.* Космогонич. украинск. воззр. Стр. 304, 305.

Макробія, писателя V вѣка, приводится мнѣніе, что Млечный Путь является дорогой душъ, рождающихся въ мірѣ и уходящихъ изъ него. Въ египетской поэзіи это также эфирный путь душъ въ таинственныя области безсмертія. Индѣйцы Сѣверной Америки тоже называютъ Млечный Путь «Тропинкою душъ», что при современныхъ воззрѣніяхъ въ наукѣ на связь египетской культуры съ юкатанской, особенно достойно вниманія. Наконецъ, знаменитая Лѣстница Іакова, есть не что иное, какъ Млечный Путь, что я доказывалъ въ особой своей работѣ, посвященной этому вопросу («Лѣстница Іакова или сонъ наяву»). Обратите вниманіе на приведенное выше повѣрье, существующее въ Люблинск. и Волынск. г.г.—оно является еще свѣжимъ отголоскомъ библейскихъ воззрѣній, гдѣ не только Млечный Путь—дорога вверхъ или лѣстница, но даже ангелы—звѣзды, сидящіе на ступеняхъ неба. Въ другихъ преданіяхъ основное ядро уже видно слабѣе. Изъ Курской губ. мнѣ сообщили одно повѣрье, которое является уже явно позднѣйшимъ варіантомъ старинныхъ воззрѣній. Млечный Путь, гласитъ это сообщеніе Р. Е. Кузякина, является мостомъ изъ ада въ рай. По этому мосту идутъ души. Тѣ изъ нихъ, которыя поминаются въ молитвахъ на землѣ, проходятъ безпрепятственно изъ ада въ рай, а тѣ, которыя хотя и попали въ рай за свои богатыя приношенія въ церковь, но проклинаются здѣсь на землѣ, не могутъ долго оставаться въ раю. Богъ прогоняетъ ихъ въ адъ изъ своего рая и во время ихъ паденія отъ нихъ летятъ искры къ намъ на землю въ видѣ змѣй и другихъ гадовъ... Здѣсь уже, какъ видимъ, дается и объясненіе падающихъ звѣздъ, о которыхъ рѣчь впереди.

Млечный Путь, какъ священную дорогу, ведущую къ небесамъ, въ приложеніи ея къ земнымъ обстоятельствамъ естественнѣе всего было истолковать тоже въ священномъ смыслѣ. И потому-то она вѣроятно уже давно стала

путеводительницей пилигримовъ ко святымъ мѣстамъ. Восточные турки называютъ его Hazilar-joli, т.-е. путь пилигримовъ. И у насъ бакинскіе татары видятъ въ Млечномъ Пути, когда онъ простирается съ сѣвера на югъ, путь въ Мекку. Поэтому онъ и называется у дагестанскихъ татаръ Шämы-ёлы или Мякьянунъ-ёлы, т.-е. дорога въ Мекку. Крымскіе татары называютъ его Кябэ-ёлы; кябэ-страна, куда ходятъ хаджи—мусульманскіе поклонники [1]). У христіанскихъ народовъ мысль, соединяемая съ названіемъ осталась та же, но само названіе, конечно, соотвѣтственно измѣнилось. У нѣмцевъ говорятъ: Die Milchstrasse ist die Strasse nach Jerusalem—Млечная дорога—это дорога въ Іерусалимъ. Наши крестьяне также видятъ въ немъ Дорогу Божіей матери въ Іерусалимъ (Подольск. г.), а иногда ко Христу въ рай. Въ Тульск., Калужск. и Орловск. г.г. говорятъ, что эта дорога небесная указываетъ христіанамъ путь въ Іерусалимъ ко гробу Господню, на Кавказѣ у осетинъ она раздѣляетъ весь свѣтъ на двѣ половины и тоже показываетъ дорогу въ Іерусалимъ (Терск. обл.). Новогреческое народное названіе также близко къ этому — Δρόμος του Ιορδάνου, т.-е. путь къ Іордану [2]).

Особенно подробно описывается направленіе Млечнаго Пути въ Іерусалимъ у крестьянъ Подольск. губ.: дорога эта идетъ изъ Москвы въ Іерусалимъ. Кто только идетъ въ Іерусалимъ, долженъ избрать для себя указателемъ Млечный Путь и никогда не собьется съ дороги: придетъ прямёшенько въ Москву, а затѣмъ въ Іерусалимъ, гдѣ Млечный Путь и кончается [3]). Въ Калужск. губ. указываютъ направленіе Млечнаго Пути—«Бѣлая дорожка, ведетъ изъ Кіева въ Іерусалимъ» [1]). Наконецъ, въ Херсонской губ. это шляхъ въ Кіевъ, развѣтвленіе же его — шляхъ на святыя пещеры [2]).

[1]) *Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 740, 741 стр.
[2]) *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 309.
[3]) *Булашевъ.* Космогонич. Украинск. воззрѣн. Стр. 305.

Всѣ эти названія, конечно, христіанскаго происхожденія. Подобно тому, какъ въ древне-русскихъ духовныхъ стихахъ византійская легенда, будучи перенесенной на русскую почву, получила мѣстный колоритъ, такъ и въ названіи Млечнаго Пути дорога отъ палестинскихъ событій направилась къ Москвѣ и Кіеву. И какъ только она достигла Москвы и Кіева, такъ и названіе самой дороги стало уже чисто національнымъ, и въ немъ запечатлѣлась цѣлая историческая полоса, оставившая такой глубокій слѣдъ на національномъ характерѣ русскаго народа—это татарская неволя. Млечный Путь сталъ Батыевой дорогой—какъ называютъ его въ Тамбовск., Тульской, Рязанск. и др. г. Крестьяне увѣряютъ, что онъ былъ дорогою, направленіемъ которой татары руководились, вторгаясь на Русь, что эта дорога будто бы идетъ по небу на Москву прямо отъ желѣзныхъ горъ, гдѣ были заключены татары, до періода своихъ дикихъ набѣговъ [3]). Въ томъ же смыслѣ зовутъ крестьяне Млечный Путь Мамаевой дорогой (Томск. г.) [4]) и Становищемъ: «когда-то на Становищѣ басурманская мать кормила свое дитя груднымъ молокомъ, но басурманское отродье не умѣло сосать молока и оно разлилось по небу. Потомъ изъ этого молока развились по Становищу старые служивые, которые до того дожили, что не владѣютъ на старости ни руками ни ногами» [5]). Въ Тульской губ. встрѣчаемъ слѣдующее объясненіе небесной дороги: въ старину ходила по небу богиня

[1]) «Этнографич. Обозр.» 1896 г. № 2–3, стр. 196.
[2]) *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 309.
[3]) Энциклопедич. Слов. Гранатъ. Изд. 1896 г. I, 456.
[4]) *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 308.
[5]) *Сахаровъ.* Сказанія Русскаго Народа. Стр. 63.

и разлила молоко—оттого и сталъ Млечный Путь [1]). Какъ легенда о басурманской матери, такъ и эта послѣдняя является несомнѣннымъ отзвукомъ античной миѳологіи. Млечный Путь образовался, по античнымъ представленіямъ, изъ капель молока, выпавшихъ изъ груди Юноны, когда насосавшійся Геркулесъ отвернулся отъ этой груди, бывшей у него въ губахъ [2]).

Существуетъ въ народѣ еще одно, не менѣе распространенное, названіе Млечнаго Пути Гусиной или Птичьей дорогой, по направленію которой гуси летятъ осенью на югъ (Смоленск.; Минск. г.—сообщеніе Л. Мицкевича); въ Волынск. губ. Млечный Путь—дорога въ вирій, т.-е. мѣсто, куда птицы улетаютъ на зиму [3]).

Дѣйствительно, направленіе Млечнаго Пути въ августѣ и сентябрѣ почти совпадаетъ съ направленіемъ отлета птицъ—именно, онъ тянется въ это время по вечерамъ съ сѣв.-вост. на юго-западъ. Наши инородцы также называютъ его дорогой, по которой отлетаютъ птицы. У киргизъ это Kus zoli, у туркменъ Kuslar joli, птичья дорога, у казанскихъ татаръ Kyk kaz juli, — у вотяковъ Луд-жяжек-шурэс, у черемисъ Каик комбу горно —дорога дикихъ гусей; у зырянъ Кај лебзан туј—дорожка, по которой летятъ птицы. У литовцевъ — Paukszczių kielês и у финновъ—Linnunrata—птичья дорога [4]).

Все это показываетъ, что данное названіе не мѣстно-русскаго происхожденія, а заимствованное. Быть можетъ оно очень древняго происхожденія. Не потому ли старинныя миѳологіи скомбинировали на этомъ птичьемъ пути звѣздные образы Лебедя, Орла и Коршуна (Лиры)?

Въ Закавказьѣ и вокругъ Чернаго моря у турокъ

[1]) *Ермоловъ*. Народная мудрость. Стр. 309.
[2]) *Фламмаріонъ*. Звѣздное небо и его чудеса. Стр. 164.
[3]) *Булашевъ*. Космогонич. Украинск. воззр. Стр. 305.
[4]) *Потанинъ*. Очерки Монголіи. IV, 740—742, 943 стр.

Млечный Путь принимается за разсыпанную солому, при чемъ у персовъ онъ называется Kahkesan—несущій солому, а у западныхъ турокъ Saman ogrisi, т.-е. соломокрадъ. У осетинъ это также дорога, усыпанная украденой соломой, у ингушей—солома, разсыпанная Силасатой. Армяне въ Млечномъ Пути видятъ опять «слѣдъ соломокрада»—Jartkogh, при чемъ у нихъ существуетъ и легенда на этотъ счетъ, въ которой разсказывается, что Вахангъ укралъ зимою у ассирійскаго родоначальника солому и скрылся на небо; Млечный Путь образовался оттого, что воръ обронялъ солому дорогой. У нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ также встрѣчаемъ какую-то странную связь Млечнаго Пути съ соломой или сѣномъ. Сербы, наприм., называютъ его Кумовой соломой, албанцы Κάστε ε χούμπτεριτ — солома кума; у болгаръ это Плѣва — сѣно, растерянное воромъ, который укралъ его у своего кума. Ку́ма обидѣть считается великимъ грѣхомъ и потому-то въ назиданіе потомству слѣдъ вора-соломокрада свѣтитъ на небѣ [1]). Всѣ названія Млечнаго Пути соломеннымъ слѣдомъ повидимому берутъ свое начало въ Сиріи. М. Н. Трапезникова сообщаетъ мнѣ изъ Дамаска, что у нихъ, въ Сиріи, арабы считаютъ Млечный Путь Соломенной дорогой потому, что она показываетъ путь караванамъ, идущимъ за соломой въ Хауранъ — житницу Сиріи. У Ермолова приводятся также арабское названіе Млечнаго Пути Соляной дорогой и въ Сиріи—Мякинной дорогой [2]). Послѣднее, очевидно, равнозначуще Соломенной дорогѣ.

Въ Малороссіи Млечный Путь часто называется Чумацька дорога или Чумацькій шлях [3]). «Происхожденіе этихъ, обычныхъ на Украйнѣ, названій Млечнаго Пути,

[1]) *Потанинъ*. Очерки Монголіи, стр. 740—741.
[2]) *Ермоловъ*. Народная мудрость. Стр. 407.
[3]) *А. Ивановъ*. Розмова про небо та землю. Стр. 49.

пишетъ мнѣ И. О. Селецкій, объясняется тѣмъ, что чумаки, при своихъ странствованіяхъ въ Крымъ и обратно, для оріентировки въ ясныя ночи пользовались Млечнымъ Путемъ преимущественно передъ звѣздами». Въ Бессарабіи же встрѣчается названіе Млечнаго Пути Цыганской дорогой (Хотинск. у.) [1]), вѣроятно также потому, что цыгане при ихъ кочевомъ образѣ жизни руководствуются въ своихъ странствованіяхъ направленіемъ Млечнаго Пути.

Изъ другихъ названій Млечнаго Пути въ собранномъ мною матеріалѣ имѣются слѣдующія: Богів шлях—въ Кубанской обл. [2]), Божья спина—Нуа гиррiе—у Енисейскихъ остяковъ [3]), Дорога Моисея [4]), Путь Моисея на небо (Калужск. г.), Облако, показавшее Моисею путь въ обѣтованную землю по переходѣ черезъ Чермное море (Рязанск. г.) [5]); Божья дорога, по которой самъ Богъ и св. Илья ѣздятъ на колесницѣ, везомой огненными конями (Волынск. г.) [6]). На Кавказѣ сѣверные татары-горцы называютъ Млечный Путь Кой-джолъ, т.-е. баранья дорога, грузины Харисъ-да-ирмисъ-навали—слѣдъ быка и оленя [7]). Въ Нижегородск. губ.—Мышѝны тропки [8]), въ Подольской губ. про Млечный Путь говорятъ, что столько должно родиться людей на землѣ, прежде чѣмъ наступитъ конецъ міра, сколько на этой дорогѣ звѣздъ [9]). Въ Малороссіи встрѣчается еще такое любопытное указаніе на

[1]) «Деревня и Новая Россія» 1876 г. № 11, стр. 217.

[2]) *Б. Гринченко.* Словарь украинскаго языка.

[3]) *Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 740 стр.

[4]) Словарь Даля; *Stoïan.* Connais. astron. des paysans russes.

[5]) «Этнографич. Обозр.» 1896 г. № 2—3. Стр. 196.

[6]) *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 309; см. стр. 129 этой книги.

[7]) *Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 741 стр.; авторъ сравниваетъ это грузинское названіе съ именами Аррисъ и Ермисъ (Марсъ и Меркурій)—двѣ планеты, стоящія рядомъ въ древнихъ азбуковникахъ.

[8]) *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 408.

[9]) *Булашевъ.* Космогонич. Украинск. воззр. Стр. 305.

Млечный Путь: «Дорога веде въ Ерусалымъ и на Крымъ; якъ бигали видъ панивъ, то по йій и йшли» [1]). Такимъ образомъ, народъ связалъ съ нею даже и память о крѣпостномъ правѣ.

V. Другія созвѣздія.

Насколько была богата литература предмета нашего изслѣдованія, когда мы разбирали популярнѣйшія изъ созвѣздій, настолько же она оказывается бѣдной, когда дѣло касается остальныхъ созвѣздій, не извѣстныхъ широкой публикѣ. Вся бѣда заключается въ томъ, что многіе изъ нашихъ изслѣдователей фольклора въ большинствѣ случаевъ сами не знакомы съ звѣзднымъ небомъ, а потому и всѣ ихъ опросы сосредоточены обыкновенно около извѣстнѣйшихъ изъ созвѣздій — Большой Медвѣдицы, Оріона, Плеядъ и Млечнаго Пути, которые они сами знаютъ или по крайней мѣрѣ о которыхъ они слышали. У народа же, повидимому, скомбинировано гораздо больше звѣздныхъ группъ, чѣмъ ихъ зарегистрировано въ этнографической литературѣ. Хорошій же этнографъ рѣдко бываетъ хорошимъ астрономомъ, но если такое сочетаніе познаній имѣется у изслѣдователя, то и результаты изслѣдованія, обыкновенно оказываются болѣе плодотворными. Яркій примѣръ въ этомъ отношеніи мы видимъ въ лицѣ пастора D-га Гурта, изслѣдователя эстонскаго фольклора, у котораго записанъ цѣлый рядъ народныхъ созвѣздій, неизвѣстныхъ совершенно по другимъ изслѣдованіямъ. Такъ, у него отмѣчены Рождественскія звѣзды, соотвѣтствующія нашему *Возничему*, при чемъ *Капелла* является настоящей Рождественской звѣздой, которая якобы и направила волхвовъ въ Виѳлеемъ. *Персей* назы-

[1]) «Сборн. Харьков. истор.-филол. о-ва». II, в. 2. Стр. 148.

вается звѣздами Срѣтенія, такъ какъ онъ между 6 и 7 часами вечера въ началѣ февраля находится надъ головой въ Эстляндіи. *Сиріусъ* извѣстенъ повсюду подъ названіемъ звѣзды рабовъ потому, что по преданію работавшіе на помѣщиковъ крестьяне яко-бы отпускались только тогда, когда всходилъ Сиріусъ. *Лиру* на о. Эзелѣ называютъ Двуколкой, потому что тутъ имѣется нѣкоторое подобіе телѣги (Б. Медвѣдицы), только съ двумя колесами, при чемъ колеса Двуколки образуютъ либо β и γ, либо ϑ и η Лиры. *Сѣверный вѣнецъ* представляется въ видѣ круглой изгороди, при чемъ одна легенда разсказываетъ, что пастухи повытащили часть кольевъ (въ сѣверной части созвѣздія), а по другой самъ хозяинъ оставилъ тамъ входъ [1]).

Въ средней Россіи крестьянамъ, повидимому, хорошо извѣстно созвѣздіе *Кассіопеи* подъ именемъ Косарей, хотя въ словарѣ Даля подъ словомъ Косари дается очень туманное опредѣленіе: «созвѣздіе составленное народомъ въ головѣ или началѣ Млечнаго Пути», а у Сахарова въ его Сказаніяхъ: «такъ поселяне называютъ голову Млечнаго Пути, которая состоитъ изъ четырехъ косарей и они сѣкутъ и рубятъ всякаго встрѣчнаго на пути». Если считать «головой» или «началомъ» Млечнаго Пути ту часть его, которая на небесныхъ картахъ пересѣкается первымъ меридіаномъ, то это какъ разъ и будетъ соотвѣтствовать созвѣздію Кассіопеи. Воображеніе дѣйствительно могло представить себѣ по крайней мѣрѣ двухъ косарей, идущихъ по небесному лугу съ косами, какъ это художественно изобразилъ здѣсь по моимъ указаніямъ г. Муса Хаджи-Касумовъ.

Догадка моя, что Косари это Кассіопея, подтверждается также сообщеніемъ Р. Е. Кузякина изъ Курской г.: «относительно Кассіопеи крестьяне говорятъ, что это небесное

[1]) *J. Hurt.* Eesti astronomia; перев. *Е. Я. Депманъ.*

знаменіе означаетъ «косить спѣлый хлѣбъ» и служитъ напоминаніемъ людямъ, что послѣ грѣхопаденія ихъ праотцевъ всѣ должны добывать хлѣбъ въ потѣ лица своего, а какъ добывать и убирать хлѣбъ — показано на этомъ небесномъ знаменіи (Кассіопеи)».

Въ Малороссіи Кассіопею представляютъ въ видѣ Бороны [1]), что тоже имѣетъ отношеніе къ хлѣбопашеству, при чемъ это созвѣздіе такъ описывается народомъ: «по

Созвѣздіе Кассіопеи въ видѣ двухъ косарей.

Дорози (Млечному Пути)... Борона — въ однимъ ѳбороти тры зирки, а въ другимъ чотыри, а вiйце до нейи зъ трёхъ зирокъ» [2]). Судя по этому описанію, фигура бороны усматривается въ такомъ видѣ, что звѣзды δ, γ, ϰ, β, α, η и ϑ представляютъ собою раму бороны (первыя три звѣзды въ одномъ «ѳбороти», т.-е. съ одной стороны и остальныя четыре—съ другой), а «вiйце», которымъ она

[1]) *С. Черкасенко.* Про небо. II, Кіевъ 1909 г. 23 стр.

[2]) «Сборн. Харьковск. историко-филологич. о-ва» II, в. 2. Стр. 148.

привязывается къ лошадиной упряжи, состоитъ изъ ε, ι Кассіопеи и γ Cameleopardalis.

Большой популярностью пользуется въ Малороссіи еще одно созвѣздіе подъ названіемъ Дівкі или Дівчины з відрами. С. Черкасенко совершенно ошибочно считаетъ это созвѣздіе соотвѣтствующимъ зодіакальному созв. Дѣвы [1]). Вотъ точное опредѣленіе созвѣздія, даваемое самимъ народомъ: «по Дорози (Млечному Пути), саме въ розсохахъ есть Крыныця—чотыри зиркы, а видъ нейи пишла Дівка з відрами—три зиркы» [2]). Въ розсохахъ, т.-е. развѣтвленіи Млечнаго Пути мы и находимъ эту малороссійскую дѣвушку—α въ созв. *Орла*, при чемъ съ обѣихъ сторонъ, въ рукахъ ея ведра—β и γ того же созвѣздія, а неподалеку видна и Крыныця изъ четырехъ «зирків»—α, β, γ и δ *Дельфина*—группа звѣздъ такъ же бросающаяся въ глаза, какъ и Плеяды и потому не оставленная народомъ безъ вниманія. Зодіакальное же созвѣздіе Дѣвы находится прежде всего далеко отъ Млечнаго Пути и потомъ совершенно не соотвѣтствуетъ народному описанію. У Чубинскаго созвѣздію дается уже правильное опредѣленіе: «Дівка воду несе—Орелъ» [3]). Въ Ливенск. у. Орловск. губ. созвѣздію Орла придается также значеніе похожее на малороссійское — «Братъ съ сестрою (β и γ) несутъ извару (α)», т.-е. ушатъ съ водою (сообщеніе Н. И. Говорова).

Такъ какъ три звѣзды Орла—β, α и γ образуютъ нѣчто подобное поясу Оріона, то въ эстонской народной астрономіи, по словамъ D-га Гурта, онѣ носятъ названіе Малыхъ граблей, а у арабовъ въ Сиріи—Мизàнъ, т.-е. Вѣсы. Дельфинъ же по-арабски Треа (паникадило) и восходъ

[1]) *С. Черкасенко.* Про небо. II, стр. 28.
[2]) «Сборн. Харьковск. историко-филологич. о-ва». Стр. 148.
[3]) *Булашевъ.* Космогонич. Украинск. воззр. Стр. 304.

его указываетъ на наступленіе сбора винограда, продолжающагося все лѣто и осень (сообщеніе изъ Дамаска М. Н. Трапезниковой). Эстонцы видятъ въ Дельфинѣ Ковчегъ Ноя или Малый крестъ въ отличіе отъ Большого креста — *Лебедя*. Послѣднее созвѣздіе называется у нихъ также звѣздами Поста, при чемъ α Лебедя называется Февральской звѣздой или звѣздой Срѣтенія, а β Лебедя звѣздой Благовѣщенія [1]). Въ Лужскомъ у. Петербургск. губ. крестьяне называютъ созв. Дельфина Рѣшеткой, а Лебедя Большимъ Хрестомъ [2]). Подъ именемъ Хреста Лебедь извѣстенъ и въ Малороссіи [3]). Въ астрономіи это созвѣздіе также иногда называется Крестомъ Лебедя, а въ 1627 года Шиллеръ рисовалъ на его мѣстѣ въ своемъ звѣздномъ атласѣ св. Елену, держащую въ рукахъ крестъ Іисуса [4]).

Одно изъ созвѣздій носитъ названіе въ Малороссіи Чепіги или Чепігъ, т.-е. одной или двухъ рукоятокъ въ плугѣ. Гринченко въ своемъ словарѣ относитъ это названіе къ Оріону со знакомъ ?, Черкасенко же пишетъ: «дві блискучихъ зорі, поруч одна з другою, це Чепіга (Близнята—Кастор і Полукс)» [5]). У армянъ въ Эриванской губ. существуетъ слѣдующая легенда, относимая къ *Близнецамъ*. Двѣ звѣзды этого созвѣздія, находясь въ супружеской связи, вѣчно ссорятся между собою, вслѣдствіе чего живутъ отдѣльно другъ отъ друга. Но разъ въ году, по повелѣнію Бога, они сходятся вмѣстѣ и во время ихъ свиданія радуются всѣ животныя, растенія и даже горы и воды. Тогда въ знакъ благодарности вся природа кладетъ земные поклоны Богу за то, что онъ по крайней

[1]) *J. Hurt.* Eesti astronomia, перев. *Е. Я. Депманъ.*
[2]) *Де-Лиль Адамъ.* Деревня Княжая гора. Спб. 1871 г. Стр. 37.
[3]) *Булашевъ.* Космогонич. Украинск. воззр. Стр. 304.
[4]) *Фламмаріонъ.* Звѣдное небо и его чудеса. Стр. 169 и 171.
[5]) *С. Черкасенко.* Про небо. II, стр. 24.

мѣрѣ разъ въ году соединяетъ несчастныхъ супруговъ [1]). На старинныхъ картахъ неба Близнецы дѣйствительно иногда изображались въ видѣ мужчины и женщины [2]), но ни о какомъ сближеніи яркихъ звѣздъ въ этомъ созвѣздіи не можетъ быть, конечно, и рѣчи и армянское преданіе возникло вѣроятно вслѣдствіе наблюдавшагося когда-нибудь соединенія двухъ яркихъ планетъ, въ родѣ, наприм., соединенія Марса и Сатурна, наблюдавшагося 3 августа 1911 г.

Изъ имѣющагося въ моемъ распоряженіи матеріала извлекаю еще слѣдующія названія созвѣздій. *Волосы Вероники* въ Малороссіи иногда называются Волосажаръ [3]), очевидно по той же причинѣ, что и Плеяды (см. стр. 145); въ Волынской губ. Курка (сообщеніе Л. Мицкевича). У Потанина разсказывается, что киргизамъ извѣстны двѣ звѣзды, восходящія спустя 20 дней послѣ предутренняго появлянія Ріона—это Лакъ-сумбуле и Ульконъ-сумбуле. Первая лежитъ ближе къ Млечному Пути. При появленіи этихъ звѣздъ козлы начинаютъ блеять и играть съ козлухами [4]). Можно думать, что этимъ звѣздамъ соотвѣтствуютъ *Прокіонъ* и *Сиріусъ*, восходящія послѣ Ріона, оба они лежатъ возлѣ Млечнаго Пути, одна съ одной, другая съ другой стороны. У Даля въ словарѣ упоминается еще «Петровъ крестъ—созвѣздіе составленное народомъ», но какой звѣздной группѣ оно соотвѣтствуетъ, неизвѣстно. У Сахарова въ его Сказаніяхъ говорится о Желѣзномъ колесѣ: «Такъ поселяне, объясняетъ онъ, называютъ *Арктическій поясъ*. Они думаютъ, что тамъ заключены татары навсегда, въ желѣзномъ домѣ; а домъ этотъ стоитъ отъ земли до неба на желѣзномъ колесѣ».

[1]) «Сборн. матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа». II, 2, стр. 40.
[2]) *Фламмаріонъ.* Звѣздое небо и его чудеса. Стр. 281.
[3]) *Булашевъ.* Космогонич. Украинск. воззр. Стр. 304.
[4]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. II, 126 стр.

Заканчивая наше обозрѣніе народныхъ созвѣздій, укажемъ еще на цѣлую художественную картину, которую нарисовалъ извѣстный изслѣдователь инородцевъ Якутской области В. Г. Богоразъ (Танъ) въ своемъ романѣ «Жертвы дракона»: «На краю неба уже поднимался Охотникъ въ яркомъ Поясѣ изъ трехъ свѣтлыхъ Раковинъ (*Ріонъ*) и протягивалъ впередъ свой остропламенный Дротикъ (*Альдебаранъ*). Дикіе Олени (*Кассіопея*), которые пасутся на берегу Песчаной Рѣки (*Млечный Путь*) не пошевелились, и яркое око Отца, вѣчно недвижное на небѣ (*Полярная звѣзда*) мигало, какъ будто говорило: «ищи»...

Всѣ названія созвѣздій, приводимыя въ этомъ отрывкѣ, по сдѣланному для меня разъясненію автора, «представляютъ попытки комбинацій различныхъ звѣздныхъ именъ и миѳовъ преимущественно съ одной стороны греческо-арійскихъ, а съ другой чукотско-коряцкихъ, эскимосскихъ и индійскихъ». Ріонъ вообще въ древности считался охотникомъ, преслѣдующимъ Плеядъ [1]), а созв. Кассіопеи у остяковъ называется Ланью [2]), хотя Потанинъ приводитъ для него чукотскія названія Umkan—отъ umku бѣлый медвѣдь и Mel'utankin—заяцъ [3]).

VI. Планеты.

Перейдемъ теперь къ планетамъ. Здѣсь прежде всего поражаетъ насъ тотъ фактъ, что онѣ большею частью совершенно неизвѣстны нашему народу. Оставался также неизвѣстнымъ и поясъ зодіакальныхъ созвѣздій, по которымъ передвигаются планеты.

[1]) *Фламмаріонъ.* Звѣздное небо и его чудеса. Стр. 404—405.
[2]) *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 311—Архангельск. губ.
[3]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, 713 стр.

Изъ всѣхъ планетъ съ достовѣрностью можно считать извѣстной народу только Венеру, какъ утреннюю звѣзду. При этомъ надо замѣтить, что народъ часто смѣшиваетъ ее съ другой какой-нибудь планетой или даже яркой звѣздой, находящейся на утреннемъ или вечернемъ небосклонѣ близко къ солнцу, особенно во время соединенія Венеры съ солнцемъ, когда она не видна. На сѣверѣ Россіи Венера называется Зорянкой (Петерб. у.) [1]), въ средней Россіи Зорницей (Орловск. губ.), въ южной—Вечірня зорниця [2]), Вечерница [3]), гдѣ о ней поется и въ народныхъ пѣсняхъ: «Зійшла зоря вечеровая» [4]) или «Ой зійди, зійди, зіронько вечірняя» [5]). Въ киргизскомъ словарѣ подъ именемъ Керусёкъ-жолдузъ находимъ объясненіе: утренняя звѣзда. Подъ именемъ Утрицы Венера извѣстна также въ Петербургскомъ уѣздѣ (сообщеніе М. А. Преображенскаго). Монгольскія названія Цолманъ, Цолбы, киргиское, сартское и котонское Чолбанъ или Чэлбанъ также означаютъ утреннюю звѣзду. Древне-монгольское изреченіе о звѣздѣ Цолманъ гласило: «Цохуръ моритай цохшикъ, Цохтайавынь балдыкшикъ», т.-е. подобна челкѣ чубарой лошади, подобна доспѣхамъ отца Цохтая [6]).

У киргизъ разсказывается слѣдующая красивая легенда о Венерѣ. Однажды Аллахъ послалъ на землю двухъ своихъ старцевъ, чтобы научить людей, какъ надо жить. А для того, чтобы старцы могли снова возвратиться на небо, Аллахъ далъ имъ лучезарный перстень. Поучая народъ, старцы встрѣтили на землѣ одну дѣвушку чудной красоты. Эта дѣвушка отвергала всѣхъ жениховъ, всецѣло

[1]) *Де-Лиль Адамъ.* Деревня Княжая Гора. Стр. 304; словарь *Даля.*
[2]) *Булашевъ.* Космогон. Украинск. воззр. Стр. 304.
[3]) Словарь *Б. Гринченко.*
[4]) *П. Чубинскій.* Матер. и изслѣдов. I, стр. 161.
[5]) Народныя южно-русскія пѣсни. Изд. *А. Метлинскаго.*
[6]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. II, 127.

посвятитъ себя служенію бѣднымъ и больнымъ. Какъ степнымъ пожаромъ охватила любовь сердца посланниковъ Аллаха, забывшихъ о своемъ назначеніи. И вотъ, каждый изъ старцевъ признался дѣвушкѣ въ своемъ чувствѣ, не скрывши и о своемъ божественномъ посланничествѣ. Одинъ отвѣтъ дала красавица тому и другому — велѣла придти на высокій курганъ въ степи. Назавтра оба старца встрѣтились тамъ и, понявъ, что они соперники, подняли ожесточенный споръ Но вотъ явилась дѣвушка съ изящнымъ сосудомъ въ рукахъ, содержащимъ въ себѣ напитокъ, запрещенный закономъ (вино) и заставила старцевъ пить изъ него. Отъ этого страсть къ красавицѣ у нихъ разгорѣлась еще больше. Желая отличиться другъ передъ другомъ въ глазахъ красавицы, они пустились въ дикую пляску. А дѣвушка, между тѣмъ, незамѣтно взяла ихъ лучезарный перстень въ руку, простерла ее высоко надъ своей головой и стала подниматься надъ землей. И чудной ослѣпительной звѣздой блеснулъ въ ея рукѣ перстень на небосводѣ.—«Соблазнъ міра такъ великъ, сказала дѣвушка, обращаясь къ Аллаху, что даже посланники твои не могли устоять передъ нимъ. Будь же снисходителенъ, могущественный Аллахъ, къ бѣдному роду людскому». Аллахъ простеръ руку свою съ высоты и остановилъ на полъ пути поднимающуюся красавицу, чтобы свѣтъ ея перстня вѣчно напоминалъ людямъ, что служеніе ближнему и праведная жизнь есть вѣрный путь на небо [1]).

Въ этой легендѣ прежде всего отразилось античное представленіе о Венерѣ, какъ богинѣ красоты. Подробность же объ изящномъ сосудѣ съ виномъ въ рукахъ, быть можетъ, дала поводъ къ названію Венеры «Чихирь-звѣздой», т.-е. звѣздой краснаго вина, которое въ данномъ случаѣ является символомъ страсти.

[1]) *С. Ивановъ.* Зауралье. «Тургайская Газета» 1896 г. № 15.

Въ старинной русской письменности названіе Чихирь-звѣзды встрѣчается очень часто, откуда оно появилось и въ народныхъ устахъ [1]). Въ словарѣ Даля подъ именемъ Чигирь-звѣзды стоитъ Венера и въ то же время чигирь на Кавказѣ—это бадья для поливки садовъ и виноградниковъ. Но имя звѣзды не Чигирь, а Чихирь, какъ оно пишется въ старинныхъ книгахъ [2]), а подъ этимъ послѣднимъ именемъ на Кавказѣ извѣстно красное вино (см. тотъ же словарь Даля). У ингушей встрѣчается названіе Чехгэръ, но Потанинъ относитъ его къ Плеядамъ [3]).

Замѣчательно, что варіантъ киргизской легенды о Венерѣ встрѣчается также и въ Курской губ., гдѣ говорятъ, что когда люди на землѣ стали сильно грѣшить, Господь, желая вразумить ихъ, послалъ семь благочестивыхъ мужей для проповѣди Истины. Спустившись съ неба на землю, семь мужей забыли свое назначеніе и вошли въ соблазнъ міра сего. Не дождавшись своихъ посланниковъ Господь послалъ на землю одну святую дѣву съ тѣмъ, чтобы она слѣдила за семью мужами. Эти семь мужей, возвратившись на небо вѣчно сіяютъ въ видѣ семи звѣздъ Б. Медвѣдицы, а дѣва въ видѣ планеты Венеры продолжаетъ слѣдить за ними во время ихъ обращенія на небесномъ сводѣ (сообщеніе Р. Е. Кузякина).

Любопытная легенда о Венерѣ сообщена мнѣ секретаремъ Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія В. А. Казицынымъ, братъ котораго А. А. Казицынъ записалъ ее въ Забайкальской области близъ Персидской границы на берегу Каспійскаго моря. «Два благочестивыхъ старца-мусульманина собирались на богомолье, торопясь поспѣть на мѣсто къ опредѣленному сроку—празднику, но задер-

[1]) *Ермоловъ*. Народн. мудрость. IV, стр. 310.

[2]) *В. Н. Перетцъ*. Матеріалы къ исторіи апокр. и легенды. II, стр. 24.

[3]) *Г. Н. Потанинъ*. Очерки Монголіи. IV, стр. 730.

жались мірскими дѣлами. Однако отъ Аллаха имъ было откровеніе, что если они будутъ пускаться въ путь утромъ, съ зарею, то не опоздаютъ. Старцы сѣли на ишаковъ (ословъ) и отправились въ дорогу. Ежедневно съ утренней зарей они трогались въ путь, а на ночь останавливались, давая отдыхъ животнымъ. Однажды, проснувшись раннимъ утромъ, старцы увидѣли занимающуюся зарю, вскочили и стали сѣдлать своихъ ишаковъ. Но это не была заря передъ восходомъ солнца, а только предвозвѣщеніе восхода утренней звѣзды — Венеры, восходъ которой въ тѣхъ краяхъ сопровождается зарею. Ишаки, которые еще не успѣли отдохнуть, на своемъ языкѣ сообщили старцамъ о ихъ ошибкѣ, жалобнымъ воемъ давая понять, что они еще не возобновили своихъ силъ, и что, если они теперь отправятся въ путь, то не выдержатъ до вечера. Старцы не слушали ихъ и подгоняли, а когда они увидѣли, что солнце еще не восходитъ, и что это была заря утренней звѣзды, они обрадовались, что выѣхали въ этотъ день пораньше и думали, что теперь они уже навѣрное не опоздаютъ, и продолжали подгонять изнемогавшихъ животныхъ.

Но черезъ нѣсколько часовъ усталые ишаки, не успѣвшіе подкрѣпить силъ, отказались вести стариковъ и пали подъ лучами палящаго солнца пустыни. Съ тѣхъ поръ утренняя звѣзда, бывшая виновницей гибели бѣдныхъ животныхъ, называется «Губительницей ишаковъ».

Подобное же названіе Kervan-kus—губитель каравановъ приводитъ и Потанинъ, объясняя это названіе тѣмъ, что погонщики каравановъ иногда принимаютъ Венеру за одну изъ звѣздъ Оріона и видя въ ея восходѣ знакъ приближающагося утра, чтобы во-время достичь до станціи, гонятъ животныхъ до того, что они умираютъ. Повѣрье это распространено въ Персіи, Средней Азіи, на Кавказѣ и Балканскомъ полуостровѣ. У киргизъ среди извѣстныхъ

имъ звѣздъ также есть одна несчастливая (акребъ), потому что если она встрѣчается каравану, то будетъ какое-нибудь несчастье. Вамбери даетъ ей имя Zejan joldus—скорпіонъ звѣзда [1]), но вѣроятно названіе это также отголосокъ приведенныхъ преданій и быть можетъ потому-то Чихирь звѣзда пользовалась дурной репутаціей въ астрологическомъ отношеніи, и въ старинныхъ книгахъ про нее писали: «аще кому куды поѣхать, а Чигирь ему стоитъ противно того дни, ино ему не ѣхати» и т. п. астрологическія соображенія [2]).

Въ Черногоріи Венера извѣстна подъ именемъ Даницы, т.-е. Денницы. Даница — любимое имя, даваемое черногорцами дочерямъ. Въ одной пѣснѣ мѣсяцъ укоряетъ Даницу за то, что онъ ходилъ всю ночь, а она спала:

Мѣсяцъ кара звѣзду Даницу:
«Ой, Данице, една лежакинё!
Ти пролежа вечер до сабаха (до зари),
А я предьох земле и градове,
И я видьяхъ чудо не видьено»... [3]).

У мордвы Венера носитъ названіе Шкайнъ валма, т.-е. дыра или окно. Такихъ дыръ двѣ: въ одну Богъ передъ выходомъ смотритъ, поднялся ли міръ отъ сна, въ другую—успокоился ли онъ, передъ тѣмъ, какъ опочить самому. Литовское названіе Венеры Zwerinne отъ слова Zweris—волкъ. Аѳанасьевъ въ своихъ «Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу» также приводитъ названіе Волчья звѣзда. У киргизъ Венера называется еще Атджалманъ, у крымскихъ татаръ Ат-чалманъ, что значитъ тушканчикъ; у армянъ — Луисъ-астагъ, т.-е. лунная звѣзда [4]); въ Петербургскомъ у. отмѣчено названіе Венеры — Блуждающій огонекъ, вѣроятно потому, что крестьяне подмѣтили перемѣщеніе ея среди остальныхъ звѣздъ (сообщеніе М. А. Преображенскаго).

[1]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, стр. 733.
[2]) *Перетцъ.* Матер. къ истор. апокр. и легенды. II, стр. 24.
[3]) «Изв. Геогр. О-ва» XXII, 1886 г. в. V, стр. 497.
[4]) *Г. Н. Потанинъ.* Очерки Монголіи. IV, стр. 731—733.

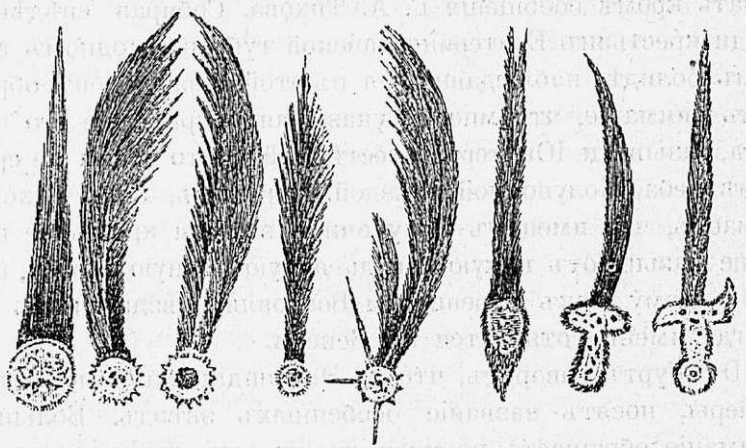
Изъ другихъ планетъ по крайней мѣрѣ Марсъ и Юпитеръ должны бы были бросаться въ глаза народу хотя бы во время ихъ противостояній, но тѣмъ не менѣе почти ничего интереснаго въ этомъ отношеніи мнѣ не удалось узнать кромѣ сообщенія Г. А. Тихова. Собирая свѣдѣнія среди крестьянъ Екатеринославской губ. объ одномъ яркомъ болидѣ, наблюдавшемся въ этой области, онъ обратилъ вниманіе, что многіе, указывая направленіе его полета, называли Юпитеръ, блестѣвшій въ то время на срединѣ неба, Полуночной звѣздой. Впрочемъ, Г. А. Тиховъ думаетъ, что именемъ Полуночной звѣзды крестьяне вообще называютъ какую-нибудь яркую ночную звѣзду, подобно тому, какъ Утренняя и Вечерняя звѣзда у нихъ не всегда именно относится къ Венерѣ.

D-r Гуртъ говоритъ, что въ Эстляндіи планеты, кромѣ Венеры, носятъ названіе особенныхъ звѣздъ. Большое вниманіе обращаетъ на нихъ народъ въ то время, когда онѣ появляются двѣ вмѣстѣ. Тогда это объясняется какимъ-нибудь достопримѣчательнымъ происшествіемъ на землѣ. Такъ, сближеніе Марса и Сатурна въ 1877 г. было объяснено пастору Гурту какъ воюющіяся стороны—русскіе и турки; побѣда надъ турками якобы произошла одновременно съ удаленіемъ Сатурна.

VII. Кометы и падающія звѣзды.

Кромѣ звѣздъ и планетъ вниманіе народа, конечно, должны были привлекать кометы, эти волосатыя или хвостатыя звѣзды. Наши древне-русскіе лѣтописцы называли ихъ огненными копьями. Но въ народѣ это названіе не привилось; онъ называлъ кометы и продолжаетъ назы-

вать ихъ метлами. Это народное названіе встрѣчаемъ, напр., въ устахъ патріарха Никона, когда онъ при появленіи кометы 1664 года говорилъ царю Алексѣю Михайловичу и его приближеннымъ, воздвигшимъ гоненіе противъ патріарха: «Да размететъ Господь Богъ васъ божественною метлою, иже является во дни многи». Въ Бѣлоруссіи, дѣйствительно, до сихъ поръ говорятъ въ народѣ,



Старинные рисунки кометъ въ видѣ копій, мечей, вѣтвей, метелъ и пр. (изъ «Кометографіи» *Гевелія*).

что Богъ посылаетъ метлы на небѣ, чтобы смести грѣшниковъ съ лица земли [1]). Великоруссы говорятъ двусмысленно: «метлы небо подметаютъ передъ Божьими стопами» [2]). Малороссы видятъ въ кометахъ предвѣстницъ войны: «Тількі явиться на небі метла, то буде війна» [3]). Замѣчательно, что названіе кометъ метлами встрѣчается съ глубокой древности въ Китаѣ, и невольно является подозрѣ-

[1]) *М. М. Каменскій.* Что такое кометы? Спб. 1910 г.—Могилевская губ.

[2]) *В. И. Даль.* Пословицы русскаго народа. II, 276 стр.

[3]) *Чубинскій.* Труды экспедиціи въ западно-русскій край. III, стр. 451.

ніе, что оно занесено оттуда къ намъ на Русь монголами, во время ихъ нашествій.

Въ Малороссіи кометы называются также Зіркамі з мітламі или Віхами (вѣхами) [1]), причемъ крестьяне говорятъ, что Мітла или Віха—самая старшая вѣдьма, которая ходитъ по небу съ доёнкою въ рукахъ и управляетъ всѣми вѣдьмами, живущими на землѣ [2]). Поморы въ Архангельск. губ. называютъ кометы также звѣздами съ дымовыми хвостами, при чемъ по ихъ мнѣнію они «виснутъ» (висятъ) ниже облаковъ и Богъ посылаетъ ихъ на «обращеніе людей» [3]). Вообще, мнѣніе о томъ, что кометы появляются по повелѣнію Бога и побуждаютъ людей къ покаянію, является общимъ. На Кавказѣ говорятъ, что появленіе кометы предвѣщаетъ смерть какого-либо императора, осетины видятъ въ нихъ большое несчастье для цѣлаго государства [4]). Во всѣхъ этихъ взглядахъ ясно видно наслѣдіе среднихъ вѣковъ.

Отъ кометъ народъ не всегда отличаетъ болиды и часто смѣшиваетъ то и другое. Но все же появленіе болидовъ, какъ кратковременное явленіе, повело къ инымъ сближеніямъ. Чаще всего — это огненный змѣй. Названіе болидовъ огненными змѣями встрѣчается у нашихъ лѣтописцевъ. «Змій летяше въ Кіевской волости» или «явися знаменіе зміево на небеси» — простодушно повѣствовали монахи-книжники. Иногда огненнаго змія отличаютъ отъ обыкновенныхъ падающихъ звѣздъ, которыхъ въ Петербургской (Любань) и Ярославской г.г. называютъ ужами (сообщеніе А. А. Кондіайна). Въ то время какъ «ужи» падаютъ сразу, быстро—огненный змѣй летитъ порывисто, скачками (Смоленск. г.) или дѣлаетъ дугообразный по-

[1]) Словарь *Б. Гринченко.*

[2]) *Булашевъ.* Космогонич. Украинск. воззр. Стр. 308.

[3]) «Изв. Арханг. О-ва Изуч. Русск. Сѣвера». 1912 г. № 4.

[4]) *Ермоловъ.* Народн. мудрость. Стр. 313, 314.

летъ (Рязанск. г.) [1]),—всѣ эти особенности хорошо замѣчены народомъ.

По представленіямъ крестьянъ южной и средней Россіи умершіе превращаются въ падающую звѣзду или змія и ночью летятъ на тотъ домъ, гдѣ умершій оставилъ жену или дѣтей. Вотъ почему говорятъ о вдовѣ, которая «заболѣетъ» послѣ смерти мужа: «вона має прелесника» [2]). Сахаровъ въ своихъ Сказаніяхъ приводитъ народное названіе падающей звѣзды — Маньякъ и говоритъ, что онѣ падаютъ на тотъ дворъ, гдѣ дѣвица потеряла невинность. Въ Малороссіи, когда видятъ падающую звѣзду, говорятъ иногда, что Украйна дѣвушку теряетъ—дѣвушка замужъ вышла—хозяйкой стала [3]).

Самымъ распространеннымъ воззрѣніемъ въ народѣ на падающія звѣзды является взглядъ на нихъ, какъ на знакъ смерти человѣка. «Звѣздочка упала — человѣкъ Богу душу отдалъ» (Орловск., Тульск., Рязанск., Харьковск., Арханг. г.г., Холмская Русь). Иногда встрѣчаются различія — иные говорятъ, что это знакъ смерти праведника, другіе—грѣшника. Сахаровъ въ своихъ Сказаніяхъ говоритъ, что изстари ведется на Руси преданіе, что 20 февр. не должно смотрѣть на падающія звѣзды съ неба. Худая примѣта заляжетъ въ душу того, кто завидитъ падающую звѣзду; она предвозвѣщаетъ смерть. Увидѣвши ее, надо сказать: «Аминь, разсыпься», чтобы не было худа.

Рожденіе звѣздъ, говорятъ осетины, совпадаетъ съ появленіемъ на свѣтъ человѣка; когда человѣкъ умираетъ, то подъ небомъ дуетъ вѣтеръ, который отрываетъ звѣзду, падающую въ воду. По другому варіанту той же легенды звѣзды падаютъ по повелѣнію Божію. Какъ только прилетитъ душа человѣка на небо, такъ Богъ заставляетъ

[1]) «Этнографич. Обозр.» 1896 г. № 2—3, стр. 173.
[2]) *Булашевъ.* Космогонич. Украинск. воззрѣнія. Стр. 307.
[3]) *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 408.

ангеловъ сбросить одну звѣзду съ неба, чтобы всѣ люди знали о кончинѣ умершаго и помолились за него. Въ іюлѣ и августѣ звѣздъ падаетъ бо́льшее количество (потокъ падающихъ звѣздъ Персеидъ), потому что въ эти мѣсяцы умирающихъ людей больше, по случаю страднаго времени [1]).

Любопытно сравнить всѣ эти повѣрья съ однимъ литовскимъ миѳомъ. Прядильщица wегреја сучитъ на небѣ нить судьбы новорожденнаго дитяти, и каждая изъ этихъ нитей оканчивается звѣздой. Когда смерть приближается къ человѣку, то въ то же время порывается его нить, и звѣзда, поблѣднѣвъ, падаетъ на землю [2]).

Представленіе о змѣѣ-искусителѣ въ апокрифическихъ и народныхъ воззрѣніяхъ всегда тѣсно связывается съ представленіемъ діавола, сатаны и вообще чертей. Поэтому болиды и падающія звѣзды не только принимаются за огненныхъ змѣй, но также и за перелетъ самаго нечистаго духа (Тульск. г.), полетъ по воздуху шайтановъ (Вотяцк.), перелетъ вѣдьмъ, несущихся на бѣсовскія игрища (Харьковск. г.), наконецъ—сверженіе нечистаго духа съ неба (Калужск. г.), почему во время паденія звѣзды надо креститься и произносить слово «аминь»; чѣмъ большее число разъ успѣешь его произнести, тѣмъ глубже чортъ уйдетъ при паденіи въ землю (Малоросс.) [3]). Въ Подольск. г. падающія звѣзды называются свѣчами злыхъ духовъ. Между звѣздами—свѣчами, зажженными Богомъ по числу людей, сатана ставитъ иногда секретно и свою свѣчу для какого-нибудь изъ подчиненныхъ ему чертей или принадлежащихъ ему людей. Но Богъ видитъ всѣ его хитрости и немедленно сбрасываетъ палкою свѣчу

[1]) *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 311.
[2]) *J. Grim.* Deutsche Mythologie. 1843. S. 685.
[3]) «Этнографич. Обозр.» 1896 г., № 2—3, стр. 195—196; *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 311, 312, 409.

діавола «съ облака». По другому варіанту особо приставленный для того ангелъ, осматривая свѣчи, тотчасъ же видитъ, что есть и діаволова свѣча, которую сбрасываетъ съ неба на землю. Третій варіантъ гласитъ, что падающія звѣзды, это черти, которые хотятъ уподобиться добрымъ ангеламъ. Они дѣлаются звѣздами и взбираются на небо, чтобы «свѣтить міру». Тогда ангелы общими силами свергаютъ ихъ съ неба, и черти, падая на землю, разливаются по ней смолою [1]).

Всѣ эти легенды сложились подъ сильнымъ вліяніемъ апокрифической письменности, во многихъ произведеніяхъ которой вспоминалось и описывалось древнее преданіе о сверженіи съ неба согрѣшившихъ ангеловъ, ставшихъ потомъ злыми духами. Особенно подробно этотъ эпизодъ описанъ въ книгѣ Еноха, гдѣ и самые падшіе ангелы представляются въ видѣ звѣздъ. «И я опять видѣлъ въ видѣніи, и посмотрѣлъ на небо, и вотъ я увидѣлъ много звѣздъ, какъ онѣ упали и были низвергнуты съ неба» (Енох. LXXXVI, 3). «И я видѣлъ одного изъ тѣхъ четырехъ (ангеловъ), которые вышли прежде, какъ онъ схватилъ звѣзду, прежде всѣхъ ниспадшую съ неба, связалъ ей руки и ноги и положилъ ее въ пропасть; пропасть же та была тѣсна и глубока, ужасна и мрачна» (Енох. LXXXVIII, 1).

Въ Холмской Руси падающія звѣзды и болиды считаются головнями, которыя діаволъ похищаетъ съ неба для усиленія страданій подпавшихъ подъ его власть и находящихся въ аду людей [2]). У татаръ и ногайцевъ Сѣвернаго Кавказа это метательныя орудія ангеловъ, отражающихъ чертей [3]). Взглядъ этотъ перешелъ въ народ-

[1]) *Булашевъ.* Космогонич. Украинск. воззрѣнія. Стр. 306—307.
[2]) Ibid., стр. 305 – 306.
[3]) *Ермоловъ.* Народная мудрость. Стр. 311.

ную татарскую среду изъ Корана, гдѣ Аллахъ, между прочимъ, говоритъ: «Мы установили созвѣздія зодіака и сдѣлали его красивымъ для зрителей; охраняемъ его отъ всѣхъ діаволовъ, прогоняемыхъ каменьями. Если который изъ нихъ будетъ подкрадываться для подслушиванія, то его преслѣдуетъ яркій, зубчатомелькающій пламень» (Коранъ, XV, 16—18).

Причина отступленія тѣни по ступенямъ Ахаза.

(Добавленіе къ очерку «Чудо пророка Исаіи»).

Когда печатаніе этой книги уже заканчивалось, мною былъ сдѣланъ докладъ на собраніи Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія о «причинѣ отступленія тѣни по ступенямъ Ахаза», въ которомъ я привелъ соображенія, высказанныя мною въ этой книгѣ (см. стр. 46—49). Кромѣ того я указывалъ на опытъ, произведенный нѣкоторыми членами общества съ искусственнымъ воспроизведеніемъ солнечнаго затменія путемъ постепеннаго закрыванія круглой электрической лампочки темнымъ дискомъ; въ это время тѣнь отъ вертикально укрѣпленнаго карандаша дѣйствительно мѣняла свое положеніе, какъ это слѣдуетъ по теоріи. Затѣмъ я указывалъ на возможную конструкцію «солнечныхъ часовъ» Ахаза, полагая, что это былъ просто какой-нибудь вертикальный столбъ, башня или обелискъ, тѣнь отъ котораго падала на расположенныя вокругъ него амфитеатромъ ступени; только при такой конструкціи возможно, что тѣнь «спускалась» по ступенямъ въ то время, какъ и послѣполуденное солнце спускалось съ высоты неба на западъ (Ис. XXXVIII, 8). Такимъ образомъ, это не были въ собственномъ смыслѣ солнечные часы, а скорѣе гномонъ, тѣмъ болѣе, что и въ текстѣ Библіи говорится о «ступеняхъ Ахаза», а не о какихъ-либо солнечныхъ часахъ.

Въ преніяхъ по докладу мои оппоненты (Г. А. Тиховъ, А. А. Чикинъ, С. Г. Натансонъ и др.) обратили вниманіе главнымъ образомъ на то, что по теоретическому разсчету смѣщеніе свѣтового центра солнца должно быть настолько невелико, что какъ бы ни было громадно сооруженіе, отъ котораго падала тѣнь, перемѣщенія ея были бы слишкомъ незначительны и малозамѣтны, въ Библіи же говорится объ отступленіи тѣни на цѣлыхъ десять ступеней. Но прежде всего ступени Ахаза, какъ и само сооруженіе, отбрасывавшее тѣнь, являются для насъ величинами неизвѣстными; затѣмъ, указаніе именно на «десять ступеней» можно разсматривать просто какъ гиперболическое выраженіе библейскаго поэта, тѣмъ болѣе что самое число «10» является круглымъ числомъ, а не отмѣчаетъ собою дѣйствительно сдѣланный отсчетъ на часахъ. По моему мнѣнію, поразительность чуда Исаіи заключалась не въ количественной, а качественной его сторонѣ. Если кто смотрѣлъ въ солнечный день на тѣнь отъ какого-нибудь предмета, когда передъ солнцемъ проходятъ легкія облачка, не скрывающія, а только ослабляющія тѣнь, тотъ могъ замѣтить, что тѣнь предмета въ это время кажется движущеюся: на самомъ дѣлѣ она, конечно, неподвижна, а только измѣняется ея форма и ея полутѣнь отъ затемняющихъ солнце облаковъ. При затменіи этотъ эффектъ еще болѣе рѣзко выраженъ. Во время солнечнаго затменія 4 апр. 1912 г. многіе видѣли, какъ сильно искажались тѣни предметовъ, становясь серпообразными, бахромчатыми. И вотъ этотъ-то эффектъ, дополняемый хотя бы легкимъ смѣщеніемъ тѣни, и повелъ къ возникновенію библейскаго разсказа объ отступленіи тѣни.

188

Содержаніе.

	стр.
Предисловіе	III
Видѣніе пророка Іезекіиля	1
Луна, какъ національное свѣтило евреевъ	12
Грѣхъ Каина	21
Слѣды сѣвернаго вліянія въ Библіи	37
Чудо пророка Исаіи	46
О сѣверномъ происхожденіи Троянскихъ преданій	50
Христіанскіе праздники Солнцеворота	58
Птицы небесныя Фениксъ и Халкедрій	65
Отчего въ Свѣтлое Воскресенье солнышко играетъ?	70
Небесныя знаменія	76
Горные призраки	83
Чудесный градъ	89
Гаданія по облакамъ	93
Пророкъ Илья-громовержецъ	97
Радуга въ народныхъ представленіяхъ	107
Виѳлеемская загадка	112
Духи и звѣри неба	123
Звѣздная миѳологія народовъ Россіи.	
I. Полярная звѣзда, Малая и Большая Медвѣдицы	131
II. Плеяды	145
III. Оріонъ	154
IV. Млечный Путь	160
V. Другія созвѣздія	167
VI. Планеты	173
VII. Кометы и падающія звѣзды	179
Причина отступленія тѣни по ступенямъ Ахаза	186

328813

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 г.

НА

ИЗВѢСТІЯ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ МІРОВѢДѢНІЯ,

издаваемыя подъ редакціей **Д. О. Святскаго**

(второй годъ изданія).

Выходятъ четыре раза въ годъ. Подписная цѣна **1 р.** съ пересылкой, въ розничной продажѣ отдѣльный номеръ **30 к.**

Въ 1912 г. въ журналѣ были помѣщены, между прочимъ, статьи М. Гордѣенко, М. Домарадскаго, И. Егіазарова, М. Д. Залѣсскаго, В. Казицына, А. Кондіайна, Николая Морозова, С. Муратова, М. Новорусскаго, Г. А. Тихова, А. А. Чикина и др. Комплектъ журнала за 1912 г. (№№ 1—4) высылается за 1 р. 30 к. Адресъ редакціи: Спб. В. О. 7 л., д. 36., кв. 18.

Въ книжномъ складѣ **М. М. Стасюлевича** (В. О. 5 л., д. 28) находятся слѣдующія изданія автора:

Галлеева комета въ Библіи и Талмудѣ. *Историко-астрономическое изслѣдованіе.* Съ 2 рис. въ текстѣ Спб. 1910 г., Ц. 15 к.

Лѣстница Іакова или сонъ наяву. *Библейско-астрономическій этюдъ* съ предисловіемъ **Николая Морозова.** Съ рис., картами неба и текстомъ апокрифа „Лѣствица". Спб. 1911 г. ц. 30 к.

Страшный судъ какъ астральная аллегорія. *Историко-астрономическій экскурсъ въ область христіанской иконографіи.* Съ рис., снимкомъ съ древне-русской картины Страшнаго Суда и приложеніями. Спб. 1911 г. Ц. 45 к.

Цѣна 1 рубль.

Сокращенный каталогъ, спеціальный дѣтскій, со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу, и дополнительные каталоги высылаются каждый по полученіи 2-коп. марки.